Журнал по юриспруденции

Вопросы российского и международного права

Том 7, № 12А, 2017.
С. 1-178.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Law Journal

Matters of Russian and International Law

December 2017, Volume 7, Issue 12A.

Pages 1-178.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Вопросы российского и международного права»

Том 7, № 12А, 2017

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год. Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Журкина Ольга Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ***Оренбургского государственного университета*** – главный редактор журнала.

Исаенкова Оксана Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса, ***Саратовская государственная юридическая академия,*** член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ – заместитель главного редактора.

В журнале рассматриваются актуальные проблемы теории и практики российского, зарубежного и международного права, формулируются научно обоснованные выводы, предложения и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в области гражданского, налогового, банковского, авторского, международного, частного и других отраслей права.

Авторами материалов, представленных в журнале, являются руководители и ведущие специалисты государственных органов и коммерческих организаций, российские и зарубежные ученые, занимающиеся различными областями юридической науки и практики, а также аспиранты и докторанты. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Вопросы российского и международного права» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	О.В. Журкина, кандидат юридических наук
Зам. главного редактора	О.В. Исаенкова, доктор юридических наук
Официальный представитель издательства в Литве	Д. Штилис (Вильнюс, Литва
Ответственный редактор	В.В. Галушкин
Научный редактор и переводчик	К.И. Кропачева
Корректор	Л.Л. Куприянчик
Переводчики	В.Н. Ермаков, А.А. Тесленко
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142400, Московская область, г. Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с мая 2011 г. Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43675 от 24.01.2011.

ISSN 2222-5129. Учредитель и издатель: «АНАЛИТИКА РОДИС»

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России»:

42394 «Вопросы российского и международного права»

Цена договорная. Подписано к печати 15.12.2017. Печ. л. 24,25. Формат 60x90/8.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7108.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, г. Москва, Сущевский вал, 49.

"Matters of Russian and International Law"
December 2017, Volume 7, Issue 12A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna, PhD in Law, Associate Professor at the Department of criminal law, ***Orenburg State University*** (Russia) – editor-in-chief.

Isaenkova Oksana Vladimirovna, Doctor of law, Professor, Head of the Department of civil process, ***Saratov State Law Academy***, member of the Scientific (advisory) council under the Supreme Court of the Russian Federation (Russia) – deputy editor-in-chief.

The journal publishes articles concerning current problems of theory and practice of Russian, foreign and international law, as well as formulates scientifically grounded conclusions, proposals and recommendations aimed at improvement of legislation and law-enforcement practice in the field of civil, tax, banking, copyright, international, private and other branches of law.

The authors of the submitted materials are chief executives and leading experts of government bodies and commercial organizations, Russian and foreign scientists working in different fields of legal science and practice, as well as postgraduate and doctoral students.

The views and opinions of the publisher may not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Matters of Russian and International Law" ("Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	O.V. Zhurkina, PhD in Law
Deputy editor-in-chief	O.V. Isaenkova, Doctor of Law
The official representative of the publishing house in Lithuania	D. Stitilis (Vilnius, Lithuania)
Executive editor	V.V. Galushkin
Science editor and translator	K.I. Kropacheva
Proof-readers	L.L. Kupriyanchik
Translators	V.N. Ermakov, A.A. Teslenko
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142400, 7 Rogozhskaya st., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since May 2011. The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Mass media registration certificate: PI No. FS77-43675 of 24.01.2011.
ISSN 2222-5129. Founder and Publisher: "ANALITIKA RODIS"
Subscription index of the union catalogue "The Press of Russia":
42934 " Matters of Russian and International Law ".
Contract price. Passed for printing on 15.12.2017. 24.25 printed sheets. Format 60x90/8.
Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7108.
Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.
P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val st., Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

Астанин Виктор Викторович – доктор юридических наук, профессор, Вице-президент Российской криминологической ассоциации, заместитель директора по научной и учебной работе Федерального бюджетного учреждения «Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации».

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности.

Батлер Уильям Эллиотт – заслуженный профессор права им. Джона Эдварда Фоулера, Университет штата Пенсильвания (США), Профессор Emeritus сравнительного правоведения (Лондонский Университет), иностранный член Национальной Академии наук Украины и Российской академии естественных наук.

Волосова Нонна Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Оренбургского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования.

Горшенков Геннадий Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, заведующий сектором криминологии центра уголовного права и процесса научно-исследовательского отдела юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Дуюнов Владимир Кузьмич – доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Самарской гуманитарной академии.

Исламова Эльнара Рафисовна – кандидат юридических наук, доцент Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург.

Кудерская Надежда Ивановна – кандидат юридических наук, доцент, Одесский государственный университет внутренних дел (Украина).

Пауль Альбина – почётный доктор юридических наук Университета им. Г. Робакидзе (Грузия), доцент по специальностям «Русский юридический язык» и «Введение в Российское право», научный сотрудник на кафедре уголовного права, уголовно-процессуального права, теории права и правовой информатики университета Юлиуса-Максимилиана, г. Вюрцбург (Германия).

Прозументов Лев Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Юридического института Томского государственного университета.

Сайгидов Умалат Темирсултанович – кандидат юридических наук, доцент.

Сынкова Елена Михайловна – доктор юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Донецкий национальный университет.

Теохарис Григориадис – доктор философии политических наук Калифорнийского университета г. Беркли, ассистент экономического факультета Калифорнийского университета г. Беркли (США).

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой гражданского права Института права Башкирского государственного университета, Заслуженный юрист Республики Башкортостан, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Хаски Юджин – доктор политических наук, доктор экономических наук, советолог, профессор, университет Стэтсона, Делэнд, Флорида (США).

Хильгендорф Эрик – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, декан и завкафедрой уголовного права, уголовно-процессуального права, теории права, информационного права и правовой информатики, университет Юлиуса Максимилиана, г. Вюрцбург (Германия).

Черкасов Константин Валерьевич – доктор юридических наук, доцент, завкафедрой административного, финансового и информационного права Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Шлёер Бернхард – доктор юридических наук, профессор Мюнхенского университета, советник Бундестага по вопросам конституционного и административного права в странах СНГ, г. Мюнхен (Германия).

Юрьев Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор Российской академии адвокатуры и нотариата, г. Москва.

Редакционная коллегия

Альбов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, декан факультета права Академии бюджета и казначейства Министерства финансов РФ.

Анисимов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Борисов Геннадий Александрович – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского государственного университета.

Гришко Александр Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, уполномоченный по правам человека в Рязанской области.

Дудко Игорь Геннадьевич – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой государственного и административного права Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

Литвинов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, проректор Воронежского государственного архитектурно-строительного университета.

Малько Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН.

Прокофьев Виктор Федорович – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, завкафедрой государственно-правовых дисциплин Новгородского государственного университета.

Сорокина Юлия Владимировна – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета.

Editorial Board

Astanin Viktor Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Vice-President of the Russian Association for Criminology, Deputy Director for Research and Academic Affairs of the Scientific Centre for Legal Information under the Ministry of Justice of the Russian Federation (Russia).

Baranov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Assistant Head of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for innovative development and scientific activities (Russia).

Butler William Elliott – the John Edward Fowler Distinguished Professor of Law, the Pennsylvania State University (USA), Emeritus Professor of Comparative Law (the University of London), foreign member of the National Academy of Sciences of Ukraine and the Russian Academy of Natural Sciences.

Cherkasov Konstantin Valer'evich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of administrative, financial and data protection law of Nizhny Novgorod Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Duyunov Vladimir Kuz'mich – Doctor of Law, Professor, Pro-Rector for scientific work at Samara Academy for the Humanities (Russia).

Gorshenkov Gennadii Nikolaevich – Doctor of Law, Professor at the Department of criminal law, Head of the Criminology Sector of the Centre for Criminal Law and Criminal Procedure of the Research Department of the faculty of law of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia).

Hilgendorf Eric – Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Dean and Head of the Department of criminal law, criminal procedure, legal theory, data protection law and computer science law of Julius-Maximillian University, Wurzburg (Germany).

Huskey Eugene – Doctor of Political Sciences, Doctor of Economics, sovietologist, Professor, Stetson University in Deland, Florida (USA).

Islamova El'nara Rafisovna – PhD in Law, Associate Professor at St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation (Russia).

Kuderskaya Nadezhda Ivanovna – PhD in Law, Associate Professor, Odessa State University of Internal Affairs (Ukraine).

Paul' Al'bina – Doctor of Law honoris causa, Associate Professor in the field "Russian legal language", "Introduction to Russian law", Grigol Robakidze University (Georgia), research fellow at the Department of criminal law, criminal procedure law, legal theory and legal informatics, Julius-Maximilian's University, Wurzburg (Germany).

Prozumentov Lev Mikhailovich – Doctor of Law, Professor at the Department of criminology and correctional law of Tomsk State University (Russia).

Saigidov Umalat Temirsultanovich – PhD in Law, Associate Professor (Russia).

Schleyer Bernhard – Doctor of Law, Professor at Munich University, Bundestag Counsellor for constitutional and administrative law in CIS countries, Munich (Germany).

Synkova Elena Mikhailovna – Doctor of Law, Associate Professor at the Department of administrative and financial law, Donetsk National University.

Theocharis Grigoriadis – Doctor of Philosophy in Political Science, Assistant Lecturer at the Department of economics, University of California, Berkeley (USA).

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of civil law of the Institute of Law of Bashkir State University, Honoured Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Russia).

Volosova Nonna Yur'evna – Doctor of Law, Docent, Head of the Department of criminal law, Orenburg State University, Honorary Worker of Higher Professional Education (Russia).

Yur'ev Sergei Sergeevich – Doctor of Law, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Moscow (Russia).

Advisory Board

Al'bov Aleksei Pavlovich – Doctor of Law, Professor, Head of the law faculty of the Budget and Treasury Academy of the Ministry of Finance of the Russian Federation (Russia).

Anisimov Aleksei Pavlovich – Doctor of Law, Professor at the Department of constitutional and administrative law of Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Borisov Gennadii Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of theory and history of state and law of the faculty of law of Belgorod State University (Russia).

Dudko Igor' Gennad'evich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of public and administrative law of Ogarev Mordovia State University (Russia).

Grishko Aleksandr Yakovlevich – Doctor of Law, Professor, Commissioner for human rights in the Ryazan region (Russia).

Litvinov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Associate Professor at the Department of criminal law and criminology, Pro-Rector of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering (Russia).

Mal'ko Aleksandr Vasil'evich – Doctor of Law, Professor, Head of Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Prokof'ev Viktor Fedorovich – PhD in Law, Associate Professor, Dean of the law faculty, Head of the Department of state legal disciplines of Novgorod State University (Russia).

Sorokina Yuliya Vladimirovna – Doctor of Law, Professor at the Department of theory and history of state and law of Voronezh State University (Russia).

Содержание

Теория и история права и государства

Малышкин Александр Викторович
Религиозные нормы в механизме интегрированной юрисдикции 5

Альсаеди Али Джаббар Исса
Эволюция институциональных моделей терроризма на Ближнем Востоке: исторически-правовой анализ....12

Саркисян Лала Рубиковна
Юридические фикции в контексте развития юридической техники в России....23

Степаненко Дмитрий Михайлович
Методика оценки эффективности инновационной функции государства на основе использования интегрального показателя 31

Тухватулина Елена Идрисовна
Сунцов Александр Павлович
Практика правового регулирования противодействия коррупции на государственной службе в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, Ямало-Ненецком автономном округе и Тюменской области 39

Шокиров Гайбулло Абдуллоевич
К вопросу о консолидации законодательства: теоретический и практический аспект....47

Трудовое право; право социального обеспечения

Абрамов Сергей Геннадьевич
О тенденциях и о возможности изменения социальных норм в государствах 56

Административное право, финансовое право, информационное право

Басова Юлия Юрьевна
К вопросу об определении перечня угроз общественной безопасности 66

Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Очиров Эрдни Пюрвеевич
Залог в силу запрета на распоряжение имуществом....73

Рустамов Павел Анварович
Проблемы нормативного определения категорий корпоративного права Российской Федерации....82

Якушев Павел Алексеевич
Выявление мнения ребенка в спорах о воспитании детей: некоторые ценностно-теоретические и практические аспекты 89

Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности

Акматов Азамат Джусупбекович
Становление и развитие административного судопроизводства в Кыргызской Республике: историко-правовые аспекты....98

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Ветошкин Сергей Александрович
Институт иных мер уголовно-правового характера: проблемы и перспективы развития 111

Клименко Наталья Дмитриевна
Криминалистическая характеристика и особенности расследования взяточничества в таможенных органах 126

Павленко Оксана Вячеславовна
Конфликт интересов как антикоррупционный институт в сфере образования 132

Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна
О криминогенности несовершеннолетних и междисциплинарных ее исследованиях 140

Тугельбаева Бермета Галиевна
Хамзаева Джамиля Даулетбековна
История и современное состояние наркоситуации в Кыргызстане 150

Шевцова Лидия Валентиновна
Проблемы гармонизации законодательства по борьбе с организованными преступными формированиями в России и странах романо-германской и англосаксонской системы права 159

Международное право; Европейское право

Киченина Виктория Сергеевна
Правовой статус космонавтов и иных участников космических полетов 166

Шашкова Анна Владиславовна
Проблемы регулирования государственных институтов на примере административной юстиции Испании 172

Contents

Theory and history of the state; history of doctrines of law and state

Alexander V. Malyshkin
Religious norms in the mechanism of integrated jurisdiction 5

Al-saedi Ali Jabbar Issa
Evolution of Institutional Models of Terrorism in the Middle East: Historical and Legal Analysis 12

Lala R. Sarkisyan
Legal fictions in the context of development of legal technique in Russia 23

Dmitrii M. Stepanenko
Technique for Assessing the Effectiveness of the Innovation Function of the State on the Basis of the Use of an Integral Index 31

Elena I. Tukhvatulina
Aleksandr P. Suntsov
The practice of legal regulation of anti-corruption in public service in the Khanty-Mansiysk Autonomous District, the Yamalo-Nenets Autonomous District and the Tyumen Region 39

Gaybullo A. Shokirov
About the question consolidation legislation: Theoretical and practical aspects 47

Labour law; social security law

Sergei G. Abramov
On trends and possible changes in social norms in states 56

Administrative law, financial law, information law

Yulia Yu. Basova
To the question of determining the list of threats to public safety 66

Civil law; business law; family law; international private law

Erdni P. Ochirov
Charge by virtue of freezing order 73

Pavel A. Rustamov
The problems of normative definitions of categories of corporate law of the Russian Federation 82

Pavel A. Yakushev
Identifying the opinion of a child in disputes about parenting: some of the value-theoretical and practical aspects 89

Judicial power, public prosecutor's supervision, organization of law enforcement

Azamat Dzh. Akmatov
Formation and development of administrative proceedings in the Kyrgyz Republic: historical and legal aspects 98

Criminal law and criminology; criminal enforcement law

Sergei A. Vetoshkin
Institute of other measures of a criminally-legal nature: problems and prospects of development 111

Nataliya D. Klimenko
Criminalistics characteristics and features of investigation of bribery in customs bodies 126

Oksana V. Pavlenko
Conflict of interest as an anticorruption institute in education.....132

Criminal process, criminalistics; operational-search activity

Elizaveta V. Demidova-Petrova
About the criminality of juveniles and its interdisciplinary research.....140

Bermeta G. Tugel'baeva
Dzhamilya D. Khamzaeva
History and current state of the drug situation in Kyrgyzstan.....150

Lidiya V. Shevtsova
Problems of harmonization of legislation for combating organized criminal groups in Russia and the countries of Romano-Germanic and Anglo-Saxon legal systems 159

International law; European law

Viktoriya S. Kichenina
The legal status of cosmonauts and other participants in space flights.....166

Anna V. Shashkova
Problems of regulation of public institutions by the example of administrative justice in Spain 172

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 340.14

Религиозные нормы в механизме интегрированной юрисдикции

Малышкин Александр Викторович

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Судебная деятельность»,
Владимирский государственный университет,
600000, Российская Федерация, Владимир, ул. Горького, 87;
e-mail: alexander_malyshkin@mail.ru

Аннотация

Под интегрированной юрисдикцией понимается осуществление властных, исполнительно-распорядительных и управленческих полномочий на основе применения различных регуляторов поведения: норм права, норм морали, религиозных канонов, правил обычаев, национальных традиций, природных, технических и иных регулирующих систем. Автор исследует формы взаимодействия религии и права, а также устанавливает место религиозных норм в механизме интегрированной юрисдикции, анализируя судебную практику, связанную с применением религиозных норм. Автор приходит к выводу, что специфика применения религиозных норм в рамках осуществления интегрированной юрисдикции состоит в нахождении разумного баланса между правом каждого человека на свободу вероисповедания и законодательными ограничениями данной свободы. Проведенный анализ показал, что религиозные нормы как регуляторы общественных отношений используются судами при рассмотрении многих категорий дел. Помимо жизненного опыта судьи, его личных знаний обычаев и традиций при возникновении вопросов относительно наличия либо толкования обычаев (традиций) целесообразно руководствоваться специальными познаниями историков, культурологов, религиоведов, лингвистов, этнологов, для чего в необходимых случаях назначать по делу соответствующие экспертизы. Специфика применения религиозных норм в рамках осуществления интегрированной юрисдикции состоит в нахождении разумного баланса между правом каждого человека на свободу вероисповедания и законодательными ограничениями данной свободы.

Для цитирования в научных исследованиях

Малышкин А.В. Религиозные нормы в механизме интегрированной юрисдикции // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 12А. С. 5-11.

Ключевые слова

Интегрированная юрисдикция, правовое регулирование, социальное регулирование, религиозные нормы, действие права.

Введение

Воздействие на общественные отношения осуществляется посредством: социального регулирования (как нормативного, так и ненормативного); естественного (природного) регулирования; технического регулирования; творческого воздействия (музыка, живопись, скульптура, архитектура, литературные произведения, иные произведения искусства); внутренней (психической) регуляции поведения [Малышкин, 2012, 8-18].

Как верно отметил Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, «право – лишь один из регуляторов жизни человеческого общества. Для того, чтобы этот регулятор мог нормально функционировать, необходимо, чтобы наряду с ним (а также над ним, под ним и так далее) существовала совокупность других регуляторов жизни. Только тогда население, живущее на определенной территории, является полноценным социально-политическим организмом – обществом» [Зорькин, 2012, 9].

В настоящее время в России сложилась тенденция повышения роли иных (неправовых) регуляторов поведения человека и юридической регламентации их взаимодействия с правом, что обусловлено эволюционным повышением уровня техники и технологии регулирования, осознанием роли неправовых факторов регулирования поведения человека, гуманизацией законодательства, интеграцией правовых систем на межгосударственном уровне, требующей повышенного внимания не только к внутригосударственному праву интегрирующих сторон, но к их национальным обычаям, традициям, религии.

Происходит законодательное признание и закрепление в нормах позитивного права многих неправовых регуляторов поведения людей.

В ходе проводимой в Российской Федерации в 2010 г. переписи населения количество верующих в стране не устанавливалось. Согласно данным социологического опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» и службой «Среда», большинство россиян верят в Бога (82%), при этом 5% респондентов затруднились ответить или выбрали вариант «другое», и только 13% сказали о том, что в Бога не верят.

Целью настоящей статьи является выявление форм взаимодействия религии и права, а также установление места религиозных норм в механизме интегрированной юрисдикции.

Механизм взаимодействия права и религиозных норм в интегрированной юрисдикции

Под интегрированной юрисдикцией нами понимается осуществление властных, исполнительно-распорядительных и управленческих полномочий на основе применения различных регуляторов поведения: норм права, норм морали, религиозных канонов, правил обычаев, национальных традиций, природных, технических и иных регулирующих систем.

Религия и право имеют во многом общие цели – регулирование поведения людей, исходя из того, чтобы индивидуальная свобода не входила в противоречие со свободами других индивидов и общества.

Учитывая значение религии в жизни каждого человека, базовые нормы международного права устанавливают правовые гарантии защиты свободы вероисповедания.

В статье 18 Всеобщей декларации прав человека установлено, что каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и

сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков.

Аналогичное правоположение содержится в ч. 1 ст. 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. При этом в части 2 указанной статьи подчеркивается, что свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности, или для защиты прав и свобод других лиц.

Конституция Российской Федерации, закрепляя, что Российская Федерация является светским государством (статья 14), в статье 28 каждому гарантирует свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Приведенные принципы и нормы международного права, а также Конституции Российской Федерации получают свое развитие в законодательстве о судоустройстве и процессуальном законодательстве. Так, согласно части 2 статьи 7 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» суды не отдают предпочтения каким-либо органам, лицам, участвующим в процессе сторонам, в том числе по признаку их отношения к религии.

Несмотря на стремление современного законодателя обеспечить свободу вероисповедания и религиозное многообразие, национальные и международные судебные органы сталкиваются с различными религиозно-правовыми спорами: в сфере реализации общих принципов и гарантий свободы вероисповедания; по вопросам соотношения религии и светского образования; в связи со своеобразным толкованием верующими отдельных положений религиозных текстов, по вопросам регистрации и ликвидации религиозных организаций [Иванюк, 2011, 73-78].

Общественный резонанс имеют судебные споры по вопросам соотношения религии и светского образования.

Так, в постановлении от 10.01.2017 по делу «Османолу и Коджабаш против Швейцарии» Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) не усмотрел нарушений статьи 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в деле заявителей, которые обжаловали наложение штрафа за отказ по религиозным мотивам разрешать своим дочерям посещать обязательные смешанные занятия по плаванию в начальной школе. Заявители, являющиеся мусульманами, указывали, что хотя Коран и не требует от женщин закрывать свои тела до начала пубертатного периода, но они хотели подготовить дочерей к религиозным правилам, которые они должны соблюдать в будущем. ЕСПЧ признал приоритет обязанности детей проходить полную школьную программу и их интеграции над частным интересом в освобождении от занятий плаванием по религиозным мотивам (Постановление ЕСПЧ от 10.01.2017 по делу «Османолу и Коджабаш против Швейцарии»).

В другом постановлении ЕСПЧ от 03.11.2009 по делу «Лаутси (Lautsi) против Италии», принятому по вопросу обжалования демонстрации распятий в классах государственной школы, установлено нарушение статьи 2 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Суд отметил, что государство в контексте публичного образования обязано соблюдать конфессиональный нейтралитет, если посещение классов является обязательным независимо от религии и с учетом цели содействия развитию критического мышления у

учеников (Постановление ЕСПЧ от 03.11.2009 по делу «Лаутси (Lautsi) против Италии»).

Согласно постановлению ЕСПЧ от 02.02.2010 по делу «Синан Ишик (Sinan Isik) против Турции» государству-ответчику предложено удалить графу «религия» из удостоверений личности. Суд подчеркнул, что Закон 2006 года, позволявший требовать, чтобы графа «религия» в удостоверении личности была оставлена незаполненной или удалена, не изменила ситуации заявителя. Если удостоверения личности предусматривают указание религии, сам факт оставления соответствующей графы незаполненной неизбежно приобретает скрытый смысл. Обладатель удостоверения личности, не содержащего сведений о его религии, помимо его воли выделяется вследствие вмешательства властей среди лиц, религиозные убеждения которых указаны. Кроме того, предъявленное к властям требование об оставлении графы незаполненной тесно связано с наиболее личными убеждениями обладателя. Таким образом, речь идет о раскрытии одного из наиболее интимных аспектов личности. Это, несомненно, противоречит принципу свободы не исповедовать свою религию или убеждения. Данное нарушение вытекает не из отказа в указании веры заявителя в его удостоверении личности, но из самого факта включения в удостоверение личности указания религии, независимо от того, являлось ли оно обязательным или добровольным (Постановление ЕСПЧ от 02.02.2010 по делу «Синан Ишик (Sinan Isik) против Турции»).

Значительное количество судебных споров возникает по вопросам регистрации и ликвидации религиозных организаций.

Регистрирующий орган не всегда способен самостоятельно определить, насколько то или иное объединение является религиозным, не противозаконно ли содержание исповедуемого его последователями вероучения. Для этого необходимо компетентное суждение специалистов. Такое суждение можно получить в ходе религиоведческой экспертизы, проведение которой Проведение экспертизы регулируется приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 18.02.2009 № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе».

В практике российских судов встречаются, например, дела по жалобам верующих на присвоение им индивидуального номера налогоплательщика (ИНН). В соответствующих судебных актах разъясняется, что оснований для вывода о том, что присвоение физическому лицу без его согласия идентификационного номера налогоплательщика нарушает его свободу совести и вероисповедания, не имеется. Справедливость данного вывода признается и на международном уровне: согласно решению ЕСПЧ от 03.12.2009 по делу «Скугар и другие (Skugar and Others) против России» обжалование присвоения индивидуальных номеров налогоплательщика, против которого заявители возражали по религиозным соображениям, признано неприемлемым (необоснованным) (Постановление ЕСПЧ от 03.12.2009 по делу «Скугар и другие (Skugar and Others) против России»).

Заключение

Проведенный анализ показал, что религиозные нормы как регуляторы общественных отношений используются судами при рассмотрении многих категорий дел.

Помимо жизненного опыта судьи, его личных знаний обычаев и традиций при возникновении вопросов относительно наличия либо толкования обычаев (традиций) целесообразно руководствоваться специальными познаниями историков, культурологов, религиоведов, лингвистов, этнологов, для чего в необходимых случаях назначать по делу соответствующие экспертизы.

Специфика применения религиозных норм в рамках осуществления интегрированной юрисдикции состоит в нахождении разумного баланса между правом каждого человека на свободу вероисповедания и законодательными ограничениями данной свободы.

Для понимания указанной специфики, на наш взгляд, в образовательные программы подготовки юристов в рамках курсов религиоведения и (или) культурологии следует ввести вопросы изучения позиций ЕСПЧ по религиозным спорам.

Также полагаем, что имеется необходимость в обобщении практики рассмотрения судами Российской Федерации религиозных споров и в выработке общих рекомендаций.

Следует привлекать представителей основных религиозных конфессий к общественной экспертизе проектов нормативных правовых актов, регулирующих отношения в области семьи, защиты материнства и детства, образования, культуры и т.п.

Интегрирование права и иных регуляторов общественных отношений в единый комплекс регулирующих факторов должно носить системный характер.

В рамках дальнейших научных исследований необходимо детально проанализировать характер и степень влияния религиозных норм на поведение человека во всех сферах жизнедеятельности, а также формы взаимодействия религиозных норм с иными социальными регуляторами, что позволит выявить, в каких случаях религиозные нормы усиливают действие права и иных социальных регуляторов, а в каких – входят в противоречие (конфликт). В итоге это позволит гармонизировать действие регулирующих факторов на поведение человека.

Библиография

1. Воробьева Ю.Ю. Религиозные организации как институт гражданского общества: особенности правового статуса // Административное и муниципальное право. 2015. № 8. С. 865-871.
2. Головкин Р.Б. Некоторые аспекты преемственности права по отношению к иным социальным нормам // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 130-135.
3. Дорская А.А. Международные религиозные организации и формирование международного гражданского общества // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 4. С. 7-10.
4. Егоров А.В. Механизм правовой интеграции // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2013. № 14. С. 2-6.
5. Зорькин В.Д. В хаосе нет морали // Российская газета – Федеральный выпуск. № 5958 (285). 11 декабря 2012 года. С. 9.
6. Иванюк О.А. Практика рассмотрения религиозно-правовых споров // Административное право. 2011. № 2. С. 73-78.
7. Исаев И.А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве. М.: Проспект, 2012. 364 с.
8. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма: Инфра-М, 2011. 800 с.
9. Малышкин А.В. Интегрированные судебные акты: общетеоретический анализ. Владимир: ВИТ-принт, 2012. 286 с.
10. Пашенцев Д.А. Взаимодействие правовых и религиозных норм: историко-теоретический аспект // История государства и права. 2015. № 17. С. 33-38.
11. Пуростад М. Влияние религии на формы разрешения гражданско-правовых конфликтов в Иране (краткий обзор) // Вестник гражданского процесса. 2014. № 4. С. 17-22.
12. Рубашкин В.В. Актуальные проблемы совершенствования государственного контроля за деятельностью религиозных объединений // Административное право и процесс. 2016. № 10. С. 76-78.
13. Сергеев П.В. Правовое значение внутренних установлений религиозных организаций в регулировании коммерческих отношений // Право и экономика. 2016. № 9. С. 21-26.
14. Щербакова О.В. Моральные и нравственные нормы при регулировании труда работников религиозных организаций // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 43-46.
15. Юрченко О.Ю. Реализация родителями права новорожденного на имя // Семейное и жилищное право. 2012. № 2. С. 23-25.

Religious norms in the mechanism of integrated jurisdiction

Alexander V. Malyshkin

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of Judicial activity Department,
Vladimir State University,
600000, 87, Gor'kogo str., Vladimir, Russian Federation;
e-mail: alexander_malyshkin@mail.ru

Abstract

Integrated jurisdiction is understood as the implementation of power, executive, administrative and managerial powers based on the application of various behavioral regulators: norms of law, morality, religious canons, and rules of customs, national traditions, natural, technical and other regulatory systems. The author examines the forms of interaction between religion and law, and also establishes the place of religious norms in the mechanism of integrated jurisdiction, analyzing judicial practice related to the application of religious norms. The author concludes that the specificity of the application of religious norms in the implementation of integrated jurisdiction is to find a reasonable balance between the right of every person to freedom of religion and the legal limitations of this freedom. The analysis showed that religious norms as regulators of social relations are used by courts when considering many categories of cases. In addition to the life experience of the judge, his personal knowledge of customs and traditions, when questions arise concerning the existence or interpretation of customs, it is advisable to follow the special knowledge of historians, culturologists, religious scholars, linguists, ethnologists, for which, in necessary cases, appoint appropriate expertise in the case. Specificity of the application of religious norms in the implementation of integrated jurisdiction is to find a reasonable balance between the right of every person to freedom of religion and the legal limitations of this freedom.

For citation

Malyshkin A.V. (2017) Religioznye normy v mekhanizme integrirovannoi yurisdiktsii [Religious norms in the mechanism of integrated jurisdiction]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(12A), pp. 5-11.

Keywords

Integrated jurisdiction, legal regulation, social regulation, religious norms, validity of the law.

References

1. Dorskaya A.A. (2014) Mezhdunarodnye religioznye organizatsii i formirovanie mezhdunarodnogo grazhdanskogo obshchestva [International Religious Organizations and the Formation of International Civil Society]. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil Society in Russia and Abroad], 4, pp. 7-10.
2. Egorov A.V. (2013) Mekhanizm pravovoi integratsii [The mechanism of legal integration]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D: Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [Bulletin of the Polotsk State University. Series D: Economic and legal science], 14, pp. 2-6.
3. Golovkin R.B. (2011) Nekotorye aspekty preemstvennosti prava po otnosheniyu k inym sotsial'nym normam [Some aspects of the continuity of law in relation to other social norms]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technology], 5, pp. 130-135.

4. Isaev I.A. (2012) *Tenevaya storona zakona. Irratsional'noe v prave* [Shadow side of the law. Irrational in law]. Moscow: Prospekt Publ.
5. Ivanyuk O.A. (2011) Praktika rassmotreniya religiozno-pravovykh sporov [The practice of considering religious and legal disputes]. *Administrativnoe parvo* [Administrative Law], 2, pp. 73-78.
6. Mal'tsev G.V. (2011) *Sotsial'nye osnovaniya prava* [Social grounds of law]. Moscow: Norma: Infra-M Publ.
7. Malyshkin A.V. (2012) *Integrirovannye sudebnye akty: obshcheteoreticheskii analiz* [Integrated judicial acts: general theoretical analysis]. Vladimir: VIT-print Publ.
8. Pashentsev D.A. (2015) Vzaimodeistvie pravovykh i religioznykh norm: istoriko-teoreticheskii aspekt [Interaction of legal and religious norms: historical and theoretical aspect]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 17, pp. 33-38.
9. Purostad M. (2014) Vliyanie religii na formy razresheniya grazhdansko-pravovykh konfliktov v Irane (kratkii obzor) [The influence of religion on the forms of resolving civil-law conflicts in Iran (brief review)]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa* [Herlad of civil process], 4, pp. 17-22.
10. Rubashkin V.V. (2016) Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya gosudarstvennogo kontrolya za deyatel'nost'yu religioznykh ob"edinenii [Actual problems of improving state control over the activities of religious associations]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative Law and Process], 10, pp. 76-78.
11. Sergeev P.V. (2016) Pravovoe znachenie vnutrennikh ustanovlenii religioznykh organizatsii v regulirovanii kommercheskikh otnoshenii [Legal significance of the internal institutions of religious organizations in the regulation of commercial relations]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 9, pp. 21-26.
12. Shcherbakova O.V. (2017) Moral'nye i nravstvennye normy pri regulirovanii truda rabotnikov religioznykh organizatsii [Moral and moral standards in the regulation of labor of workers of religious organizations]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom* [Labor law in Russia and abroad], 1, pp. 43-46.
13. Yurchenko O.Yu. (2012) Realizatsiya roditelyami prava novorozhdennogo na imya [Realization by parents of the newborn's right to the name]. *Semeinoe i zhilishchnoe parvo* [Family and housing law], 2, pp. 23-25.
14. Vorob'eva Yu.Yu. (2015) Religioznye organizatsii kak institut grazhdanskogo obshchestva: osobennosti pravovogo statusa [Religious Organizations as an Institute of Civil Society: Features of Legal Status]. *Administrativnoe i munitsipal'noe parvo* [Administrative and Municipal Law], 8, pp. 865-871.
15. Zor'kin V.D. (2012) V khaose net morali [There is no morality in chaos]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 5958 (285).

УДК 341.4: 323.28

Эволюция институциональных моделей терроризма на Ближнем Востоке: исторически-правовой анализ

Альсаеди Али Джаббар Исса

Аспирант,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
194021, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 19;
e-mail: alialsumari89@gmail.com

Аннотация

Терроризм как насильственное действие формировался в общественной культуре насилия, которая сложила позитивные представления о нем соответствующими установками и взглядами, что передаются из поколения в поколение. В ходе истории были сформированы и закреплены в массовом сознании известные традиции политической практики и социальной жизни, которые на сегодня все чаще способствуют выбору террористических методов и средств разрешения разных конфликтов. В целом же видится присутствие историко-культурного элемента в механизме активизации и трансформации современного терроризма. На протяжении многих десятилетий регион Ближнего Востока продолжает быть главной точкой столкновения интересов ведущих стран мира и конструктивно влиять на развитие и формирование всей международной жизни. Это носит как позитивный характер, так как не наблюдается отчуждения и абстрагирования от ведущих тенденций в мировой политике, так и негативный: Ближний Восток на сегодня является главным стабилизатором в системе безопасности всего мира. Смысл развития любой цивилизации определяется ее отношением к человеческой жизни. Наиболее утилитарный подход к этому вопросу существует в мусульманской цивилизации, которая рассматривает жертву со стороны носителей мусульманских ценностей и, тем более, представителей других цивилизаций, как нормальное явление. Наибольшее распространение данное мировоззрение получило у радикальных мусульманских группировок.

Для цитирования в научных исследованиях

Альсаеди А. Дж. И. Эволюция институциональных моделей терроризма на Ближнем Востоке: исторически-правовой анализ // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 12А. С. 12-22.

Ключевые слова

Истоки терроризма, Ближний Восток, Средний Восток, международный терроризм, террор, радикальные исламские группировки, элементы терроризма, причины распространения, религиозный фактор, террористические акты.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

Первоначально, на наш взгляд, необходимо определиться с перечнем стран, которые будут включаться в регион исследования – Ближний и Средний Восток. Следует отметить, что анализ первоисточников и исследований по данному вопросу свидетельствует о наличии различных позиций относительно включения в регион той или иной страны. Наибольшие расхождения выявляются в распределении стран между Ближним и Средним Востоком, которые иногда по источникам доходят практически до половины состава. В некоторых источниках к Ближнему Востоку относят Пакистан, Афганистан и Судан, что по большому счету не вносит существенных изменений в общую картину положения в регионе и механизм решения проблем. Обобщив имеющиеся подходы в данной работе в регион исследовании будем включать такие страны: Азербайджан, Армения, Бахрейн, Египет, Грузия, Израиль, Иордания, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кипр, Кувейт, Ливан, ОАЭ, Оман, Палестина, Саудовская Аравия, Сирия, Турция.

В XI в. в регионе исследования действовали ассасины, которые отделились от исмаилитов, что появились в XI веке и были разгромлены монголами в XIII веке. Эта секта длительное время привлекала к себе внимание ученых, поскольку очень много элементов их тактики и стратегии напоминают методы современных террористов.

Тайную секту учредил Хасан аль-Саббах, которого считают учредителем идеологии терроризма, фундамент которой не удалось разрушить и до сих пор, и которую успешно воплощал в жизнь его современный последователь Усама бен Ладен. Кроме того, он создал террористическое государство, не имеющее границ и территории, состоящее из замков-крепостей. Саудовский последователь последовал его примеру, создавая террористические центры по всему миру. Боевики «Аль-Каиды» сейчас находятся фактически везде, от Филиппин до Великобритании, более чем в 50 странах мира.

Ассасины действовали под сенью строжайшей секретности, часто переодевались иностранцами и христианами, убивали каждого, кто был другого вероисповедания или пытался противостоять им. Их оружием был кинжал, и в убийстве они видели ритуальное действие. Из Персии ассасины делали набеги на Сирию, убивали префектов, губернаторов, калифов. 10 октября 1092 г. человек Хасана аль-Саббаха убил самого визира сельджуцкого султана – Низам Аль-Мулька [Токаревский, 2003].

Таким образом, становление терроризма по странам Ближнего и Среднего Востока проходило с учетом особенностей их развития, но в его основе лежат идентичные первопричины (в частности, исторические предпосылки развития).

В Египте, к примеру, развитие международного исламского терроризма прошло три этапа:

1) Конец 20-х – 50-е годы – создание Хасаном аль Банной ассоциации «Братья-мусульмане». Группа напоминает современное экстремистское формирование.
2) Влияние Египта в политической сфере распространяется на другие страны. После 1954 года ассоциация в оппозиции к президенту Г.А. Насера. Известный исламовед Г. Митч считает, что вина лежит на одном из «братьев» Хасани аль-Худейби за неудачное покушение на Насера в октябре 1954 года.
3) Движение исламистов-радикалов – создаются открытые террористические группы, попытка легализации «Братьев-мусульман».

Основная часть

Изучением вопроса становления терроризма на Ближнем и Среднем Востоке на протяжении многих лет занимается значительное количество исследователей: Л.В. Брятова [Брятова, 2005], Грачев С.И. [Грачев, 2010], Юрченко В.П. [Юрченко, 2004], Ахмедов В.М. [Ахмедов, 2002]. Донцов В.Е. [Донцов, 2001]

Проблема анализа современной арабской политической мысли относительно истоков терроризма на Ближнем и Среднем Востоке привлекает внимание специалистов всего мира. Значительный вклад в разработку данного вопроса внесли такие известные политологи, аналитики и востоковеды, как Коровиков А. [Коровиков, 1990], Кудрявцев А.В. [Кудрявцев, 1987], Перфильев Ю.Н [Перфильев, 2000], Гайнутдин Р. [Гайнутдин, 2005], Якушев М.И. [Якушев, 2000] др.

Основной целью исследования является определение истоков террористической активности в регионе Ближнего и Среднего Востока и выделение элементов распространения исламского терроризма.

Первая террористическая группа, организованная секта сикариев, действовала в регионе исследования, а именно в Палестине (66-73 гг. н. э.).

Источники немногочисленные и противоречивые, однако, если верить Иосифу Флавию, сикарии применяли необычную тактику: они атаковали противника в дневное время, прежде всего по праздникам, когда Иерусалим был заполонен толпами людей [Солодовников, 2008].

Главными целями сикариев были представители египетской и палестинской диаспоры, которые выступали за налаживание дружеских отношений с Римской империей.

В XI в. также в регионе исследования действовали ассасины, которые отделились от исмаилитов, что появились в XI веке и были разгромлены монголами в XIII веке.

Эта секта длительное время привлекала к себе внимание ученых, поскольку очень много элементов их тактики и стратегии напоминают методы современных террористов.

Становление терроризма по странам Ближнего и Среднего Востока проходило с учетом особенностей их развития, но в его основе лежат идентичные первопричины (в частности, исторические предпосылки развития).

Идея образования еврейского государства зародилась в конце XIX в. у австрийского журналиста Т. Герцля. В 1897 г. сионистский конгресс в Базеле (Швейцария) принял решение об образовании государства евреев на территории Палестины. Однако путь к воплощению этого решения растянулся на полвека. Лишь после окончания Второй мировой войны вопрос об образовании еврейского государства был поставлен перед мировым обществом. В 1946 г. этот вопрос был вынесен на обсуждение ООН. США и СССР поддержали идею образования государства Израиль.

Против создания еврейского государства категорически выступили арабы, что усилило межнациональную борьбу. С апреля 1948 г. еврейские вооруженные отряды вырезали арабский поселок Дейр-Ясин (254 чел.), арабы также не уступали в жестокости. В таких сложных условиях Великобритания решила досрочно вывести свои войска до 14 мая 1948 г. В тот же день было провозглашено Государство Израиль.

Соседние арабские страны не признали Израиль и сразу объявили ему войну.

С начала XVI в. и до конца первой мировой войны Ливан входил в состав Турецкой (Османской) империи. Осенью 1918 года был оккупирован англо-французскими войсками. Таким образом, Ливан с 1920 г. стал подмандатной территорией Франции. Решительное

выступление ливанского народа за самоопределение в 1958 г., которое поддержали СССР и ряд других социалистических стран, а также арабские государства, привело к провалу военного вмешательства во внутренние дела Ливана со стороны США.

В Саудовской Аравии присутствие США начинает наблюдаться с даты официального провозглашения королевства Саудовская Аравия (1932 г.). С 1938 года на побережье Персидского залива, часть которого вошла в границы Саудовской Аравии, началось добывание нефти, в основном с помощью американской компании "АРАМКО", которая построила в 1950 году трансаравийский нефтепровод и способствовала неслыханному росту доходов от продажи нефти.

Большое значение сегодня имеет Кувейт. Эмират Кувейт был основан в XVIII в. правящей и до сих пор династией Саббахов. Через выгодное стратегическое положение и огромные запасы нефти Кувейт в конце XIX в. становится объектом острой борьбы империалистических государств [Васильев, 1983].

Таким образом, можно констатировать тот факт, что на протяжении многих десятилетий регион Ближнего Востока продолжает быть главной точкой столкновения интересов ведущих стран мира и конструктивно влиять на развитие и формирование всей международной жизни.

Главной и первоочередной задачей ислама было приобщение к новой религии все новых и новых народов. При этом преимущество предоставлялось мирному переходу последователей других вероисповеданий к мусульманству.

Вместе с религиозными догматами насаждались новые законы и государственные структуры.

Социальная среда зоны распространения ислама характеризуется высоким приростом населения с одновременным обострением социально-экономических проблем, что стимулирует поиски социальной справедливости путем религиозного совершенства. Этому способствует и международная ситуация.

Активизация деятельности религиозных движений повлекла лавинообразное распространение ислама. В течение 1969-1979 гг. были созданы новые институты межправительственного и неправительственного характера, направленные на имплементацию идей исламской концепции мирового порядка.

Противоречия религиозно-политического и экономического характера повлекли появление в зоне распространения ислама экстремистских группировок, в формировании которых в определенной степени проявляли заинтересованность и государства региона для ведения борьбы между собой.

В качестве основных причин активизации исламистского движения можно выделить такие:

- быстрое межотраслевое, территориальное и социальное перемещение огромных масс населения, прежде всего крестьянства;

- значительный рост слоев населения (вчерашние крестьяне, городские низы), которые высоко религиозны;

- ускорение процесса урбанизации – рост численности городских слоев, высоко чтящих исламскую традицию.

Следует также учитывать, что данные процессы имеют место не в результате двойной сельскохозяйственной и промышленной революции (как например, при развитии капиталистического Запада, советских стран или в Китае), а прямо наоборот. Растущая сельская нищета просто переместилась в город, где для нее не находится промышленной деятельности.

Изменения в течение 70-х годов можно проследить как в активности легальных исламских

партий, так и в росте доли религиозно-ориентированных группировок среди террористических и экстремистских движений. Процесс «возрождения ислама» в определенной степени изменил политический климат в регионе, а также влиял на политическую ориентацию стран, которые имеют значительные мусульманские общины.

Однако несоответствие идеологии и форм деятельности исламистов реалиям современной жизни не позволили им получить поддержку большинства населения стран региона Ближнего и Среднего Востока.

Агрессивность исламского экстремизма, сочетающегося с экспансионизмом, фактически призывает идти завоевывать мир, наиболее эффективным средство для чего они считают политическое насилие, которое и легло в основу их стратегий борьбы. В целом можно выделить три стратегии:

1) Проведение кампании террора с целью дестабилизации правящего режима, организации всеобщего восстания: сирийские группировки конце 70-х – начале 80-х годов.
2) Создание общины «истинных мусульман», которая, окрепнув, начнет гражданскую войну против остального «неверного» общества – основана на идеях С. Кутба.
3) В первую очередь совершение государственного переворота с целью захвата власти, а в дальнейшем тотальная исламизация общества сверху (использовалась организацией «Аль-джихад», священная война в Египте).

Однако, как отмечает известный русский историк-арабист Р. Ланда: «Отличия в политической расцветке и направленности течений фундаментализма не изменяют вопроса о его общем (в известной степени) корне и практически единое происхождение во всех странах его распространения» [Ланда, 2011].

Таким образом, во второй половине XX века и начале XXI ислам продолжает выступать не только в качестве определенного вероучения, но и символом мировоззренческого социокультурного и национального своеобразия и политической легитимности.

Новым этапом в развитии идеологии фундаментализма стало появление в 60-х годах трудов одного из лидеров «Братьев-мусульман» Саида Кутба. Именно он заложил основу для появления радикального, экстремистского фундаментализма.

Политическая система «исламского государства» должна полностью основываться на Коране. Высшим законодательным авторитетом должен быть Аллах, чья воля воплощена в законах шариата.

Деятельность и компетенция исполнительных органов должны определяться на основе исламского принципа «шура», что должен гарантировать мусульманам право участия в политической жизни. При этом правитель или правительство в «исламском государстве» обязан воплощать шариат на практике. И, как подытоживает аль-Маудуди: «суть Исламской республики заключается в общественном поклонении Всевышнему Аллаху» [Ланда, 1993].

Таким образом, можно констатировать, что идеология исламского фундаментализма прошла длительный путь развития, и в той или иной форме присутствует в мусульманском обществе еще со времен средневековья.

В 70-х – начале 80-х годов деятельность исламских фундаменталистов в наибольшей степени активизировалась в трех ближневосточных странах: Египет, Саудовская Аравия и Сирия.

Именно фундаментализм стал доминирующим направлением политического ислама в период его «возрождения» в 70-ые годы. Ведь, как отмечает ряд ученых, фундаментализм, в отличие от традиционализма и модернизма, был не только определенной идейной позицией

духовной и светской элиты, но и мощным политическим движением [Левин, 1984].

В 90-х годах исламский фундаментализм приобрел качественно новое значение, став явлением глобального масштаба, о чем свидетельствуют события в Алжире, Судане, Афганистане, Пакистане, азиатских странах бывшего СССР. А деятельность исламских террористических группировок стала одним из основных факторов дестабилизации современного международного положения.

Следовательно, мы можем исламский фундаментализм считать одной из причин распространения международного терроризма.

Запад стал враждебной силой благодаря убеждениям фундаменталистов о существовании всемирного заговора против ислама, в котором участвуют «евреи, крестоносцы (христиане) и атеисты (коммунисты)». Поэтому в отношении неверных объявлена священная борьба – джихад.

Согласно этой концепции, целью джихада является установление власти Аллаха на земле, перестройка всех человеческих отношений в соответствии с истинным руководством, которое идет от Аллаха, и уничтожения всех враждебных сил и систем жизни, которые противоречат этому.

Значительный вклад в радикальную концепцию джихада внес С. Кутб, который выделял три характерные черты джихада [Кутб, 1993]:

1) Джихад не ограничен рамками какого-то периода или эпохи и должен длиться до дня Страшного Суда.
2) Джихад не знает национальных границ, географических барьеров, расовых ограничений: «Исламское общество не имеет географических границ, а также пределов по национальному и расовому признаку. Это общество отбрасывает любые границы, распространяясь по целому миру».
3) Джихад это не оборонная, а наступательная, агрессивная борьба: «Может стать так, что враги ислама будут считать полезным для себя не применять никаких действий против ислама, если он оставит их в покое. Но ислам не может согласиться на это, разве что только они покорятся его власти. Поистине, у ислама есть право проявить инициативу».

Процесс активизации «политического ислама», который состоялся в 70-х годах в мусульманском мире, способствовал значительному обострению общественно-политической борьбы в арабских странах Ближнего Востока. Одним из определяющих элементов этой борьбы следует назвать «феномен НРПО», неправительственные религиозно-политические организации. При этом большая часть этих организаций по религиозно-политическому признаку относится к фундаменталистским.

В частности, российский ученый А. Игнатенко предлагает под НРПО понимать политические объединения, которые используют религиозную идеологию, действуют за пределами связанного с государством религиозного комплекса и соответственно отбрасывают правительственный контроль за своей деятельностью» [Игнатенко, 2000].

Важным в понимании причин возникновения терроризма в регионе является изучение вопроса палестино-израильского конфликта.

Президент Института изучения Израиля и Ближнего Востока Е. Сатановский в статье «Палестинская проблема – век XXI» [Сатановский, 2003] пишет, что для палестинского истэблишмента и палестинских масс приоритеты революции более важны, чем приоритеты государственного строительства. Он считает, что одной из основных причин конфликта являются ограниченные возможности для расселения и ассимиляции беженцев и их потомков в

странах арабского мира. Проблему беженцев автор считает главной проблемой палестино-израильского разграничения. Е. Сатановский пишет, что стремления палестинцев создать собственное государство базируются на трезвом понимании палестинских реалий: «В каких бы пределах не существовало палестинское государство, потомки тех, кто жил на территории Израиля, в Яффе, Цфате, Хайфе или Назарете, будут в нем чужими тоже. Как сегодня выходцы из сектора Газа чужие на Западном берегу реки Йордан» [там же]. По мнению ученого, проблема отношений евреев с арабами на территории Палестины обусловлена возрождением Израиля в пределах переселенческого процесса, а главной причиной конфликта здесь стало то, что в Израиле объединились национальная, религиозная и либерально-социалистическая идеи, но к этому процессу не были приобщены арабы-«аборигены». Это привело к тому, что, живя в одной стране, арабы и евреи не образовали единого общества, следовательно, большинство арабов воспринимают израильтян как оккупантов.

Другую важную проблему палестино-израильского конфликта Е. Сатановский видит в том, что власть в Палестинской национальной автономии (ПНА) крайне разрознена и разделена между группами, каждая из которых преследует собственные цели.

Необходимо учитывать и взаимообусловленность ряда факторов, среди которых главное место занимают общие процессы глобализации.

Глобализация и международный терроризм — явления одного корня, которые подпитывают друг друга. Усиление глобализации тянет за собой как естественную реакцию «глобализацию терроризма» [Зотов, 2003].

Еще одним важным фактором, который способствовал активизации исламского фундаментализма, следует отметить экономическое, политическое и идеологическое влияния консервативных режимов, владеющих «нефтедолларами».

По мнению Д. Пайпса, нефть и ислам ассоциируют на трех уровнях [Пайпс, 2004]:

– 11 из 13 членов ОПЕК являются мусульманскими странами;
– все страны с большими запасами нефти, небольшим населением, наиболее высоким в мире ВВП на душу населения - мусульманские - Кувейт, ОАЭ, Ливия, Катар, Саудовская Аравия;
– среди этих стран наибольший в мире владелец нефтяных запасов - Саудовская Аравия, имеет наиболее строгое соблюдение первобытного «чистого» ислама.

В последнее время усилилась тенденция относительно сознательной дезинтеграции уже существующих суверенных государств с целью создания марионеточных государственных образований (квази-государств) в первую очередь для обеспечения геополитических и геоэкономических интересов государств - мировых лидеров.

Следует отметить тенденции, что выявил востоковед К.В. Марков, согласно которой, современные режимы исламского мира не делают попыток активного противостояния Западу, как в начале 1970-х гг., более того, они стремятся приспособиться к нему [Марков, 2002].

В этом отношении особенно показательна политика Саудовской Аравии, духовного лидера мусульманского мира. Так, монархия Саудидов для ослабления своей экономической зависимости от США стремится перебраться ближе в Евросоюз и глубже интегрироваться в систему мирового хозяйства.

По мнению А. Игнатенко, «арабскому миру присуща внутрирелигиозная конкуренция за влияние между отдельными государствами и их группами приводит к вмешательству во внутренние дела — вплоть до поддержки оппозиционных группировок, террористических организаций и повстанческих движений: Ирак Саддама Хусейна и Саудовская Аравия, Египет

и Саудовская Аравия, Ливия и Саудовская Аравия, Йемен и Саудовская Аравия. Однако следует иметь в виду, то главным претендентом на роль регионального лидера Ближнего и Среднего Востока является шиизм Ирана.

Таким образом, в качестве еще одного истока террористической активности в регионе можно выделить такие конфликтообразующие факторы, как межрелигиозные конфликты и революционные протесты (внутренние конфликты).

Таким образом, в качестве еще одного истока террористической активности в регионе можно выделить такие конфликтообразующие факторы, как межрелигиозные конфликты и революционные протесты (внутренние конфликты).

На глобальную геополитическую картину и стратегический баланс последних лет существенное влияние оказывает углубление дефицита природных ресурсов, что способствует возникновению новых вызовов и угроз человечеству, региональных конфликтов.

В свое время борьба за энергетические ресурсы и контроль за их транспортировкой с американо-европейской стороны, привела к событиям «арабской весны».

Форма правления и государственного устройства также являются одним из факторообразующих моментов развития терроризма в регионе. При этом следует учитывать, что наряду с общими чертами в каждой стране в условиях особенностей исторического развития проявились и определенные специфические черты.

Таким образом, можно выделить три группы факторов, служащих истоками терроризма в регионе исследования: глобальные, внутренние и внешние (табл.1). В то же время в каждой стране они обусловлены спецификой исторического и территориального развития, религиозной, общественно-политической и социально-экономической ситуацией.

Таблица 1 - Внутренние и внешние факторы как истоки терроризма в регионе

Группа факторов	Факторы
Глобальные факторы	дефицит ресурсов в мире, демографический взрыв, глобализация, мировой финансово-экономический кризис, международная борьба за энергоресурсы региона
Внешние факторы	внешняя поддержка оппозиционных группировок, использование локальных противостояний США и стран Европы для обеспечения собственных интересов в регионе, создание в регионе ситуации «управляемого хаоса»
Внутренние факторы	обострение социально-экономических проблем, процесс становления гражданского общества, отсутствие перспектив и «социальных лифтов» для значительной части молодежи, коррумпированность и авторитарность власти, отсутствие демократии, нарушение прав и свобод граждан, социально-демографические особенности и проблемы (высокий процент молодежи, высокий уровень безработицы (особенно среди молодежи), политический кризис, массовые протестные акции (движения)

Заключение

Терроризм сегодня это универсальное явление и по охвату населения, и по географии его распространения, это многогранный феномен, который приобретает форму транснационального.

Распространение исламского терроризма связано с совокупностью многих факторов. Это и массовая бедность населения, которая приобретает более яркие очертания на фоне общедоступной информации об уровне жизни Запада, и низком уровне образования, и распространение радикального ислама, и закрытость политических систем, которая делает невозможным участие населения в политическом процессе, и слабость центрального

руководства, которые часто не контролируют личные провинции, и попытки ряда правящих режимов региона ликвидировать настроения протеста против Израиля, США и Запада в целом, и отсутствие верховенства закона, неэффективность и коррумпированность государственного аппарата и служб безопасности и многое другое.

Библиография

1. Ахмедов В.М. Ливанская «Хезбалла» как военно-политический «центр силы» на Ближнем востоке: эволюция и перспективы в свете ближневосточных интересов России // Исламизм после 11 сентября 2001 г. и начала глобальной антитеррористической операции. М., 2002. URL: http://niiss.ru/s_docladi6.shtml
2. Брятова Л.В. (сост.) Терроризм и религия. М.: Наука, 2005. 199 с.
3. Васильев А. Персидский залив в эпицентре бури. М., 1983. 43 с.
4. Гайнутдин Р. Ислам против терроризма // Азия и Африка сегодня. 2005. № 6. С. 2-7.
5. Грачев С.И. Терроризм и контртеррористическая деятельность: вопросы теории. Нижний Новгород, 2010. 242 с.
6. Донцов В.Е. Современные исламские движения и организации на Ближнем Востоке в системе международных отношений. М., 2001. URL: http://www.middleeast.org.ua/articles/11.htm
7. Зотов А.В. Глобализация и международный терроризм: генетическое родство // Терроризм угроза человечеству в 21 веке. М.: Крафт+, 2003. С.36-49.
8. Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Профи. 2000. № 2. С. 27-33.
9. Коровиков А. Исламский экстремизм в арабских странах. М.: Наука, 1990. 170 с.
10. Кудрявцев А.В. Концепция «исламского решения» ближневосточной проблемы // «Исламский фактор» в международных отношениях в Азии (70-е первая половина 80-х годов). М., 1987. 189 с.
11. Кутб С. Будущее принадлежит исламу. М., 1993. С. 84.
12. Ланда Р. Исламский фундаментализм // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 32-41.
13. Ланда Р.Г. Россия и мир российского ислама. М.: Медина, 2011. 507 с.
14. Левин З. Развитие арабской общественной мысли. М.: Наука, 1984. 223 с.
15. Марков К.В. Системно-структурный анализ внешней политики Ирана на рубеже XXI века // Новые тенденции в международных отношениях в Азии. М., 2002. С. 195-209.
16. Перфильев Ю.Н. Террор. Бейрут – жаркий октябрь. М.: Согласие, 2000. 208 с.
17. Сатановский Е. Палестинская проблема. Век XXI // Международная жизнь. 2003. № 11. С. 107-117.
18. Современный фашизм: Интервью Дэниела Пайпса // Московский комсомолец. 2004. 18 июня.
19. Солодовников С.А. Терроризм и организованная преступность. М.: Закон и право, 2008. 176 с.
20. Токаревский Г.В. Международный терроризм: современное состояние и перспективы противодействия // Стратегическая панорама. 2003. № 1. С. 85-92.
21. Юрченко В.П. Саудовская Аравия: проблемы противодействия терроризму и исламскому экстремизму // Терроризм. М., 2004. 344 с.
22. Якушев М.И. К истории палестино-израильского конфликта // Арабо-израильский конфликт. М., 2000. 207 с.

Evolution of Institutional Models of Terrorism in the Middle East: Historical and Legal Analysis

Al-saedi Ali Jabbar Issa

Postgraduate,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
194021, 19, Politekhnicheskaya str., ST. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: alialsumari89@gmail.com

Abstract

Terrorism as a violent act was formed in the social culture of violence, which combined positive ideas about it with appropriate attitudes and views that are passed down from generation to generation. In the course of history, well-known traditions of political practice and social life were formed and consolidated in the mass consciousness, which today increasingly contribute to the selection of terrorist methods and means of resolving different conflicts. In general, the presence of a historical and cultural element in the mechanism of activation and transformation of modern terrorism is seen. For many decades the region of the Middle East continues to be the main point of the clash of interests of the leading countries of the world and to constructively influence the development and formation of the whole international life. It has a positive character, as there is no alienation and abstraction from the leading trends in world politics, and a negative one: the Middle East is today the main stabilizer in the security system of the whole world. The meaning of the development of any civilization is determined by its relation to human life. The most utilitarian approach to this issue exists in the Muslim civilization, which considers the sacrifice on the part of the bearers of Muslim values and, moreover, the representatives of other civilizations, as a normal phenomenon. The most widespread this world view has received from radical Muslim groups.

For citation

Al-saedi Ali Jabbar Issa (2017) Evolyutsiya institutsional'nykh modelei terrorizma na Blizhnem Vostoke: istoricheski-pravovoi analiz [Evolution of Institutional Models of Terrorism in the Middle East: Historical and Legal Analysis]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(12A), pp. 12-22.

Keywords

The origins of terrorism, the Middle East, the Middle East, international terrorism, terror, radical Islamic groups, elements of terrorism, causes of proliferation, religious factor, terrorist acts.

References

1. Akhmedov V.M. (2002) Livanskaya «Khezballa» kak voenno-politicheskii «tsentr sily» na Blizhnem vostoke: evolyutsiya i perspektivy v svete blizhnevostochnykh interesov Rossii [Lebanese Hezbollah as a military and political "center of power" in the Middle East: evolution and prospects in the light of Russia's Middle Eastern interests]. In: *Islamizm posle 11 sentyabrya 2001 g. i nachala global'noi antiterroristicheskoi operatsii* [Islamism after September 11, 2001 and the beginning of the global anti-terrorist operation]. Moscow. Available at: http://niiss.ru/s_docladi6.shtml [Accessed 07/07/2017]
2. Bryatova L.V. (comp.) (2005) *Terrorizm i religiya* [Terrorism and religion]. Moscow: Nauka Publ.
3. Dontsov V.E. (2001) *Sovremennye islamskie dvizheniya i organizatsii na Blizhnem Vostoke v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii* [Modern Islamic movements and organizations in the Middle East in the system of international relations]. Moscow. Available at: http://www.middleeast.org.ua/articles/11.htm [Accessed 07/07/2017]
4. Gainutdin R. (2005) Islam protiv terrorizma [Islam against terrorism]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 6, pp. 2-7.
5. Grachev S.I. (2010) *Terrorizm i kontrterroristicheskaya deyatel'nost': voprosy teorii* [Terrorism and counter-terrorism: issues of theory]. Nizhnii Novgorod.
6. Ignatenko A.A. (2000) Endogennyi radikalizm v islame [Endogenous radicalism in Islam]. *Profi,* 2, pp. 27-33.
7. Korovikov A. (1990) *Islamskii ekstremizm v arabskikh stranakh* [Islamic extremism in the Arab countries]. Moscow: Nauka Publ.
8. Kudryavtsev A.B. (1987) Kontseptsiya «islamskogo resheniya» blizhnevostochnoi problemy [The concept of the "Islamic solution" of the Middle East problem]. In: *«Islamskii faktor» v mezhdunarodnykh otnosheniyakh v Azii (70-e pervaya polovina 80-kh godov)* ["The Islamic factor" in international relations in Asia (70th first half of the 80s)].

Moscow.
9. Kutb S. (1993) *Budushchee prinadlezhit islamu* [The future belongs to Islam]. Moscow.
10. Landa R. (1993) Islamskii fundamentalizm [Islamic fundamentalism]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 1, pp. 32-41.
11. Landa R.G. (2011) *Rossiya i mir rossiiskogo islama* [Russia and the world of Russian Islam]. Moscow: Medina Publ.
12. Levin Z. (1984) *Razvitie arabskoi obshchestvennoi mysli* [Development of Arab social thought]. Moscow: Nauka Publ.
13. Markov K.V. (2002) Sistemno-strukturnyi analiz vneshnei politiki Irana na rubezhe XXI veka [System-structural analysis of Iran's foreign policy at the turn of the 21st century]. In: *Novye tendentsii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh v Azii* [New Trends in International Relations in Asia]. Moscow.
14. Perfil'ev Yu.N. (2000) *Terror. Beirut – zharkii oktyabr'* [Terror. Hot october in Beirut]. Moscow: Soglasie Publ.
15. Satanovskii E. (2003) Palestinskaya problema. Vek XXI [The Palestinian problem in 21st century]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs], 11, pp. 107-117.
16. (2004) Sovremennyi fashizm: Interv'yu Deniela Paipsa [Modern Fascism: An Interview with Daniel Pipes]. *Moskovskii komsomolets*.
17. Solodovnikov S.A. (2008) *Terrorizm i organizovannaya prestupnost'* [Terrorism and organized crime]. Moscow: Zakon i parvo Publ.
18. Tokarevskii G.V. (2003) Mezhdunarodnyi terrorizm: sovremennoe sostoyanie i perspektivy protivodeistviya [International terrorism: the current state and prospects for counteraction]. *Strategicheskaya panorama* [Strategic panorama], 1, pp. 85-92.
19. Vasil'ev A. (1983) *Persidskii zaliv v epitsentre buri* [Persian Gulf in the epicenter of the storm]. Moscow.
20. Yakushev M.I. (2000) K istorii palestino-izrail'skogo konflikta [To the history of the Palestinian-Israeli conflict]. In: *Arabo-izrail'skii konflikt* [Arab-Israeli conflict]. Moscow.
21. Yurchenko V.P. (2004) Saudovskaya Araviya: problemy protivodeistviya terrorizmu i islamskomu ekstremizmu [Saudi Arabia: the problems of countering terrorism and Islamic extremism]. In: *Terrorizm* [Terrorism]. Moscow.
22. Zotov A.V. (2003) Globalizatsiya i mezhdunarodnyi terrorizm: geneticheskoe rodstvo [Globalization and international terrorism: a genetic relationship]. In: *Terrorizm ugroza chelovechestvu v 21 veke* [Terrorism is a threat to humanity in the 21st century]. Moscow: Kraft+ Publ.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34

Юридические фикции в контексте развития юридической техники в России

Саркисян Лала Рубиковна

Соискатель,
Юридический институт Российского университета дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: s.lala.r@yandex.ru

Аннотация

В статье проводится сравнительно-правовой анализ фикций в контексте развития юридической техники в России. Фикция рассматривается как прием юридической техники, применяемый еще с древних времен, анализируется ее значение в настоящее время как при формулировании отдельной нормы права, так и при построении отдельных институтов права. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что хотя фикция как прием юридической техники применяется еще с древних времен, тем не менее, современные исследователи не могут прийти к единству взглядов на ее логико-правовую природу и общему пониманию основных ее функций. Значение юридической фикции как приема законодательной техники заключается в том, что она всегда сопряжена с содержанием и принципами законодательной политики.

Для цитирования в научных исследованиях

Саркисян Л.Р. Юридические фикции в контексте развития юридической техники в России // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 12А. С. 23-30.

Ключевые слова

Юридические фикции, юридическая техника, норма права, законодательная техника.

Введение

В настоящее время бесспорным является тот факт, что юридическая фикция выступает в качестве средства юридической техники. Правда, при этом необходимо отграничивать «позитивную правовую фикцию» как собственно средство юридической техники от иных проявлений фиктивного в праве. Исследование данного положения в первую очередь связано с характеристикой правовых фикций как результата технической деятельности законодателя.

В советской юриспруденции юридическую технику понимали в качестве совокупности правил образования и изложения правовых норм, как степень качества написания и редакции законодательства и даже как определенную доктрину [Братусь, 1961, 10]. В настоящее время в объем понятия юридической техники, как правило, включают технику правотворчества, технику правоприменения, толкования, правореализации [Бабаев, Баранов, 1998, 73].

Подобного понимания конструкции «юридическая техника» придерживаются большинство современных правоведов. Возможно, данная концептуализация оправданна, например, ввиду столь частого использования юридико-технических средств в различных видах юридической деятельности. Тем не менее, необходимо отметить, что эта правовая категория до сих пор является весьма дискуссионной.

Сравнительно-правовой анализ фикций в контексте развития юридической техники в России

Так, В.М. Баранов и М.В. Баранова считают, что «термин «юридическая техника» неточен, глубоко противоречив и применяется лишь в силу правовой традиции, тогда как то, что принято считать юридической техникой, следует называть юридической технологией» [Баранов, Баранова, 2012, 11]. Исследователи системно и в то же время критично рассматривают природу и значимость юридической техники: «Юридическая техника – сложное, противоречивое, динамичное единство правовой теории и практики. Естественно, что на каком-то этапе развития того или иного государства возможна технико-юридическая дисгармония между декларируемой правовой идеологией, теоретико-методологическими постулатами и реальной практикой нормотворчества. Но в целом история свидетельствует о постоянном совершенствовании технико-юридического инструментария, о реальном обогащении средств и приемов юридической техники, о развитии ее стратегии и тактики. Можно констатировать, что ныне сложился своеобразный технико-юридический разум, который находит проявление в самых разных формах. Малоплодотворно резкое разведение некоторыми исследователями юридической техники и технологии. В реальной правотворческой практике эти феномены неразделимы» [Там же, 7]. Соответственно, нельзя не согласиться с тем, что «юридическая техника» – это некое комплексное понятие, образовавшееся как междисциплинарная категория в европейской правовой науке в XIX-XX вв. и нашедшее свое призвание у исследователей в постсоветский период.

В.К. Бабаев в одной из своих статей отметил, что такие важные для правового регулирования средства юридической техники, как правовые аксиомы, юридические конструкции, правовые символы, презумпции и юридические фикции, обойдены вниманием научной литературы [Бабаев, 1993, 100].

Конечно же, с тех пор российская правовая мысль получила свое развитие и практически все перечисленные категории так или иначе нашли свое отражение в трудах современных исследователей, но, тем не менее, проблема как самой юридической техники, так и ее средств

не перестала быть актуальной ввиду их многозначности.

Существует немало моделей соотношения понятий «юридическая техника» и «юридическая технология». Их можно по-разному интерпретировать, включать одно понятие в другое или, наоборот, разделять, но ведь ни сущность, ни проблема понимания от этого не изменятся, нужно рассматривать эти понятия с практической точки зрения – анализировать, насколько их название влияет на саму суть. Возможно, и не стоит создавать новые правовые категории на смену уже традиционно существующим, устоявшимся в сознании юристов, и тем самым еще больше утяжелять и без того их перенасыщенность. В настоящее время ведутся дискуссии не только по вопросам, связанным с названием направления, но и по проблемам научного статуса, по предмету и методу теории юридической техники.

Интересным представляется взгляд О.А. Курсовой, которая определяет правовую технику как «представление, описание или конструирование юридических процедур, производств, процессов, а также инструментов и средств, которые используются при обработке имеющегося фактического материала с целью придать ему качество нормативности» [Курсова, 2001, 39]. Правовая технология, по мнению Курсовой, состоит в том, чтобы объяснить причину и механизм влияния социокультурной среды на правотворческий процесс.

Можно согласиться с мнением Е.Ю. Марохина, считающего, что если принять в силу правовой традиции термин «юридическая технология», то юридическая фикция, как и любой другой инструмент права, становится деилогизированным средством юридической техники и «обвинить» ее в тенденциозности или принадлежности к конкретной правовой системе невозможно. Вообще, юридическая фикция используется как на уровне формирования и развития правовых конструкций, на уровне правотворческой деятельности, так и на уровне правореализации. Применительно к каждой сфере фикция приобретает специфические характеристики, вплоть до негативных в правореализации. Необходимость же использования фикций в механизме правового регулирования вызвана особенностями правового познания и развития, а также спецификой правового отражения действительности. Правовая реальность как особый вид реальности обладает особыми средствами отражения действительности и переложения ее на язык права. В качестве одного из таких «инструментов» выступает юридическая фикция.

Специфика правовой фикции заключается в том, что предписание, сформулированное при помощи такого приема, закрепляется в правовой норме, а значит, охраняется государством. Именно фиктивные положения принимаются во внимание законодателем и учитываются при выработке правил, содержащихся в тех или иных нормах. Иными словами, если регламентации подвергаются общественные отношения, подводимые под понятие фиктивных, то правовые нормы непосредственно воспринимают фиктивные положения, которые таким образом включаются в правовую материю как отражающие определенные закономерности с точки зрения законодателя. В таком виде правовые фикции становятся общеобязательным правилом поведения, несомненно, упрощают процесс правового регулирования общественных отношений и делают его логически корректным. В результате не только отдельно взятая правовая норма, но и право в целом приобретают черты фиктивности, однако эта фиктивность в полной мере оправданна, поскольку демонстрирует наличие особых возможностей права как важного социального регулятора.

Говоря о правовых фикциях, нельзя не учитывать также мнения ряда других исследователей, утверждающих особый, возможно, «нестандартный» статус последних на основании специфики качественных параметров, определяющих место фикции в нормативно-правовой системе.

Формальная определенность права предопределяет и своеобразие приемов формулирования и изложения предписаний юридических норм. Одним из аспектов подобного своеобразия и являются правовые фикции. Их использование в праве на первый взгляд противоречит законам формальной (классической) логики и может быть объяснено только формальной определенностью права [Бабаев, 1972, 166-173]. Формальная определенность – это точное, полное и последовательное закрепление государственной воли в строго установленной форме, выраженное в законодательной фиксации круга общественных отношений, регулируемых правом, а также субъектов регулирования, их прав и обязанностей, правомерности или противоправности поведения, меры наказания за совершенные правонарушения и т.д. [Бабаев, 1978, 44-47; Коган, 1966, 12].

Что же касается термина «законодательная техника», то эта особая разновидность юридической техники, представляющая собой совокупность приемов написания проекта закона, правового акта, формулирования правовых предписаний, а также правила утверждения и опубликования проектов. Как система основанных на практике правотворчества и теоретически осмысленных правил, и приемов подготовки наиболее совершенных и целесообразных по форме и структуре проектов нормативных актов, законодательная техника должна обеспечивать максимально полное и точное соответствие формы нормативных актов их содержанию, а также доступность, простоту, исчепывающий охват регулируемых вопросов.

Однако понятие «законодательная техника» употребляется и в более узком смысле, а именно как стадия технического построения нормы с присущими ей техническими приемами и средствами, одним которых является фикция [Марохин, 2004, 47].

Заметим, что использование фикции в качестве приема законодательной техники не отрицалось и в СССР. Наоборот, в этот период признавался исключительный характер этого особого юридического средства. «Правовая фикция представляет собой прием законодательной техники, исключительный характер которого признается даже и буржуазной доктриной» [Нашиц, 1974, 220].

Фикция как прием необходима законодательной технике, которая без нее не сможет обойтись именно в силу исключительности последней. Ее используют тогда, когда иные средства и приемы неэффективны при достижении конкретной законодательной цели.

Отметим, что часто перед законодателем вообще не ставится задача адекватного и точного отражения окружающей действительности в правовой норме, но имеет место цель урегулирования конкретных общественных отношений с учетом содержания законодательной политики. В подобной ситуации законодатель прибегает к своего рода чрезвычайному техническому решению – фикции, но лишь настолько, насколько конечная цель не может быть реализована или может быть реализована не столь эффективно при помощи других технических средств, более предпочтительных в силу того, что они не имеют такого явно ложного характера.

Характеризуя данный аспект юридической фикции, К.К. Панько пишет: «Фикция является своего рода спасательным кругом законодателя. С помощью этого приема достигаются цели законодательной политики...» [Панько, 1998, 74].

Основным признаком, характеризующим общественные отношения, регулирование которых производится с применением фикции как приема законодательной техники, является состояние невосполнимой неопределенности. В целом же, значение фикции как приема законодательной техники состоит в том, что она помогает сочетать требования законодательной политики и законодательной техники и выступает оптимальным средством технического оформления правовых норм.

Существуют и определенные модели словесного выражения правовых фикций в тексте

нормативно-правового акта. Формула «как если бы», известная с древних времен, в настоящее время в российском законодательстве не используется, однако на смену ей пришли новые конструкции, и в большинстве случаев норму-фикцию представляют различные формы глаголов «считать», «полагать».

От собственно правовых фикций необходимо отличать нормы, построенные в законодательных текстах с использованием изобразительно-выразительных средств языка, которые в буквальном прочтении предстают как безусловные правовые фикции, а также следует отличать фикции, выражающие отрыв воли законодателя от словесной формы ее выражения. Такой вариант фикций можно обозначить как смысловые фикции. Они по содержанию обладают внешним сходством с правовыми фикциями, но в объем исследуемого понятия включены быть не могут. Более того, относительно смысловых фикций нельзя говорить об использовании технико-юридического метода установления фикций. Положения смысловых фикций отличаются явной спецификой: они своего рода «дефекты протоколирования» воли законодателя. По существу своему, смысловые фикции – это правовые нормы, которые изначально не рассчитаны на опосредование фиктивных ситуаций в правовом поле, однако в силу недобросовестности формулирования законодательной позиции они приобрели статус фикции и именно в этом качестве функционируют в праве [Вопленко, 1981, 38-46; Сырых, 1995, 382-402].

Нельзя не согласиться, например, с М.Л. Давыдовой в том, что в настоящее время ведутся споры по поводу природы этой категории ввиду многозначности термина «техника». В частности, данный исследователь предлагает различные пути решения обозначенной проблемы: «Первый состоит в том, чтобы все то, что в правовой науке принято обозначать понятием "юридическая техника", называть "юридическая технология". Второй способ решения рассматриваемой проблемы заключается в том, чтобы использовать термин "технология", сохранив при этом понятие «юридическая техника», но дифференцировав их значения» [Давыдова, 2009, 5].

Один из основателей теории юридической техники Р. Иеринг так определил цели последней: 1) возможно большее количественное и качественное упрощение права; 2) достижение практичности права [Иеринг, 2001, 35].

Современные же исследователи формулируют цели юридической техники намного шире. Так, Г.И. Муромцев считает, что технико-правовое мышление необходимо рассматривать исключительно как элемент профессионального правосознания [Муромцев, 2000, 19]. В свою очередь, А.Ф. Черданцев выделяет следующие цели юридической техники: 1) достижение ясности, простоты, краткости и унифицированности юридических документов; 2) рационализацию юридической деятельности [Черданцев, 2001, 336]. М.Л. Давыдова считает, что «названные цели характеризуют инструментальное, прикладное значение юридической техники. Значение это не ограничивается сферой правотворчества и правоприменения» [Давыдова, 2009, 9].

На фоне этих позиций следует заметить, что, например, И.В. Филимонова [Филимонова, 2012, 105], анализируя понятие юридической фикции как приема юридической техники, выделяет следующие признаки этого явления: ложность (условность); юридическая неопровержимость; универсальность; способность юридических фикций вызывать друг друга; цель применения; формальность и категоричность; произвольность формулирования фикции; редкость; исключительность; ограничительный характер толкования; очевидность; легальность; употребляется с целью вызвать определенные юридические последствия.

Исходя из перечисленных признаков юридической фикции, И.В. Филимонова предлагает

следующее определение этого понятия: «Юридическая фикция – это прием юридической техники, при помощи которого конструируется юридически неопровержимое относительно ложное положение, которым существующее признается несуществующим и наоборот, содержащееся в источниках права или соглашении сторон и влекущее определенные юридические последствия» [Там же, 114].

Действительно, данное определение охватывает самые существенные признаки категории юридической фикции, тем не менее, оно кажется достаточно громоздким и, на наш взгляд, требует корректировки.

Нормы, порождаемые с помощью юридической фикции, имеют разную историю развития и разную степень сложности. Так, при помощи фикции создаются не только отдельные нормативные положения, регулирующие конкретные общественные отношения, но и в ряде случаев институты права, играющие большую роль в механизме правового регулирования, правовой системе и имеющие на сегодняшний момент многовековую историю развития.

Итак, рассмотрев особенности правовых фикций в контексте специфики юридической техники, сформулируем ряд обобщающих положений:

1) Юридическая фикция используется для регулирования общественных отношений, характеризуемых особым (в логико-экзистенциальном плане) состоянием «невосполнимой неопределенности».
2) Юридическая фикция является исключительным приемом юридической техники, применяемым в случаях, когда иными средствами достижение целей, поставленных законодателем, просто невозможно.
3) Юридическая фикция технически оформляется в правовых нормах и отличается лаконичностью и категоричностью формулировки.

Заключение

Хотя фикция как прием юридической техники применяется еще с древних времен, тем не менее, современные исследователи не могут прийти к единству взглядов на ее логико-правовую природу и общему пониманию основных функций. Значение юридической фикции как приема законодательной техники заключается в том, что она всегда сопряжена с содержанием и принципами законодательной политики, а метод юридической фикции применяется не только при формулировании отдельной нормы права, но и при формировании отдельных правовых институтов. В целом, существование юридических фикций обусловлено таким свойством права, как формальная определенность, тем более что именно фикции компенсируют формальную неопределенность в правовом регулировании.

Библиография

1. Бабаев В.К. Понятие логики права. Проблемы советского государства и права // Межвузовский тематический сборник. Иркутск, 1972. С. 166-173.
2. Бабаев В.К. Правовая система общества // Общая теория права. Нижний Новгород, 1993. С.100.
3. Бабаев В.К. Формальная определенность и возможности формализации законодательства // Советское государство и право. 1978. № 4. С. 44-47.
4. Бабаев В.К., Баранова В.М. Общая теория права: Краткая энциклопедия. Нижний Новгород, 1998.
5. Баранов В.М., Баранова М.В. Юридическая техника. М., 2012.
6. Братусь С.Н. Значение систематизации советского законодательства и теоретические вопросы, возникающие при систематизации. М., 1961.
7. Вопленко Н.Н. Ошибка в правоприменении: понятие и виды // Советское государство и право. 1981. № 4. С. 38-46.

8. Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград, 2009.
9. Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград, 2009.
10. Иеринг Р. Юридическая техника. М., 2001.
11. Коган В.М. Логико-юридическая структура уголовного закона. Алма-Ата, 1966.
12. Курсова О.А. Фикции в российском праве: дисс. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001.
13. Марохин Е.Ю. Юридическая фикция в современном российском законодательстве: дисс. канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.
14. Муромцев Г.И. Юридическая техника // Правоведение. 2000. № 1.
15. Нашиц А. Правотворчество: теория и законодательная техника. М., 1974.
16. Панько К.К. Фикции в уголовном праве и правоприменении. Воронеж, 1998. 135 с.
17. Сырых В.М. Законодательные ошибки: понятие, виды, выявления и исправления // Российское законодательство: проблемы и перспективы. М., 1995. С. 382-402.
18. Филимонова И.В. Юридические фикции в праве России: история и современность. М, 2012.
19. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 2001.

Legal fictions in the context of development of legal technique in Russia

Lala R. Sarkisyan

PhD in Applicant,
Law Institute of Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: s.lala.r@yandex.ru

Abstract

The article presents a comparative legal analysis of fictions in the context of development of legal technique in Russia. A fiction is regarded as a method of legal technique, used since ancient times. The author analyzes its value in formulating separate provisions of law and building separate institutions of law. The author examines the peculiarities of legal fictions in the context of specifics of legal techniques, and formulates a number of general provisions. Legal fiction is used for regulation of social relations characterized by particular (in logic and existential terms) state of grievous ambiguity. Legal fiction is the exclusive method of legal technology, applied in cases when other means of achieving the objectives, provided by legislator, is impossible. Legal fiction is formulated in legal norms and characterized by simple and categorical language. The author concludes that modern researchers cannot arrive at a common view on its logical and legal nature and common understanding of its basic functions. The value of the legal fiction as a method of legal technique is that it is always connected with the content and principles of legislative policy, and the method of legal fiction is used not only in the formulation of a separate rule of law, but also in the formation of separate legal institutions.

For citation

Sarkisyan L.R. (2017) Yuridicheskie fiktsii v kontekste razvitiya yuridicheskoi tekhniki v Rossii [Legal fictions in the context of development of legal technique in Russia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(12A), pp. 23-30.

Keywords

Legal fictions, legal technique, rule of law, legislative technique.

References

1. Babaev V.K. (1972) Ponyatie logiki prava. Problemy sovetskogo gosudarstva i prava [The Concept of logic of law. The problems of Soviet state and law]. In: *Mezhvuzovskii tematicheskii sbornik* [Interuniversity thematic collection]. Irkutsk, pp. 166-173.
2. Babaev V.K. (1978) Formal'naya opredelennost' i vozmozhnosti formalizatsii zakonodatel'stva [Formal definiteness and the possibilities of formalizing legislation]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 4, pp. 44-47.
3. Babaev V.K. (1993) Pravovaya sistema obshchestva [Legal system of the society]. In: *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Nizhnii Novgorod, p. 100.
4. Babaev V.K., Baranov V.M. (1998) *Obshchaya teoriya prava: Kratkaya entsiklopediya* [General theory of law: a brief encyclopedia]. Nizhnii Novgorod.
5. Baranov V.M., Baranova M.V. (2012) *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technique]. Moscow.
6. Bratus' S.N. (1961) *Znachenie sistematizatsii sovetskogo zakonodatel'stva i teoreticheskie voprosy, voznikayushchie pri sistematizatsii* [The importance of systematization of Soviet legislation and the theoretical issues arising in systematization]. Moscow.
7. Cherdantsev A.F. (2001) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow.
8. Davydova M.L. (2009) *Yuridicheskaya tekhnika: problemy teorii i metodologii* [Legal technique: issues of theory and methodology]. Volgograd.
9. Davydova M.L. (2009) *Yuridicheskaya tekhnika: problemy teorii i metodologii* [Legal technique: issues of theory and methodology]. Volgograd.
10. Filimonova I.V. (2012) *Yuridicheskie fiktsii v prave Rossii: istoriya i so-vremennost'* [Legal fiction in the law of Russia: history and temporality]. Moscow.
11. Iering R. (2001) *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technique]. Moscow.
12. Kogan V.M. (1966) *Logiko-yuridicheskaya struktura ugolovnogo zakona* [Logical and legal structure of the criminal law]. Alma-Ata.
13. Kursova O.A. (2001) Fiktsii v rossiiskom prave. Dokt. Diss. [Fictions in Russian law. Doct. Diss.]. Nizhnii Novgorod.
14. Marokhin E.Yu. (2004) Yuridicheskaya fiktsiya v sovremennom rossiiskom zakonodatel'stve. Dokt. Diss. [Legal fiction in the modern Russian legislation. Doct. Diss.]. Stavropol'.
15. Muromtsev G.I. (2000) Yuridicheskaya tekhnika [Legal technique]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1, p. 19.
16. Nashits A. (1974) *Pravotvorchestvo: teoriya i zakonodatel'naya tekhnika* [Law-making: theory and legislative technique]. Moscow.
17. Pan'ko K.K. (1998) *Fiktsii v ugolovnom prave i* pravoprimenenii [Fictions in criminal law and law enforcement]. Voronezh.
18. Syrykh V.M. (1995) Zakonodatel'nye oshibki: ponyatie, vidy, vyyavleniya i is-pravleniya [Legislative mistakes: notion, types, identification and corrections]. In: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo: problemy i perspektivy* [Russian legislation: problems and prospects]. Moscow, pp. 382-402.
19. Voplenko N.N. (1981) Oshibka v pravoprimenenii: ponyatie i vidy [Mistakes of law enforcement: concept and types]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 4, pp. 38-46.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 321.01

Методика оценки эффективности инновационной функции государства на основе использования интегрального показателя

Степаненко Дмитрий Михайлович

Кандидат экономических наук, доцент,
Белорусско-Российский университет,
212000, Республика Беларусь, Могилев, пр. Мира, 43;
e-mail: erstesieger@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется проблема эффективности инновационной функции государства как одного из основных направлений его деятельности в начале XXI века. Исследованы теоретические подходы к пониманию эффективности государственно-правового воздействия на жизнедеятельность общества. Разработана комплексная методика оценки эффективности инновационной функции государства на основе использования интегрального показателя. Доказана целесообразность использования множества критериев при оценке эффективности инновационной функции государства. Предложены критерии оценки эффективности реализации государством его инновационной функции, каждый из которых характеризует результативность реализации определенного элемента государственной инновационной политики. Обоснована целесообразность использования экспертных оценок для оценки эффективности инновационной функции государства. Предложенная методика позволяет на основе обобщения мнений экспертов оценивать то, насколько эффективно современное государство реализует присущую ему инновационную функцию применительно к тем или иным временным отрезкам, анализировать путем сопоставления значений интегрального показателя по итогам различных периодов времени динамику эффективности осуществления государством инновационной функции. В целом, деятельность, предполагающая оценку на регулярной основе эффективности осуществления государством инновационной функции, призвана способствовать постоянной концентрации внимания на необходимости инновационного развития общества как государственного аппарата, так и всего общества в целом, что, в конечном итоге, объективно будет способствовать такому развитию.

Для цитирования в научных исследованиях

Степаненко Д.М. Методика оценки эффективности инновационной функции государства на основе использования интегрального показателя // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 12А. С. 31-38.

Ключевые слова

Инновационная функция государства, инновация, инновационная деятельность, государственно-правовое воздействие, эффективность, методика, эксперт, интегральный показатель.

Введение

Инновационная функция государства представляет собой основное направление деятельности государства, обусловленное объективно существующими потребностями общественной жизни, выражающее в концентрированном виде сущность и социальное назначение государства в обществе, имеющее соответствующую законодательную регламентацию и предполагающее целенаправленное воздействие со стороны государства на общественную жизнь с целью качественного совершенствования ее различных сторон за счет всяческой поддержки создания и внедрения инноваций в стране, стимулирования физических и юридических лиц к осуществлению инновационной деятельности, всесторонней защиты интересов инноваторов. [Степаненко, 2017]

Интенсификация инновационных процессов в обществе объективно требует того, чтобы инновационная функция, выполняемая государством в современных условиях, не просто им осуществлялась, а, чтобы указанная функция осуществлялась государством наиболее эффективным образом. В связи с этим встают вопросы определения того, что следует понимать под эффективностью инновационной функции государства, как такого рода эффективность можно оценить и за счет чего можно ее повысить.

Основная часть

Необходимо обратить внимание на то, что в юридической литературе достаточно большим количеством специалистов исследуется проблема эффективности государственно-правового воздействия на жизнедеятельность общества и отдельных его сфер.

В частности, по мнению В.В. Лазарева, эффективность государственно-правового воздействия включает в себя результативность действий всех средств, призванных обеспечить достижение правовых целей. [Лазарев, 1975]

О.В. Смирнов рассматривает эффективность государственно-правового воздействия как максимально полезный для развития общества результат воздействия установленных государством норм права на общественные отношения. [Смирнов, 1968]

М.П. Лебедев полагает, что эффективность государственно-правового воздействия следует понимать, как получение наибольшего результата в достижении цели соответствующего правового предписания, установленного государством. [Лебедев, 1963]

По мнению И.С. Самощенко и В.И. Никитинского, понятие эффективности государственно-правового воздействия может быть определено как соотношение между фактическим результатом действия установленных государством правовых норм и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты. [Самощенко, Никитинский, 1969]

А.С. Пашков и Л.С. Явич полагают, что государственно-правовое воздействие эффективно, если та или иная установленная государством норма права предусматривает оптимальный вариант поведения, требуемый для достижения научно обоснованной цели, и реально обеспечивает наступление результата, соответствующего этой цели. [Пашков, Явич, 1970]

Таким образом, практически все специалисты ассоциируют эффективность государственно-правового воздействия на жизнедеятельность общества с результативностью соответствующего воздействия, понимаемой как определенные последствия воздействия установленных государством норм права на общественные отношения.

Применительно к инновационной функции государства об ее полной эффективности можно утверждать в том случае, когда в результате осуществления соответствующего государственно-

правового воздействия обеспечивается достижение всех целей данной функции – ближайших, более отдаленных и конечных. В частности, в процессе реализации современным государством инновационной функции издание тем или иным государственным органом определенного нормативного правового акта приводит к тому, что осуществляется юридическое воздействие на факторы, влияющие на инновационные процессы в обществе (достигается ближайшая цель), в связи с чем происходит интенсификация течения процессов создания и внедрения инноваций (достигается более отдаленная цель) и в итоге обеспечивается высокий уровень инновационной активности в той или иной сфере жизнедеятельности общества и в обществе в целом (достигается конечная цель).

Указанная выше ситуация может быть наглядно проиллюстрирована на примере издания нормативного правового акта, устанавливающего налоговые льготы в отношении инновационно активных предприятий. Вступление в юридическую силу такого акта стимулирует субъектов хозяйствования внедрять прогрессивные нововведения в ходе своей деятельности, обеспечивая тем самым достижение ближайшей цели издания, соответствующего нормативного правового акта. Затем, с течением времени, за счет все более активного использования стимулов к внедрению инноваций, обусловленных соответствующими налоговыми льготами, в стране увеличивается число инновационно активных предприятий, в результате чего достигается более отдаленная цель издания, обозначенного нормативного правового акта. В свою очередь, комплексным итогом издания данного нормативного правового акта будет являться более высокий уровень новаторской активности в обществе в долгосрочной перспективе, выступающий в качестве конечной цели государственно-правового воздействия в рамках реализации государством его инновационной функции.

Реализация современным государством присущей ему инновационной функции во многом обусловливает масштабы новаторской активности на его территории, интенсивность протекания научно-технического прогресса в стране, внедрения его передовых достижений в различных областях и сферах общественной жизни, а, следовательно, и сам характер развития соответствующего общества.

В связи с этим для государства и для общества важно иметь четкое представление о том, насколько эффективно реализуется государством инновационная функция. Наличие такого знания позволяет современному государству точечно корректировать мероприятия, предпринимаемые им в рамках реализации национальной инновационной политики, действующее в стране инновационное законодательство с тем, чтобы оно в большей мере способствовало осуществлению инновационной деятельности в различных ее проявлениях. Знание о степени эффективности реализации государством инновационной функции является предпосылкой конкретных действий со стороны отдельных органов государственной власти и управления, ориентированных на повышение эффективности осуществления инновационной функции государства.

В свою очередь, важность знания о степени эффективности реализации современным государством присущей ему инновационной функции объективно обусловливает необходимость разработки методики оценки указанной эффективности.

Вместе с тем, учитывая сложность, структурированность инновационной функции государства, комплексность ее содержания, всесторонняя оценка того, как реализуется государством обозначенная функция, исходя из логики, не может быть осуществлена лишь с точки зрения одного критерия. Она является многокритериальной по своей сути.

В рамках соответствующей методики оценки эффективности инновационной функции

государства в качестве критериев такой оценки представляется целесообразным обозначить показатели результативности реализации отдельных элементов государственной инновационной политики.

Исходя из этого, могут быть обозначены следующие критерии оценки эффективности реализации государством присущей ему инновационной функции:

1) результативность законодательного обеспечения инновационной политики;
2) результативность осуществления налогового стимулирования инновационной деятельности;
3) результативность осуществления амортизационного стимулирования инновационной активности;
4) результативность защиты прав на интеллектуальную собственность;
5) результативность содействия развитию инновационно ориентированного малого предпринимательства;
6) результативность содействия развитию инновационной инфраструктуры;
7) результативность осуществления внешнеэкономической составляющей инновационной политики;
8) результативность формирования благоприятной инновационной культуры;
9) результативность прогнозирования инновационной активности в стране;
10) результативность планирования и программирования мероприятий инновационной политики;
11) результативность осуществления маркетинговой составляющей инновационной политики;
12) результативность стимулирования развития науки и образования как важнейших предпосылок инновационной активности в стране;
13) результативность непосредственного государственного инвестирования в инновационные проекты;
14) результативность контроля государства за надлежащим исполнением условий договоров, заключаемых между субъектами хозяйствования;
15) результативность политики государства в сфере гражданства.

Сведение воедино обозначенных выше показателей результативности реализации государством отдельных элементов национальной инновационной политики, выступающих в качестве критериев оценки эффективности инновационной функции государства, позволит в конечном итоге дать обобщенную оценку того, как реализуется инновационная функция государства в целом.

Предлагаемая методика предполагает использование экспертных оценок того, насколько эффективно осуществляется государством присущая ему инновационная функция. Каждый из экспертов, входящих в группу, оценивающую эффективность инновационной функции государства, должен оценить результативность реализации отдельных элементов государственной инновационной политики по шкале от 0 до 10 и выставить определенный балл, характеризующий эффективность инновационной функции государства с позиции каждого из обозначенных выше критериев.

Чем выше эксперт оценивает эффективность осуществления государством инновационной функции с точки зрения того или иного критерия, тем соответственно более высокий балл он применительно к данному критерию выставляет. Наименьшей балльной оценкой указанной эффективности является 0, наибольшей – 10.

Кроме того, каждый из экспертов должен оценить значимость каждого из пятнадцати обозначенных критериев путем присвоения каждому из них весового коэффициента в интервале от 0 до 1. При этом сумма пятнадцати указанных весовых коэффициентов должна быть равна 1.

На основе данных экспертных суждений и их обобщения может быть произведена количественная оценка эффективности инновационной функции государства.

Применительно к каждому из критериев оценки эффективности осуществления современным государством присущей ему инновационной функции может быть рассчитан соответствующий коэффициент эффективности. Для нахождения значений указанных коэффициентов необходимо использовать следующую формулу:

$$\text{Кэф.i} = \frac{\text{X}}{10}; \quad (1)$$

где К эф. i – коэффициент эффективности реализации государством инновационной функции с позиции i-го критерия в соответствии с оценкой определенного эксперта, входящего в экспертную группу;

X – балл в интервале от 0 до 10, выставленный определенным экспертом в процессе оценки эффективности реализации государством инновационной функции с позиции i-го критерия;

10 – максимальная балльная оценка эффективности реализации государством инновационной функции с позиции i-го критерия;

i – порядковый номер критерия.

Найденные указанным образом значения коэффициентов эффективности реализации государством инновационной функции с позиции каждого из критериев будут находиться в пределах от 0 до 1.

Зная коэффициенты эффективности реализации государством инновационной функции с позиции каждого из критериев, а также оценки значимости с точки зрения определенного эксперта всех пятнадцати критериев, можно найти совокупную оценку эффективности реализации государством инновационной функции с позиции каждого из экспертов, входящих в экспертную группу:

$$\text{Cj} = \sum_{\text{i}=1}^{15} \text{Кэф.i} \times \text{Ai}; \quad (2)$$

где Cj – совокупная оценка эффективности реализации государством инновационной функции j-м экспертом, входящим в экспертную группу, с позиции заданных пятнадцати критериев;

К эф. i – коэффициент эффективности реализации государством инновационной функции с позиции i-го критерия в соответствии с оценкой определенного эксперта, входящего в экспертную группу;

Ai – весовой коэффициент в интервале от 0 до 1, характеризующий количественную оценку значимости i-го критерия с точки зрения j-го эксперта, входящего в экспертную группу;

i – порядковый номер критерия;

15 – количество критериев оценки эффективности реализации государством инновационной функции.

Наконец, совокупные оценки всех экспертов, входящих в экспертную группу, относительно того, насколько эффективно осуществляется государством инновационная функция, могут быть обобщены посредством нахождения интегрального (обобщающего) показателя эффективности

инновационной функции государства. Формула для нахождения его значения будет иметь следующий вид:

$$I = \frac{\sum_{j=1}^{m} Cj}{m}; \quad (3)$$

где I – интегральный показатель эффективности инновационной функции государства;

Cj – совокупная оценка эффективности реализации государством инновационной функции j-м экспертом, входящим в экспертную группу, с позиции заданных пятнадцати критериев;

j – порядковый номер эксперта, входящего в экспертную группу;

m – число экспертов, входящих в экспертную группу.

Область значений как интегрального показателя эффективности инновационной функции государства, так и совокупных оценок эффективности реализации государством указанной функции каждым из экспертов, входящих в экспертную группу, будет находиться в пределах от 0 до 1. При этом чем ближе будет величина обобщающего показателя к единице, тем выше, и, напротив, чем ближе будет его величина к нулю, тем ниже будет эффективность осуществления государством инновационной функции. Единица в данном случае характеризует собой наиболее высокий уровень эффективности инновационной функции государства.

Таким образом, предложенная методика позволяет на основе обобщения мнений экспертов оценивать то, насколько эффективно современное государство реализует присущую ему инновационную функцию применительно к тем или иным временным отрезкам, анализировать путем сопоставления значений интегрального показателя по итогам различных периодов времени динамику эффективности осуществления государством инновационной функции. Соответствующие экспертные оценки призваны также выявить слабые места в процессе реализации инновационной функции государства, сконцентрировать на них внимание как отдельных органов государственной власти и управления, так и всего государственного аппарата в целом.

Кроме того, целесообразность использования интегрального показателя для оценки эффективности инновационной функции государства обусловливается тем обстоятельством, что в современных условиях в практике различных государств мира используются различные интегральные показатели для оценки эффективности тех или иных аспектов государственного управления. [Смирнов, 2001]

Весьма важными представляются и вопросы о том, кто будет организовывать проведение оценки эффективности осуществления государством инновационной функции в соответствии с предложенной методикой, кто будет выступать в роли экспертов.

Логичным представляется возложить организацию оценки эффективности инновационной функции Российского государства на уполномоченный орган исполнительной власти, призванный осуществлять государственное управление в сфере государственного регулирования инновационной деятельности.

Исходя из этого, при Правительстве Российской Федерации как высшем органе исполнительной власти следует создать Экспертный совет по оценке эффективности реализации Российским государством инновационной функции, члены которого и должны будут выступать в качестве экспертов. При этом представляется целесообразным, чтобы членами указанного Экспертного совета являлись на паритетных началах, с одной стороны, высококвалифицированные специалисты в области государственного управления и права, а, с другой стороны, высококвалифицированные специалисты в области исследования

инновационной деятельности.

На обозначенный Экспертный совет следует возложить обязанность ежегодно представлять органам государственной власти и управления Российской Федерации и общественности обобщенную оценку эффективности реализации Российским государством инновационной функции.

Состав членов Экспертного совета по оценке эффективности реализации Российским государством инновационной функции при правительстве российской Федерации должен подлежать ежегодной ротации.

Заключение

В целом, деятельность, предполагающая оценку на регулярной основе эффективности осуществления государством инновационной функции, призвана способствовать постоянной концентрации внимания на необходимости инновационного развития общества как государственного аппарата, так и всего общества в целом, что, в конечном итоге, объективно будет способствовать такому развитию.

Библиография

1. Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов (вопросы теории). Казань: Казанский государственный университет, 1975. 208 с.
2. Лебедев М.П. Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения // Советское государство и право. 1963. № 1. С. 22-31.
3. Пашков А.С., Явич Л.С. Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 40-48.
4. Самощенко И.С., Никитинский В.И. О понятии эффективности правовых норм // Ученые записки Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства. 1969. Выпуск 18. С. 3-19.
5. Смирнов О.В. Эффективность правового регулирования организации труда на предприятии. М.: Юридическая литература, 1968. 183 с.
6. Смирнов Э.А. Управленческие решения. М.: ИНФРА-М, 2001. 264 с.
7. Степаненко Д.М. Инновационная функция государства и ее содержательные характеристики // Российская юстиция. 2017. № 12. С. 41-44.

Technique for Assessing the Effectiveness of the Innovation Function of the State on the Basis of the Use of an Integral Index

Dmitrii M. Stepanenko

PhD in Economics, Associate Professor,
Belarusian-Russian University,
212000, 43, Mira ave., Mogilev, Republic of Belarus,
e-mail: erstesieger@mail.ru

Abstract

The problem of the effectiveness of the innovation function of the state as one of the main directions of its activity at the beginning of the XXI century is investigated in the article. Theoretical approaches to understanding the effectiveness of the state and legal impact on the life of society are

investigated. The complex technique for assessing the effectiveness of the innovation function of the state based on the use of an integral index is developed. The expediency of using a set of criteria in assessing the effectiveness of the innovation function of the state is proved. The criteria for assessing the effectiveness of the realization by the state of its innovation function are proposed, each of which characterizes the effectiveness of the realization of a certain element of the state innovation policy. The expediency of using expert estimates for assessing the effectiveness of the innovation function of the state is substantiated. The proposed technique makes it possible, based on the generalization of the opinions of experts, to assess how effectively the modern state realizes its inherent innovation function in relation to certain time intervals, analyze the dynamics of the effectiveness of the realization by the state of the innovation function by comparing the values of the integral index based on the results of different periods of time.

For citation

Stepanenko D.M. (2018) Metodika otsenki effektivnosti innovatsionnoi funktsii gosudarstva na osnove ispol'zovaniya integral'nogo pokazatelya [Technique for Assessing the Effectiveness of the Innovation Function of the State on the Basis of the Use of an Integral Index]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(12A), pp. 31-38.

Keywords

Innovation function of the state, innovation, innovation activity, state and legal impact, effectiveness, technique, expert, integral index.

References

1. Lazarev V.V. (1975) *Effektivnost' pravoprimenitel'nykh aktov (voprosy teorii)* [Effectiveness of law enforcement acts (theory issues)]. Kazan: KSU.
2. Lebedev M.P. (1963) Ob effektivnosti vozdejstviya sotsialisticheskogo prava na obshhestvennye otnosheniya [On the effectiveness of the impact of socialist law on public relations]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [The Soviet state and law], 1, pp. 22-31.
3. Pashkov A.S., Yavich L.S. (1970) Effektivnost' dejstviya pravovoi normy (k metodologii i metodike sociologicheskogo issledovaniya) [Effectiveness of the legal norm (to the methodology and technique of sociological research)]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [The Soviet state and law], 3, pp. 40-48.
4. Samoshhenko I.S., Nikitinskii V.I. (1969) O ponyatii effektivnosti pravovykh norm [On the concept of effectiveness of legal norms]. *Uchenye zapiski Vsesoyuznogo nauchno-issledovatel'skogo instituta sovetskogo zakonodatel'stva* [Scientific notes of the All-Union scientific research institute of Soviet legislation], 18, pp. 3-19.
5. Smirnov E.A. (2001) *Upravlencheskie resheniya* [Management solutions]. Moscow: INFRA-M Publ.
6. Smirnov O.V. (1968) *Effektivnost' pravovogo regulirovaniya organizatsii truda na predpriyatii* [Effectiveness of the legal regulation of the organization of work in the enterprise]. Moscow: Yuridicheskaja literatura Publ.
7. Stepanenko D.M. (2017) Innovatsionnaya funktsiya gosudarstva i ee soderzhatel'nye kharakteristiki [Innovation function of the state and its content characteristics]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian justice], 12, pp. 41-44.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34

Практика правового регулирования противодействия коррупции на государственной службе в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, Ямало-Ненецком автономном округе и Тюменской области

Тухватулина Елена Идрисовна

Аспирант,
Сургутский государственный университет,
628400, Российская Федерация, Сургут, пр. Ленина, 1;
e-mail: e_tukhvatullina@list.ru

Сунцов Александр Павлович

Доктор юридических наук, профессор,
Сургутский государственный университет,
628400, Российская Федерация, Сургут, пр. Ленина, 1;
e-mail: Suncovap@duma72.ru

Аннотация

В статье анализируется федеральное законодательство, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, принятые органами исполнительной и законодательной (представительной) государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Ямало-Ненецкого автономного округа и Тюменской области по противодействию коррупции на государственной службе. Отмечается, что, несмотря на актуальность борьбы с коррупцией, федеральное законодательство в анализируемой сфере до настоящего времени не кодифицировано. Нормативные правовые акты, которые направленны на противодействие коррупции, находятся в различных отраслях законодательства, что вносит затруднения в разработку системных рекомендаций для правоприменительной практики. Этим обуславливается необходимость изучения практики субъектов Российской Федерации по нормативному правовому регулированию противодействия коррупции. Исследование, проведенное на основе сравнительного анализа федерального и регионального законодательства, позволило авторам сделать вывод о значении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов для регионального законодательства, а также отметить с положительной стороны практику субъектов Российской Федерации по разработке и принятию на законодательном уровне программ по противодействию коррупции.

Для цитирования в научных исследованиях

Тухватулина Е.И., Сунцов А.П. Практика правового регулирования противодействия коррупции на государственной службе в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, Ямало-Ненецком автономном округе и Тюменской области // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 12А. С. 39-46.

Ключевые слова

Коррупция, государственный служащий, антикоррупционное законодательство, противодействие коррупции, государственная служба, законодательство субъектов РФ, коррупционный риск, ответственность, исполнительный орган.

Введение

По мнению Президента Российской Федерации В.В. Путина «…ничто так не подрывает и не крадет ресурс развития, как неправда, несправедливость, беззаконие, как коррупционная ржавчина и мздоимство, …от кого бы они ни исходили – от политиков, чиновников, бизнеса или от тех, кто называет себя элитой»[1].

В то же время в правовой отечественной системе законодательства по противодействию коррупции до настоящего времени не кодифицировано. Нормы права, которые направленны на противодействие коррупции, находятся в различных отраслях законодательства, что не позволяет отраслевым наукам выработать для правоприменительной практики единого подхода к предупреждению коррупции на государственной службе.

В связи с чем существует настоятельная необходимость изучения практики правового регулирования субъектами Российской Федерации противодействия коррупции.

Согласно положениям Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[2] органы государственной власти субъектов Российской Федерации реализуют меры по противодействию коррупции в пределах своих полномочий на основе принимаемых ими законов.

Анализ оценки законодательства Ханты-Мансийского автономного округа-Югры, Ямало-Ненецкого автономного округа и Тюменской области в области противодействия коррупции со стороны территориальных органов прокуратуры и Министерства внутренних дел, позволяет предположить, что к настоящему времени в указанных субъектах Российской Федерации сформировалась полноценная нормативная правовая база в области противодействия коррупции[3].

Проведенное исследование показывает, что в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, Ямало-Ненецкого автономном округе и Тюменской области приняты законы[4] и другие

[1] Стенограмма выступления В.В. Путина на пленарном заседании XVII съезда Всероссийской политической партии «Единая Россия».

[2] О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 03.04.2017) // "Собрание законодательства РФ", 29.12.2008, N 52 (ч. 1), ст. 6228)),

[3] См., например: Постановление Тюменской областной Думы от 20.04.2017 N 355 "Об отчете начальника УМВД России по Тюменской области "О деятельности полиции Тюменской области по итогам 2016 года" и информации прокурора Тюменской области "О состоянии законности и правопорядка в Тюменской области в 2016 году" // Парламентская газета "Тюменские известия" (вкладка "Документы"), N 78, 06.05.2017.

[4] См., например: Закон Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 05.09.2008 № 86-ОЗ «О мерах по противодействию коррупции в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре» //"Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа-Югры" (спецвыпуск), 25.09.2008, N 9, ст. 1394; Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 30 октября 2017 г. N 72-ЗАО "О противодействии коррупции в Ямало-Ненецком автономном округе" // "Красный Север", спецвыпуск N 88, 07.11.2017; Закон Тюменской области «О противодействии коррупции в Тюменской области» // "Тюменская область сегодня", N 33, 27.02.2009,"Вестник Тюменской областной Думы", N 1, часть 1, 2009.,

нормативные правовые акты[5] в области предупреждения коррупционных правонарушений и противодействия коррупции.

В них, в частности, установлено, что антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов является одной из самых важных мер противодействия коррупции на региональном уровне[6]. И это не случайно, так как, по мнению Президента Российской Федерации В.В. Путина «…нужно убрать все нечеткие, двусмысленные, размытые правовые нормы, которые нечистоплотные представители правоохранительных органов используют для «наезда» на бизнес, чтобы собирать дань, отнимать собственность».[7]

Кроме того, в проанализированном региональном законодательстве[8] закреплен исчерпывающих перечень антикоррупционных запретов, обязанностей и ограничений для лиц, которые замещают государственные должности, а также должности государственной и муниципальной службы.

Регионы своевременно и в установленные федеральным законодательством сроки отслеживают изменения федерального законодательства в сфере противодействия коррупции, а также незамедлительно проводят актуализацию регионального законодательства на уровне вышеуказанных субъектов Российской Федерации.

Например, с момента закрепления на уровне федерального законодательства такого элемента механизма противодействия коррупции, как контролирование расходов лиц, которые замещают должности в сфере государственной и муниципальной службы, всеми субъектами Российской Федерации было это отражено в своем региональном законодательстве.

Так, после принятия на федеральном уровне Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»[9], а так же Указа Президента Российской Федерации «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы…»[10], в Ханты-Мансийском

[5] См., например: Распоряжение Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа - Югры «Об утверждении плана противодействия коррупции в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре на 2016-2017 годы» № 47-рг от 29.02.2016 (ред. от 18.07.2017) //архив автора; Распоряжение Правительства Тюменской области от 25.01.2016 № 38-рп «Об утверждении плана противодействия коррупции в исполнительных органах государственной власти Тюменской области на 2016–2018 годы» (ред. от 07.07.2017) // архив автора.

[6] См., например: Постановление Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 08.12.2011 № 175 «О порядке проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов Ханты-Мансийского автономного округа-Югры и проектов нормативных правовых актов» // "Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа-Югры", 15.12.2011, N 12 (часть I), ст. 1163,

[7] Стенограмма выступления В.В. Путина на пленарном заседании XVII съезда Всероссийской политической партии «Единая Россия».

[8] См., например: Закон ЯНАО от 08.06.2009 N 37-ЗАО (ред. от 01.04.2016) "О мониторинге правового пространства в Ямало-Ненецком автономном округе" //"Красный Север", спецвыпуск N 63/2, 11.06.2009; Постановление Правительства Тюменской области «Об утверждении порядка проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов Тюменской области»// "Парламентская газета "Тюменские известия", N 30, 20.02.2008.

[9] Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (ред. от 03.11.2015) // "Российская газета", N 280, 05.12.2012, "Собрание законодательства РФ", 10.12.2012, N 50 (часть 4), ст. 6953.

[10] Указа Президента Российской Федерации «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению» (ред. от 19.09.2017) // "Российская газета", N 177, 22.09.2009, "Собрание законодательства РФ", 28.09.2009, N 39, ст. 4588.

автономном округе-Югре[11] и в Ямало-Ненецком автономном округе[12] были приняты соответствующие законодательные акты.

В них, в частности предусмотрены изменения в части запрета указанным лицам открывать и иметь зарубежные счета, хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами.

Кроме того, в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре, Ямало-Ненецком автономном округе и Тюменской области, в целях реализации Указа Президента Российской Федерации «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов»[13], была введена обязанность для лиц, которые замещают государственные должности, сообщать о возникновении личной заинтересованности, которая может послужить причиной конфликта интересов.

В Ханты-Мансийском автономном округе Югре эта обязанность была закреплена в соответствующих нормативно-правовых актах[14]. Аналогичные нормативные правовые акты были приняты в Ямало-Ненецком автономном округе[15] и в Тюменской области.

Также в вышеуказанных регионах созданы специализированные органы в сфере противодействия коррупции[16], которые систематизируют и координируют на уровне субъекта

---

[11] Постановление Губернатора ХМАО-Югры от 15 декабря 2009 года №198 «О предоставлении гражданами, претендующими на замещение должностей государственной гражданской службы Ханты-Мансийского автономного округа-Югры, и государственными гражданскими служащими Ханты-Мансийского автономного округа-Югры сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» (ред. от 09.12.2016) // "Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа-Югры", 01.12.2009-15.12.2009, N 12 (часть I), ст. 1122, "Новости Югры", N 6, 19.01.2010.

[12] Постановление Губернатора ЯНАО от 17.02.2011 N 19-ПГ (ред. от 09.09.2014) "Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Ямало-Ненецкого автономного округа" //"Красный Север", спецвыпуск N 8/1, 18.02.2011.

[13] Указ Президента РФ от 01.07.2010 N 821 (ред. от 19.09.2017) "О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов"

(вместе с "Положением о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов") // "Собрание законодательства РФ", 05.07.2010, N 27, ст. 3446, "Российская газета", N 147, 07.07.2010.

[14] См., например: Распоряжение Правительства ХМАО - Югры от 26.09.2014 N 531-рпb "О Типовом положении о конфликте интересов работников государственных учреждений и государственных унитарных предприятий Ханты-Мансийского автономного округа - Югры, а также хозяйственных обществ, фондов, автономных некоммерческих организаций, единственным учредителем (участником) которых является Ханты-Мансийский автономный округ - Югра" // "Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа-Югры", 30.09.2014, N 9 (часть II), ст. 1108; Распоряжение Правительства ХМАО - Югры от 14.08.2014 N 449-рп "О Типовом положении информирования работниками работодателя о случаях склонения их к совершению коррупционных нарушений и порядке рассмотрения таких сообщений в государственных учреждениях и государственных унитарных предприятиях Ханты-Мансийского автономного округа - Югры, а также хозяйственных обществах, фондах, автономных некоммерческих организациях, единственным учредителем (участником) которых является Ханты-Мансийский автономный округ - Югра" // Архив автора.

[15] Постановление Губернатора ЯНАО от 17.02.2011 N 19-ПГ (ред. от 09.09.2014) //"Красный Север", спецвыпуск N 8/1, 18.02.2011.

[16] Закон Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 05.09.2008 № 86-ОЗ «О мерах по противодействию коррупции в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре» //"Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа-Югры" (спецвыпуск), 25.09.2008, N 9, ст. 1394;Закон Тюменской области «О противодействии коррупции в Тюменской области» // "Тюменская область сегодня", N 33, 27.02.2009,"Вестник Тюменской областной Думы", N 1, часть 1, 2009; Закон ЯНАО от 30.10.2017 N 72-ЗАО "О противодействии коррупции в Ямало-Ненецком автономном округе" // "Красный Север", спецвыпуск N 88, 07.11.2017.

Российской Федерации проведение методической работы в сфере обеспечения противодействия коррупции.

Кроме того, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югра в сфере противодействия коррупции принимаются специальные программы, направленные на проведение профилактических мероприятий.

Так, постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа-Югры «Развитие гражданского общества Ханты-Мансийского автономного округа-Югры на 2018 – 2025 годы и на период до 2030 года» от 9 октября 2013 года N 412-п[17] (в ред. от 27.11. 2017), направлено на формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению, а так же на развитие межнационального сотрудничества, профилактику коррупции на территории автономного округа.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что антикоррупционное законодательство Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Ямало-Ненецкого автономного округа и Тюменской области, ориентировано на:

– предупреждение и профилактику коррупционных правонарушений;
– четкую регламентацию контроля за деятельностью должностных лиц в сфере государственной службы;
– повышение прозрачности и открытости деятельности исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации;
– более активное и осознанное участие граждан, средств массовой информации и других институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции.

В исследованных субъектах Российской Федерации приняты законы и иные нормативные правовые акты в области предупреждения коррупционных правонарушений и противодействия коррупции. В них, в частности антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов признается одной из самых важных мер противодействия коррупции на уровне регионального законодательства.

Заслуживает внимания практика субъектов Российской Федерации по разработке и принятию на законодательном уровне специальных программных документов, направленных на:

– формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению;
– развитие межнационального сотрудничества;
– профилактику коррупции.

[17] Постановление Правительства ХМАО-Югры «О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа-Югры «Развитие гражданского общества Ханты-Мансийского автономного округа-Югры на 2018 – 2025 годы и на период до 2030 года»» от 9 октября 2013 года N 412-п (ред. от 27.11.2017) // "Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа-Югры", 15.10.2013, N 10 (часть I, том 2), ст. 1216, "Новости Югры", N 149, 24.12.2013.

Библиография

1. Абдулгалимов Р.З., Сунцов А.П. Предметы ведения и полномочия общественных объединений, участвующих в управлении делами государства //Административное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 506-510.
2. Абдулгалимов Р.З., Сунцов А.П. Деятельность общественных объединений, как основная форма участия граждан в управлении делами государства // Политика и общество. 2014. № 7. С. 726-732.
3. Аналитическое исследование «Развитие нормативно-правового обеспечения противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации». М., 2017. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.
4. Граждан В.Д. Государственная гражданская служба. М.: КНОРУС, 2009. С. 64-65.
5. Дементьев А.Н., Качушкин С.В. Институт конфликта интересов и предотвращение коррупции на государственной гражданской службе // Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 2. С. 9-19.
6. Сунцов А.П. Красносельских И.М. Межрегиональное сотрудничество депутатских фракций «Единая Россия» представительных органов государственной и муниципальной власти в Тюменской области // Конституционно-правовой статус субъекта Российской Федерации: современное состояние и перспективы. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Тюмень, 2016. С. 164-172.
7. Тихомиров Ю.А. Проблемы развития законодательства субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 3. С. 5.
8. Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В., Цирин А.М. О результатах анализа практики реализации программ противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации и предложениях по повышению их эффективности // Журнал российского права. 2012. № 11. С. 58-67.

The practice of legal regulation of anti-corruption in public service in the Khanty-Mansiysk Autonomous District, the Yamalo-Nenets Autonomous District and the Tyumen Region

Elena I. Tukhvatulina

Postgraduate,
Surgut State University,
628400, 1, Lenina ave., Surgut, Russian Federation;
e-mail: e_tukhvatullina@list.ru

Aleksandr P. Suntsov

Doctor of Law, Professor,
Surgut State University,
628400, 1, Lenina ave., Surgut, Russian Federation;
e-mail: Suncovap@duma72.ru

Abstract

The article analyzes federal legislation, laws and other normative legal acts of the constituent entities of the Russian Federation adopted by the executive and legislative (representative) state authorities of the Khanty-Mansiysk Autonomous District Ugra, the Yamalo-Nenets Autonomous District and the Tyumen Oblast to counter corruption in the civil service. It is noted that, despite the urgency of the fight against corruption, federal legislation in the analyzed area has not been codified to date. Normative legal acts that are aimed at counteracting corruption are in various branches of

legislation, which makes it difficult to develop systematic recommendations for law enforcement practice. This makes it necessary to study the practice of the constituent entities of the Russian Federation on the regulatory legal regulation of combating corruption. The study, conducted on the basis of a comparative analysis of federal and regional legislation, allowed the authors to conclude on the importance of anti-corruption expertise of regulatory legal acts for regional legislation, as well as to note the positive practice of the subjects of the Russian Federation in developing and adopting anti-corruption programs at the legislative level. In the studied subjects of the Russian Federation, laws and other normative legal acts have been adopted in the field of preventing corruption offenses and countering corruption. In them, in particular, anti-corruption expertise of regulatory legal acts is recognized as one of the most important measures to counter corruption at the level of regional legislation.

For citation

Tukhvatulina E.I., Suntsov A.P. (2017) Praktika pravovogo regulirovaniya protivodeistviya korruptsii na gosudarstvennoi sluzhbe v Khanty-Mansiiskom avtonomnom okruge – Yugre, Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge i Tyumenskoi oblasti [The practice of legal regulation of anti-corruption in public service in the Khanty-Mansiysk Autonomous District, the Yamalo-Nenets Autonomous District and the Tyumen Region]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(12A), pp. 39-46.

Keywords

Corruption, civil servant, anti-corruption legislation, anti-corruption, public service, legislation of the subjects of the Russian Federation, corruption risk, responsibility, executive body.

References

1. Abdulgalimov R.Z., Suntsov A.P. (2015) Predmety vedeniya i polnomochiya obshchestvennykh ob"edinenii, uchastvuyushchikh v upravlenii delami gosudarstva [Subjects of reference and powers of public associations participating in the management of state affairs]. *Administrativnoe i munitsipal'noe parvo* [Administrative and municipal law], 5, pp. 506-510.
2. Abdulgalimov R.Z., Suntsov A.P. (2014) Deyatel'nost' obshchestvennykh ob"edinenii, kak osnovnaya forma uchastiya grazhdan v upravlenii delami gosudarstva [Activity of public associations as the main form of citizens' participation in the management of state affairs]. *Politika i obshchestvo* [Politics and society], 7, pp. 726-732.
3. (2017) *Analiticheskoe issledovanie «Razvitie normativno-pravovogo obespecheniya protivodeistviya korruptsii v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii». Sovet Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii* [Analytical study "Development of regulatory and legal support for counteracting corruption in the subjects of the Russian Federation". The Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation.]. Moscow.
4. Dement'ev A.N., Kachushkin S.V. (2008) Institut konflikta interesov i predotvrashchenie korruptsii na gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhbe [Institute of Conflict of Interest and Prevention of Corruption in the Civil Service]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Self-Government], 2, pp. 9-19.
5. Grazhdan V.D. (2009) *Gosudarstvennaya grazhdanskaya sluzhba* [State civil service]. Moscow: KNORUS Publ.
6. Khabrieva T.Ya., Andrichenko L.V., Tsirin A.M. (2012) O rezul'tatakh analiza praktiki realizatsii programm protivodeistviya korruptsii v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii i predlozheniyakh po povysheniyu ikh effektivnosti [On the results of the analysis of the practice of implementing anti-corruption programs in the constituent entities of the Russian Federation and proposals to improve their effectiveness]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 11, pp. 58-67.
7. Suntsov A.P. Krasnosel'skikh I.M. (2016) Mezhregional'noe sotrudnichestvo deputatskikh fraktsii «Edinaya Rossiya» predstavitel'nykh organov gosudarstvennoi i munitsipal'noi vlasti v Tyumenskoi oblasti [Interregional cooperation of the parliamentary factions "United Russia" representative bodies of state and municipal authorities in the Tyumen region]. In: *Konstitutsionno-pravovoi status sub"ekta Rossiiskoi Federatsii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy.*

Materialy mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Constitutional and legal status of the subject of the Russian Federation: current status and prospects. Materials of interregional scientific-practical conference]. Tyumen.

8. Tikhomirov Yu.A. (2009) Problemy razvitiya zakonodatel'stva sub"ektov Rossiiskoi Federatsii [Problems of development of the legislation of the subjects of the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe parvo* [Constitutional and municipal law], 3, p. 5.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34

К вопросу о консолидации законодательства: теоретический и практический аспект

Шокиров Гайбулло Абдуллоевич

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики,
735700, Республика Таджикистан, Худжанд, 17 микрорайон, 1;
e-mail: shga1959@mail.ru

Аннотация

В статье исследована юридическая природа консолидации законодательства. На основании такого анализа определены понятие, особенность, цель, характеристика и задачи консолидации законодательства. При правотворческой деятельности в правовой системе государства накапливается значительное число нормативных правовых актов, предписание которых имеют единый предмет регулирования. Естественно, при таком положении возникает проблема множественности правовых актов и конечно задача систематизации законодательства и особой его формы, консолидации направлены на ликвидацию данных повторений норм права. Данная юридическая деятельность заканчивается принятием единого укрупненного акта. В статье также исследованы практика использования консолидации законодательства в правотворческой деятельности и соответственно место консолидации в правотворческой деятельности Таджикистана. Консолидация законодательства опирается на определенную, объективно существующую обширную совокупность правил и процедур, содержащих определенное количество методов. Методологическую основу статьи составили общенаучные методы исследования: диалектический, системный, функциональный, логический; специальные методы: частно-научные методы: формально-логический (догматический), сравнительно-правовой, историко-правовой, комплексный, системный подход и др. Исследуя консолидацию законодательства мы также считаем, что она, наряду с учетом, инкорпорацией и кодификацией, является самостоятельной формой систематизации законодательства.

Для цитирования в научных исследованиях

Шокиров Г.А. К вопросу о консолидации законодательства: теоретический и практический аспект // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 12А. С. 47-55.

Ключевые слова

Систематизация законодательства, внешняя систематизация, нормативный правой акт, законодательство, инкорпорация, кодификация, консолидация, консолидированный акт.

Введение

В современной правовой науке существуют разные точки зрения о позиции, занимаемой систематизацией законодательства. В этом процессе очень важное место занимают способы и формы систематизации законодательства. Так, наравне с инкорпорацией и кодификацией, большую роль играет консолидация законодательства, о правовой природе которой учеными высказаны разные мнения.

Как следует из теории права, систематизация законодательства разделена на определенные формы. В теории и практике права традиционно выделяют три формы систематизации законодательства. В свою очередь, каждая из этих форм систематизации законодательства разделена (классифицируется) на отдельные виды. В целях упорядочения действующего законодательства в зависимости от вида и формы систематизации уполномоченным органом принимается определенный акт систематизации.

В настоящей статье подвергнуты анализу теоретические и практические проблемы другой самостоятельной формы систематизации – консолидации законодательства.

Деятельность государственной власти и ее уполномоченного органа, осуществляющего правотворческую политику, направлена на то, чтобы принимать правовые нормы для упорядочения различных общественных отношений. На этой основе законодательные органы принимают многочисленные нормативные правовые акты, имеющие единый предмет правового регулирования и повторяющие друг друга, а иногда и противоречащие друг другу. Рассматриваемая в настоящей статье форма систематизации законодательства – консолидация (объединение) законодательства – направлена на реализацию именно этой цели. Консолидация законодательства считается самостоятельной формой систематизации законодательства, в ходе которой объединяются один или несколько нормативных правовых актов по одному предмету, в результате чего принимается новый консолидированный акт. Естественно, такой укрупненный объединенный акт обладает особыми правовыми характеристиками.

Основная часть

В правовой литературе существует достаточно много работ по определению правовой природы консолидации законодательства, однако у отечественных и зарубежных ученых нет единого мнения.

Прежде чем анализировать мнение исследователей о юридической природе консолидации законодательства, нам хотелось бы определить само суть понятия «консолидация законодательства».

«Консолидация» [лат. сл. consolidation] – упрочение или укрепление [18, с. 352]. В другом источнике данная дефиниция, тоже имея латинское происхождение пишется как «consolidation», т.е. «con», - с, вместе + «solid are» – уплотнять, укреплять, сращивать. На основе данного источника, под понятием «консолидация» понимается форма систематизации законодательства, при которой осуществляется объединение нескольких нормативных правовых актов, действующих в одной и той же области общественных отношений, в единый сводный нормативный правовой акт без изменения содержания [Лехин, Петров, 1954, 286].

Исследовав особенности самой систематизации законодательства и ее форм, М.М. Рассолов подчеркивает о причинах появления такой формы систематизации законодательства как «консолидация». По его мнению, причиной консолидации законодательства – это ликвидация множественности нормативных актов, предписания которых зачастую повторяются, а иногда

содержат явные несогласованности и противоречия. С позиции исследователя, под консолидацией законодательства понимается такая форма систематизации нормативных правовых актов, в процессе, которого, десятки, а порой и сотни нормативных актов по одному и тому же вопросу объединяются в один укрупненный акт [Рассолов, 2010, 474]. Мы придерживаемся мнения М.М. Рассолова о том, что, действительно, эта форма систематизации законодательства направлена на ликвидацию множественности нормативно – правовых актов, предписания которых повторяются, и, по существу, данный процесс является процессом правотворчества.

Такого же мнения придерживаются А.С. Пиголкин [Пиголкин, 2010, 567], Р.Ш. Сативалдыев [Сативалдыев, 2006, 495], А.Р. Нематов [Нматов, 2015, 499] и др.

По мнению А.Б. Венгерова, под консолидацией как особого вида систематизацией понимается объединение в новый акт ряда законодательных актов, посвященных одному и тому же предмету регулирования [Венгеров, 2009, 496].

Мы солидарны с выдвинутой позицией С.В. Кодана. По его мнению, консолидация как форма упорядочения законодательства связана с созданием на официальном уровне укрупненного акта систематизации законодательства с целью устранения множественности нормативных актов, включающего в себя положения (нормы) ранее изданных и действующих актов без изменения их нормативного содержания и служащего промежуточным звеном между текущим правотворчеством и кодификацией. Далее автор, подчеркивает, что результатом консолидации является образование крупных однородных блоков правовых норм, текстуально оформленных в форме нового укрупненного акта с общей структурой, логической последовательностью и определенной редакционной поправкой, который утверждается правотворческим органом в качестве самостоятельного источника права или издается определенным государственным органом [Кодан, 2008, 394].

Таким образом, на основе анализа приведенных выше мнений специалистов мы можем выделить следующие характеристики консолидации законодательства:

Устранение множественности нормативных актов, предписания которых зачастую повторяются, содержат несогласованность и противоречия.

В процессе реализации такой формы систематизации законодательства ряд нормативных правовых актов объединяется в единый нормативный правовой акт.

В связи с тем, что консолидация законодательства как форма систематизации нормативных правовых актов не очень распространено, в теории права, признании консолидации законодательства как самостоятельной формой систематизации законодательства является спорным вопросом. Такую тенденцию мы наблюдаем при классификации видов систематизации законодательства. Поэтому в юридической литературе, большинство исследователей консолидацию не считают самостоятельной формой систематизации законодательства.

Большинство ученых рассматривают консолидацию законодательства как один из приемов или форм инкорпорации законодательства, состоящий в укрупнении, объединении нескольких однородных актов в один в целях единого и всестороннего регулирования соответствующих отношений.

По мнению О.Б. Кудешкиной, в практике систематизации законодательства в форме инкорпорации применяется и такой прием как консолидация. С позиции автора, при помощи консолидации, разрозненные нормативные правовые акты, группируются по одному какому – либо вопросу, с отметкой соответствующих частей соединяемых актов (возможно преамбул), без внесения изменений новых правовых положений в регулирование данных общественных

отношений [Кудешкина, 2002, 22].

В другом источнике указывается на то, что по форме консолидация близка к «систематической инкорпорации», так как ничего нового в регулировании общественных отношений не вносит, но, по сути, консолидация близка к кодификации, так как «консолидированный акт» является сводным нормативным актом. На основании данного источника, обычно консолидация законодательства используется там, где нет необходимости или возможности кодификации [Азрилиян, 2006, 286].

Как видно, в двух указанных выше источниках эта форма систематизации считается приемом и формой инкорпорации законодательства. Мы не согласны с мнениями этих авторов, так как консолидации законодательства – есть процесс правотворчества. В ходе реализации данной формы систематизации мы видим объединение нескольких нормативных правовых актов, в которых наблюдается противоречие между нормами, повторы норм и т.д. В результате консолидации устраняются все указанные проблемы и недостатки. Подготовка и принятие консолидационного акта осуществляется уполномоченным государственным органом, что свидетельствует о принадлежности этой формы систематизации законодательства к процессу правотворчества.

Но другие исследователи настаивают на том, что консолидация законодательства является самостоятельной формой систематизации законодательства.

Исследуя юридическую природу консолидации законодательства, А.С. Пиголкин подчеркивает о той особенности консолидации, которая заключается в том, что новый укрупненный акт не меняет содержание правового регулирования, не вносит изменения и новелл в действующее законодательство [Пиголкин, 2003, 41].

Такого мнения также придерживается А.Р. Нематов [Нематов, 2013, 107].

Ссылаясь на мнение Т.Н. Рахманиной, В.В. Ксенофонтов подчеркивает, что целью проведения консолидации законодательства это устранение множественности нормативных актов, их унификации и создание в структуре законодательства крупных однородных блоков в качестве промежуточного звена между текущим правотворчеством и кодификацией [Ксенофонтов, 2003, 120].

В предложениях Е.С. Луценко и И.А. Игнатьевой подведены итоги изучения мнений и точек зрения ученых о том, что консолидация законодательства есть самостоятельная форма систематизации законодательства, правовая природа которой имеет правотворческий характер.

Анализируя юридическую характеристику традиционных форм систематизации законодательства, Е.С. Луценко особо подчеркивает, что консолидация законодательства не следует рассматривать как разновидность инкорпорации законодательства, поскольку инкорпорация представляет собой объединение нормативных актов в хронологические, тематические сборники, в которых нормативные акты сохраняют самостоятельный характер, а при консолидации создается единый консолидированный акт. Далее автор, объясняет о том, что если инкорпорация законодательства является формой справочно-информационной деятельности, то консолидация законодательства является формой правотворчества [Луценко, 2013, 12-13].

Как указывает И.А. Игнатьева, в связи с тем, что при консолидации допускается некоторое редактирование текстов, объединяемых нормативных правовых актов: устраняются устаревшие нормы, противоречия и повторы, унифицируется терминология, текст излагается в едином стиле. По мнению автора, эти же действия наряду с признанием некоторых положений или нормативных правовых актов в целом утратившими силу свойственны инкорпорации законодательства, что дает основание противникам выделения консолидации как

самостоятельной формы систематизации считать ее лишь приемом, который может применяться при инкорпорации законодательства [Игнатьева, 2007].

Таким образом, целью проведения консолидации законодательства направлено для упорядочения законодательства страны. При помощи данной юридической деятельности ликвидируется множественность нормативных актов по одному предмету правового регулирования. Нормативные правовые акты, включенные в укрупненный акт, утрачивают юридическую силу, и тем самым, устраняются устаревшие нормы, противоречия и повторы, унифицируется терминология, текст излагается в едином стиле. Отсюда возникает такой вопрос: по своей юридической природе, является ли «консолидация законодательства» правотворческой деятельностью? Рассмотрим мнение некоторых авторов.

Исследуя теоретические и практические вопросы консолидации законодательства, А.С Пиголкин утверждает о том, что консолидация является своеобразным видом правотворчества. По мнению автора, при данной форме систематизации новый укрупненный акт не меняет содержание правового регулирования и тем самым не вносится изменения и дополнения в действующее законодательство [Орешкина, 2000, 41].

Такого мнения также придерживается И.И. Мозженко [Мозженко, 2009].

С позиции И.Б. Орешкиной, множественность нормативных актов преодолевается путем сведения их в один укрупненный акт, такой прием и следует определять, как консолидацию. По мнению исследователя, новый укрупненный акт полностью заменяет вошедшие в него нормативные акты, так как заново принимается компетентным правотворческим органом и имеет собственные официальные реквизиты: наименование, дату принятия, номер и подпись должностного лица. Таким образом, данная форма систематизации, т.е. консолидация законодательства, является разновидностью правотворческой деятельности государственных органов [Орешкина, 2000, 18].

О юридической природе консолидации законодательства особое мнение выдвинула Е.В. Карнаухова. Мы солидарны с ее позицией. По ее мнению, консолидация законодательства, относящаяся наряду с учетом и инкорпорацией к внешней систематизации, сочетает в себе черты не только систематизации законодательства, но и правотворчества, т.е. при данной деятельности подготавливается проект укрупненного акта, которая включает действующие нормы права, проходит стадии обсуждения, согласования и принятия правотворческим органом [Карнаухова, 2011, 18].

В теоретическом плане принятый акт при консолидации законодательства обязательно утверждается правотворческим органом. Таким образом, правотворческий орган, утверждая новый консолидированный акт, тем самим приостанавливает действие прежних нормативных правовых актов, которые включены в состав нового консолидированного акта. При данной форме систематизации содержание консолидированного акта не меняется, не вносятся изменения и дополнения.

В практическом плане, в истории права, такая форма систематизации законодательства как консолидация не всегда использовалась. Даже сегодня, в российской юридической практике данная форма систематизации не используется [Рассолов, 2020, 474]. Интересным является зарубежная практика консолидации в Великобритании, Франции и Европейского союза [Пиголкин, 2010, 43]. Так, в Великобритании издаются акты консолидации, которые объединяют нормативные правовые акты парламента, регулирующие однотипные общественные отношения. Во Франции кодексы считаются консолидированными актами. В этом плане также интерес вызывает опыт Европейского союза. В этих странах, разрозненные акты по одному предмету регулирования объединяются в один консолидированный акт. В

США, в кодексах в основном видят плод более или менее удачной консолидации, а не основу для выработки и развития нового права [Орешкина, 2000, 126]. Принятие консолидированного акта прослеживается и на практике советского государства. Примером служит Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1980, когда 48 актов о праздничных и знаменательных днях были консолидированы в единый акт или Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1990, когда также, 48 актов по служебной командировке были консолидированы в единый акт [Венгеров, 2009, 496; Сативалдыев, 2010, 495].

После провозглашения независимости Таджикистана и принятия Конституции были заложены устойчивые шаги в осуществлении сущности демократического государства. Государством были приняты качественно новые законы, которые обеспечили верховенство закона. Но в ряде принятых законодательных актах явно наблюдалось противоречие. Для устранения противоречий в законодательных актах и приведения их в соответствии требованиями времени был принят Закон Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах». Правотворческая деятельность в республике направлена на формирование нового права, которая должна регулировать общественные отношения. В данном направлении особое место занимает систематизации законодательства, которая осуществляется в целях ликвидации пробелов и противоречий в законах. В нашей республике данная юридическая деятельность является одним из приоритетных направлений правовой политики государства.

Осуществлению систематизации законодательства и повышению его авторитета должна способствовать Концепция прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан от 19 февраля 2011 г., № 1021. В данном документе определено, что приоритетными направлениями систематизации законодательства в Таджикистане являются кодификация и консолидация законодательства. Для решения целей систематизации законодательства определены следующие задачи:

-определить потребности общества и государства в нормативном правовом воздействии на развитие общественных отношений;

-проанализировать вопросы целесообразности объединения и укрупнения законодательных актов, регулирующих однородные правовые отношения;

-выявить отрасли права, в которых действующие правовые нормы рассредоточены и приняты меры по их кодификации либо консолидации.

Заключение

Таким образом, на основании данной Концепции, одним из приоритетных направлений систематизации законодательства в Республике Таджикистан является выявление отраслей права, в которых действующие правовые нормы рассредоточены и должны приниматься меры по их консолидации.

Практика консолидации законодательства в Таджикистане была применена при разработке проекта Закона Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах» в 2003 г. При разработке проекта указанного закона были консолидированы положения Закона Республики Таджикистан «О порядке опубликования нормативно-правовых актов». Тогда, после принятия Закона Республики Таджикистан от 8 декабря 2003 г. Закон Республики Таджикистан «О нормативно-правовых актах» от 1998 г. и Закон Республики Таджикистан «О порядке опубликования законов Республики Таджикистан» от 1999 г. утратили силу. Нужно особо подчеркнуть, что с принятием нового Закона Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах» от 26 марта 2009 г. практика консолидации законодательства была учтена.

Таким образом, правовые предписания, регулирующие порядок опубликования нормативных правовых актов, были помещены в содержании нового Закона.

Также возникает потребность в консолидации однородных законов в сфере информации, о коммерческих отношениях и т.д.

Таким образом, на сегодняшний день в нашей республике идет поиск эффективной правовой формы для консолидации законодательства при формирования правового поля Таджикистана.

Библиография

1. Азрилиян А.Н. (ред.) Новый юридический словарь. М.: Институт новой экономики, 2006. 1088 с.
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2009. 607 с.
3. Игнатьева И.А. Консолидация в экологическом законодательстве России: теоретические проблемы и перспективы применения // Журнал российского права. 2007. № 2. С. 105-113.
4. Карнаухова Е.В. Систематизация локальных нормативных правовых актов в Российской Федерации: общая характеристика и виды: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2011.21 с.
5. Кодан С.В. Акты систематизации законодательства: юридическая природа и место в системе источников российского права // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2008. Вып. 8. С. 385-401.
6. Ксенофонтов В.В. Систематизация российского законодательства: принципы и процедуры: дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. 167 с.
7. Кудешкина О.Б. Систематизация отечественного законодательства: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2002. 147 с.
8. Лехин И.В., Петров Ф.Н. Словарь иностранных слов. М., 1954. 583 с.
9. Луценко Е.С. Систематизация нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 23 с.
10. Мозженко И.И. Понятие и формы систематизации законодательства // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 4. С. 40-43.
11. Нематов А.Р. Законотворчество в Республике Таджикистан. Душанбе: Дониш, 2013. 152 с.
12. Нематов А.Р. Общетеоретические проблемы развития законодательства в Таджикистане // Общетеоретические проблемы государства и права в Таджикистане переходного периода. Душанбе: Дониш, 2015. С. 462-494.
13. Орешкина И.Б. Систематизация нормативно-правовых актов Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 124.
14. Пиголкин А.С. Российское законодательство и общие вопросы его систематизации // Систематизация законодательства в Российской Федерации. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 382 с.
15. Пиголкин А.С. и др. Теория государства и права. М.: Юрайт, 2010. 744 с.
16. Рассолов М.М. Теория государства и права. М.: Юрайт, 2010. 635 с.
17. Сативалдыев Р.Ш. Проблемы теории государства и права. Душанбе, 2010. Т. 2. 654 с.

About the question consolidation legislation: Theoretical and practical aspects

Gaybullo A. Shokirov

PhD in Law, Associate Professor,
Chief of Theory and history of state and law Department,
Tajik State University of Law, Business and Politics,
735700, 1, District 17, Khujand, Republic of Tajikistan;
e-mail: shga1959@mail.ru

Abstract

The legal nature of consolidation of the legislation is investigated in the article. Based on this analysis, the concept, feature, purpose, characteristics and tasks of consolidation of the legislation are defined. During the law-making activities in the legal system of the state, a significant number of normative legal acts accumulate, the prescription of which has a single subject of regulation. Naturally, this situation raises the problem of the multiplicity of legal acts and, of course, the task of systematization of legislation and its special form, consolidation is aimed at eliminating these repetitions of the norms of law. This legal activity ends with the adoption of a single consolidated act. The article also examines the practice of using legislation consolidation in law-making activities and, accordingly, the place of consolidation in Tajikistan's law-making activities. Consolidation of legislation relies on a certain, objectively existing, vast set of rules and procedures containing a certain number of methods. The methodological basis of the article was made by general scientific methods of research: dialectical, systemic, functional, logical; special methods: private-scientific methods: formal-logical (dogmatic), comparative-legal, historical and legal, integrated, systemic approach, etc. Investigating the consolidation of legislation, we also believe that it, along with accounting, incorporation and codification, is independent form of systematization of legislation.

For citation

Shokirov G.A. (2018) K voprosu o konsolidatsii zakonodatel'stva: teoreticheskii i prakticheskii aspekt [About the question consolidation legislation: Theoretical and practical aspects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(12A), pp. 47-55.

Keywords

Systematization of legislation, external systematization, normative legal acts, legislation researching, consolidation of the act, codification.

References

1. Azriliyan A.N. (ed.) (2006) *Novyi yuridicheskii slovar'* [New legal dictionary]. Moscow: Institute for New Economics.
2. Ignat'eva I.A. (2007) Konsolidatsiya v ekologicheskom zakonodatel'stve Rossii: teoreticheskie problemy i perspektivy primeneniya [Consolidation in the Environmental Legislation of Russia: Theoretical Problems and Prospects of Application]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2, pp. 105-113.
3. Karnaukhova E.V. (2011) *Sistematizatsiya lokal'nykh normativnykh pravovykh aktov v Rossiiskoi Federatsii. Doct. Dis.* [Systematization of local normative legal acts in the Russian Federation: general characteristics and types]. Tyumen.
4. Kodan S.V. (2008) Akty sistematizatsii zakonodatel'stva: yuridicheskaya priroda i mesto v sisteme istochnikov rossiiskogo prava [Acts of the systematization of legislation: the legal nature and place in the system of Russian law sources]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 8, pp. 385-401.
5. Ksenofontov V.V. (2003) *Sistematizatsiya rossiiskogo zakonodatel'stva: printsipy i protsedury. Doct. Dis.* [Systematization of Russian legislation: principles and procedures. Doct. Dis.]. Moscow.
6. Kudeshkina O.B. (2002) *Sistematizatsiya otechestvennogo zakonodatel'stva*. *Doct. Dis.* [Systematization of domestic legislation. Doct. Dis.]. Kazan.
7. Lekhin I.V., Petrov F.N. (1954) *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow.
8. Lutsenko E.S. (2013) *Sistematizatsiya normativnykh pravovykh aktov sub"ektov Rossiiskoi Federatsii. Doct. Dis.* [Systematization of normative legal acts of the subjects of the Russian Federation. Doct. Dis.]. Rostov-na-Donu.
9. Mozzhenko I.I. (2009) Ponyatie i formy sistematizatsii zakonodatel'stva [Concept and forms of systematization of legislation]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government], 4, pp. 40-43.

10. Nematov A.R. (2013) *Zakonotvorchestvo v Respublike Tadzhikistan* [Lawmaking in the Republic of Tajikistan]. Dushanbe: Donish Publ.
11. Nematov A.R. (2015) Obshcheteoreticheskie problemy razvitiya zakonodatel'stva v Tadzhikistane [General-theoretical problems of the development of legislation in Tajikistan]. In: *Obshcheteoreticheskie problemy gosudarstva i prava v Tadzhikistane perekhodnogo perioda* [General-theoretical problems of the state and law in Tajikistan of the transition period]. Dushanbe: Donish Publ.
12. Oreshkina I.B. (2000) *Sistematizatsiya normativno-pravovykh aktov Rossiiskoi Federatsii. Doct. Dis.* [Systematization of regulatory and legal acts of the Russian Federation. Doct. Dis.]. Saratov.
13. Pigolkin A.S. (2003) Rossiiskoe zakonodatel'stvo i obshchie voprosy ego sistematizatsii [Russian legislation and general issues of its systematization]. In: *Sistematizatsiya zakonodatel'stva v Rossiiskoi Federatsii* [Systematization of legislation in the Russian Federation]. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press Publ.
14. Pigolkin A.S. et al. (2010) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Yurait Publ.
15. Rassolov M.M. (2010) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Yurait Publ.
16. Sativaldyev R.Sh. (2010) *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the theory of state and law]. Dushanbe. Vol. 2.
17. Vengerov A.B. (2009) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Omega-L Publ.

УДК 340

О тенденциях и о возможности изменения социальных норм в государствах

Абрамов Сергей Геннадьевич

Кандидат юридических наук,
доцент Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 49;
e-mail: SGAbramov@fa.ru

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Аннотация

Статья посвящена тенденциям развития правоведения, а также целесообразности и возможности изменения социальных (правовых) норм в различных обществах. Проведено ретроспективное исследование социальных норм, права и экономических доктрин на различных исторических этапах развития общества. Анализируется состояние экономических подходов и правового регулирования общественных отношений в зарубежных государствах (системах права) и отечественном правопорядке, рассматриваются тенденции и возможные направления изменения доктрины и позитивного права. Общество описывается как развивающаяся система, состоящая из трех подсистем – экономического базиса, социально-политической сферы и культурно-духовной сферы. Выдвигается постулат о приоритете культурно-духовной составляющей при осуществлении реформирования общественных отношений. Социальные нормы, построенные на принципе справедливости, должны инкорпорироваться в позитивное законодательство и экономические теории. Выбор направления реформирования общества обусловлен имманентными категории «справедливость» элементами (законами-тенденциями). Автором предлагается на основе новых междисциплинарных подходов и методов попытаться изменить вектор развития права и государства.

Для цитирования в научных исследованиях

Абрамов С.Г. О тенденциях и о возможности изменения социальных норм в государствах // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 12А. С. 56-65.

Ключевые слова

Право, финансовое развитие, религия, новая этика, социальные нормы.

Введение

Актуальность исследования. Актуальность исследования определяется новыми теоретическими и опытными данными на рубеже XXI в. о Человеке и Обществе, которые получили ученые за последние десятилетия исследований, а также необходимостью ревизии и анализа сложившихся экономических, правовых концепций, телеологических воззрений, идей и применения их на этапе перехода от эры стабильности и холодной войны (ялтинско-потсдамская система мироустройства) к режимам локальных войн и конфликтов при одновременной экономической глобализации в международных отношениях [Global trends…, www].

Целями исследования являются описание возможности имплементации новых ценностных ориентиров в общественное устройство, описание возможных алгоритмов (моделей) социально-правового регулирования – частного и публичного, создание теоретических предпосылок для осуществления кодификации законодательства, Великой Духовной Революции[1] в долгосрочной перспективе как необходимого элемента при переходе к новому обществу, обеспечения сохранности идентичности народов, выживания человечества и прогресса мыслящей материи как высшего продукта всеобщего развития.

Возможность изменения социальных норм в государствах

Политические режимы различных государств формируют повестки развития исходя из наличия финансовых и материальных средств. Достижение поставленных при избирательных кампаниях целей возможно путем аккумулирования и перераспределения общественного продукта. Такие резервы предполагают осуществление с ними комплекса мероприятий по инвестированию и увеличению авуаров казны. В связи с этим возникают задачи финансового развития и – в более глобальном масштабе – стратегического развития государства.

В исследованиях зарубежных авторов (T. Beck, A. Demirguc-Kunt, R. Levine) в меры финансового развития включаются развитие финансового посредничества, справедливое рыночное развитие, развитие институтов защиты частной собственности [Beck, Demirguc-Kunt, Levine, 2003]. Вопросы развития частного кредита, рынка, прав на частную собственность подробно рассмотрены в указанной статье (см. также список литературы к ней). Эти вопросы являются в рамках нашего исследования частными случаями.

Предметом нашего междисциплинарного обзора и прогнозов будет более общий круг вопросов (например, финансовое развитие и религия, финансовое развитие и источники права (частного и публичного), финансовое развитие и этническая сегрегация (в обозначенных выше работах отмечается отрицательная корреляция между этнической сегрегацией и частным кредитом)). Автор попытается описать возможную модель стратегического развития общества (государства и права).

Предпосылкой и причиной финансовых и экономических кризисов являлось нестабильное состояние финансового сектора в индустриальную эпоху четвертого технологического цикла (понижение нормы прибыли, эффективности от капитальных вложений)[2]. Такие факты

[1] Термин ввел в научный дискурс академик РАН, профессор В.С. Степин.

[2] Необходимость проведения либерализации финансовых рынков и проведение экспансии на другие рынки осознали первыми в США. Данные шаги позволили изменить структуру ВВП и увеличить доходы. См. подробнее: Рубцов Б.Б. Эволюция институтов финансового рынка и развитие экономики. М.: ИМЭМО РАН, 2006; Столбов М.И. Финансовый рынок и экономический рост: контуры проблемы. М.: Научная книга, 2008.

заставили элиты национальных государств (National state), а также ТНК и ТНБ провести ряд мероприятий по изменению мироустройства и выходу в новую парадигму развития капитализма [Медоуз, Рандерс, Медоуз, 2007; Создание дискурса…, 1991; Яковлев, 1985]. Объективные обстоятельства (сокращение с 1949 по 1970 г. золотого запаса США с 21 800 до 9838,2 т)[3] привели к необходимости пересмотра Бреттон-Вудских соглашений и к внесению в эти соглашения в числе прочих следующих архиважных изменений:

- решения администрации США о временной приостановке конвертируемости доллара в золото;

- инициирования новых национально-освободительных революций, принятия положений о приоритете прав и основных свобод человека[4], права народов распоряжаться своей судьбой (при якобы формальной неизменности политических и территориальных границ), что, на наш взгляд, являлось скрытой попыткой перехода от либеральных (позитивно библейских) ценностей к правому радикализму[5];

- постепенного распространения и доминирования идей неолиберализма (неоконсерватизм, отрицающий реальные ценности либерализма), в том числе в финансовом секторе[6]. Финансовые активы предполагалось использовать и вкладывать на территориях бывших колоний, в которых прошли национально-освободительные революции (первой и последующих волн, включая современный мир)[7]. Целью этих мероприятий явилась попытка противодействия, на взгляд

[3] См. статистические данные за отчетный период на сайте: http://www.gold.org/government_affairs/gold_reserves/

[4] Раздел VII «Уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений»; Раздел VIII «Равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой»; Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г.

[5] См. также предложения Президента Франции Ф. Олланда об изменении частного законодательства по вопросам регистрации семейных правоотношений (ребенка и родителей) в 2012 г. Cui prodest?

[6] См. данные об изменении структуры ВВП ведущих капиталистических стран. Сравнить также можно капитализацию крупнейших ТНК, ТНБ с ВВП большинства стран. Выигрыш в абсолютных показателях будет в пользу промышленности, бизнеса и финансов. Именно они начинают таким образом формировать внутреннюю и внешнюю политику государств, групп государств, и появляется Market State. National State пока сохраняет за собой право на разработку и принятие позитивного законодательства, на надзорные и контрольные функции, но и эти правомочия в некоторых подотраслях частного права сокращаются. Наступление может закончиться (первая стадия проекта – создание наднациональных органов власти и управления) полной перестройкой социальной организации территории по типу корпорации и ликвидацией неприбыльных подразделений. Но, на наш взгляд, по своему базису и надстройке эта формация не будет социализмом как переходной фазой к коммунизму, где и должно происходить автоматическое отмирание государства. В параметрах порядка заложены такие элементы, которые ведут к неофеодализму. См. также: Рогов С.М. Функции современного государства: Россия и мировой опыт. Научный доклад. М.: Институт США и Канады РАН, 2005. Официальная статистика: http://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/2012/full_list/index.html; http://www.gfmag.com/tools/best-banks/11986-worlds-50-biggest-banks-2012.html#axzz2Er262IWC; http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD. См. также: Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 ведущих стран мира. Доклад-2008 к обсуждению. М.: Международная академия исследований будущего, 2008.

[7] О послевоенной политике и дипломатии в Европе см.: Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства: политические воспоминания. М.: Республика: Современник, 1999; Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. О современных противоречиях в мировой системе см. речь Президента США Б. Обамы в Каирском Университете в 2009 г. См. также: доклад Национального разведывательного совета США «Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир». В нем отмечается, что «… к 2025 году международное сообщество будет состоять из многих субъектов, помимо национальных государств, и будет нуждаться во всеобъемлющем подходе к глобальному управлению. “Система” станет многополярной, состоящей из многочисленных кластеров как государственных, так и негосударственных субъектов». Данная конструкция обусловлена вышеизложенными факторами и будет, на наш взгляд, искусственно создаваться для устранения национального суверенитета (в том числе через размывание, изменение содержания тезиса о праве наций на самоопределение).

автора, закону Gesetz vom tendenziellen Fall der Profitrate (тенденция нормы прибыли к понижению), а, следовательно, и накоплению в дальнейшем излишков активов (прибыли) у гигантских монополий и долгов у публично-правовых образований, понижению доходности домашних хозяйств в развитых странах [Корнилов, Шишкин, 1986; Маркс, 1984, т. 9; Smith, www]. Некоторые важные аспекты причин торможения в развитии мира подробно исследованы в работе американского экономиста и кандидата на президентских выборах в США Л. Ларуша «Физическая экономика» [Ларуш, 1997].

Отметим, что данные конструкции могут быть использованы в борьбе с традиционными субъектами международных отношений – нациями-государствами. Более того, необходимо указать, что такое устройство породило и явление posmodernity, которое возвращает человека в категорию «общественное животное» [Абрамов, www; Аронсон, 1999].

Рассматривая эти тенденции, следует подчеркнуть, что они могут привести к коренным изменениям в обществе. Так, мы предполагаем, что после эпохи борьбы за право- и дееспособность для всех индивидуумов в Новое время (история развития политических и правовых учений – теория естественных прав человека и др.) [Гоббс, 1989-1991; Гроций, 1994; Локк, 1988, т. 3; Монтескье, 1955; Руссо, 1998; Юм, 1996], эпохи борьбы за экономическое доминирование, развитие и благосостояние (ретроспективный анализ содержания международных отношений – становление системы государств и др.) [Богатуров, 2000-2004, т. 1-4; Ивонин, 1989; Протопопов, Козьменко, Елманова, 2006; Ревякин, 2004; Тарле, 2001; Цыганков, 2003], проблем международных экономических отношений (классическая, марксистская политическая экономия и последующие теории) [Шумпетер, 2004; Шумпетер, 2011], изменений в доктринах и кодификациях позитивного права[8] империалистические круги развитых стран хотели бы предложить новую парадигму в мировоззрении и устройстве

[8] См. эволюцию концепций доктрины и сравнительно-правовой анализ различных систем права, определявших направления развития законодательства: Цитович П.П. Лекции по торговому праву. Вып. 1: Введение. Исторический очерк развития торгового права. Теория торговых действий. 1873; Вып. 2: Торговец в одиночку. Торговый персонал, торговые книги. Торговые товарищества. 1875; Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. М.: Зерцало, 2008; Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 2009; Тункин Г.И. Теория международного права. М.: Зерцало, 2009; Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. М.: Волтерс Клувер, 2010; Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в образах права: в 2 т. М.: Статут, 2010. См. также differentia specifica quid sit принципов в позитивном праве буржуазных и социалистических государств: Коток В.Ф., Фарберов Н.П. (ред.) Конституционное право социалистических стран. М.: АН СССР, 1963; Авакьян С.А. (сост.) Сборник нормативных актов по советскому государственному праву. М.: Юридическая литература, 1984; Михалева Н.А. (сост.) Конституционное право России: в 2 т. М.: Юрист, 2001; Маклаков В.В. (сост.) Конституции зарубежных государств. М.: Волтерс Клувер, 2009; Беляева З.С. и др. (сост.) Законодательство о правах женщин в СССР. Сборник нормативных актов. М.: Юридическая литература, 1975; Голубева Н.Е. (сост.) Народное образование в СССР. Сборник нормативных актов. М.: Юридическая литература, 1987; Кулагин М.И., Пучинский В.К. (ред.) Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран. Сборник нормативных актов: гражданские и торговые кодексы. М.: Издательство УДН, 1986; Законы гражданские // Гаугер А.К. (ред.) Свод законов Российской Империи со включением позднейших узаконений и разъяснении по решениям Общего Собрания и Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената с 1866 по 1914 год включительно. Петроград, 1915; Гражданский кодекс РСФСР 1922 года // Гражданский кодекс РСФСР с постатейно-систематизированными материалами. М., 1925; Гражданский кодекс РСФСР: утвержден Законом РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406. Анализ перечисленных выше материалов убедительно свидетельствует о том, что наблюдалась тенденция к совершенно разному миропониманию и мировоззрению на процесс Развития общества.

общества в глобальных масштабах[9]. Проводя упреждающие мероприятия, инициируя собственные идеи Прогресса, публично-правовое образование или группа стран, имея общий культурно-духовный базис и экономическую инфраструктуру (СНГ, Евразийский Союз, ЕС) могла бы перехватить инициативу в проектном построении будущих обществ, в которых нашлось бы место для всего населения. Таким направлением, на наш взгляд, могла бы стать эпоха Нового Человека и Общества. К базовым элементам – субъективным гражданским правам, наличию собственности – мы могли бы добавить новый элемент – Новую этику жизни[10]. Эта комбинация элементов могла бы запустить виток новых свершений – эпоху сверхмодерна.

Ретроспективный анализ экономических доктрин и позитивного законодательства различных государств, прошедших через реформы последних десятилетий, позволяет прийти к заключению о том, что при таких трансформациях в повестку политических документов не ставился вопрос об изменении экономического базиса и формации (например, вопросы о введении нового ассоциированного способа производства). К 2008 г. система глобального империализма, полностью развившись на всех континентах и выполнив свою историческую миссию (фазу развития по политэкономии К. Маркса) по поддержанию высокого темпа научно-технического прогресса, предоставляет мировому прогрессивному сообществу возможность сконструировать Новое Общество следующей экономической формации (или вернуться к региональным рынкам и технологическим зонам) [Маркс, 1984, т. 9; Тоффлер, 2010]. «Лишь тогда, когда “низы” не хотят старого и когда “верхи” не могут по-старому, лишь тогда» [Ленин, 1974, т. 41, 69] появляется возможность для коренных социальных изменений в обществе и в личности.

В статье проф. В.С. Степина «Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения» [Степин, 2009] проводится обстоятельный анализ известных концепций социальной действительности. Ученый исследовал монографическое наследие К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Н. Лумана. Академик РАН В.С. Степин пришел к выводу о том, что, несмотря на использование различных подходов и концепций, несмотря на различия в частностях, в анализируемых работах общество описывалось как развивающаяся система. «Базу такой сложной системы составляли три сферы – экономический базис, социально-политическая сфера и культурно-духовная сфера. В свою очередь, каждая из них предстает как особый саморазвивающийся объект (система), существующий благодаря взаимодействию с другими социальными подсистемами. Выделяя основные подсистемы социального целого, наука конкретизирует и представляет их в качестве особого предмета – онтологий экономических дисциплин, социологии и политологии, гуманитарных наук о человеке и культуре» [Там же, 273].

Можно полагать, что вопросы распространения новых культурно-этических подходов на основе идеи справедливости имеют основополагающее значение на данном этапе фазового

[9] Выполнение данных задач должно привести к приближению стратегической цели, описанной в драме Ф. Шиллера «Дон Карлос, инфант испанский» и выраженной в следующем высказывании *персонажа Короля, который спрашивает* у Великого инквизитора: «*Кому* же *Я все оставлю*?» Последний *отвечает*: «Лучше *тленью*, чем Свободе».

[10] Частные примеры в юриспруденции – развитие за последние столетия гражданского, трудового, конкурентного, антикоррупционного законодательства и т. п. Такой перестройке могла бы подвергнуться вся система права. Вопрос о реформировании системы общего права в этой работе не рассматривается.

перехода[11] (тезис о роли и силе идеи: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами») [Маркс, 1984, т. 1, 8]. Этот подход не противоречит доктрине К. Маркса об экономическом базисе (способ производства материальной жизни) и политико-правовой надстройке (куда входит и культура, и духовность – форма общественного сознания)[12]. Вопросы способа производства также должны быть пересмотрены и теоретически разрешены в новых исторических условиях, в том числе и с помощью Новой этики. И данное направление исследования в современных общественных условиях обладает актуальностью.

Заключение

Автором проанализированы сложившиеся общественные отношения, выявлены их проблемы и противоречия. В связи с этим предлагается наметить алгоритмы дальнейших направлений исследований (экономических, социологических, телеологических, правовых):

- создание новых государственных (публично-правовых) образований и сред общества, определение роли в них человека Новой формации (человека с Новой этикой) (социологические и телеологические исследования);

- выявление соотношения влияния на среды и пространство противоборствующих групп (национальные государства vs ТНК и ТНБ; National State vs Market State),

- определение целеполагания в этих процессах для придания стабильности режимам и системе международных отношений. В этих целях необходимы экономические и правовые исследования;

- поиск новой онтологии, переход к новым социальным конструкциям, что осуществляется в настоящее время, приводят к обострению идеологической и социальной конкуренции (встает вопрос о Новой Этике). Необходимо проанализировать в новых условиях роль в этих процессах различных социальных групп[13], что может быть предметом таких дисциплин, как социология и правоведение;

- анализ проблем, возникающих при глобальном миграционном движении населения и

[11] Мы полагаем, что духовная жизнь первична по отношению к экономике. Обоснование такой позиции можно найти в трудах М. Вебера, В. Зомбарта. См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990; Зомбарт В. Собрание сочинений: в 3 т. СПб.: Владимир Даль, 2005.

[12] Развивая мысль, можно предположить, что вопросы Новой Этики создадут новые принципы будущей экономической деятельности.

[13] О причинах и направленности процессов см.: Фроянов И.Я. Драма русской истории: на путях к Опричнине. М.: Парад, 2007. С. 5 и посл. («…Исторические корни Опричнины уходят во времена правления Ивана III, когда Запад развязал идеологическую войну против России, забросив на русскую почву семена опаснейшей ереси, подрывающей основы православной веры, апостольской церкви и, стало быть, зарождающегося самодержавия... Опричные полки сыграли заметную роль в отражении набегов Девлет-Гирея в 1571 и 1572 годах… С помощью опричников были раскрыты и обезврежены заговоры в Новгороде и Пскове, ставившие своей целью отложение от Московии под власть Литвы… Московское государство окончательно и бесповоротно встало на путь служения, очищенная и обновленная Опричниной…»); Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1944. С. 58. («Учреждение опричнины было в первую очередь крупнейшей военно-административной реформой, вызванной нарастающими трудностями великой войны за доступ к Балтийскому морю, за открытие сношений с Западной Европой»); Коротков И.А. Иван Грозный. Военная деятельность. М.: Воениздат, 1952. С. 25. («…этапом в борьбе за укрепление централизованного государства и представляло собой борьбу центральной власти, опиравшейся на служилое дворянство, против феодальной аристократии и удельных пережитков»).

требующих создания в пространстве Новой этики в целях устранения межкультурных противоречий (телеология, экономические, социологические, правовые исследования).

Выбор данного направления реформирования общества обусловлен имманентными категории «справедливость» элементами (законами-тенденциями)[14]:

1) логикой диалектического материализма и законами развития биологических и социальных организмов;

2) выявленными и математически доказанными биологическими законами развития материи (класс позвоночных животных – Mammalia и Theria);

3) математически доказанными теориями будущего социально-экономического развития[15].

Библиография

1. Абрамов С.Г. Конструирование нового мирового порядка (к вопросу о создании Евразийского союза). URL: http://www.mgimo.ru/news/experts/document216764.phtml
2. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. М.: Аспект Пресс, 1999. 517 с.
3. Богатуров А.Д. (ред.) Системная история международных отношений, 1918-2003. М.: Московский рабочий, 2000. Т. I-II.
4. Богатуров А.Д. (ред.) Системная история международных отношений, 1918-2003. М.: НОФМО, 2003-2004. Т. III-IV.
5. Гоббс Т. Собрание сочинений: в 2 т. М.: Мысль, 1989-1991.
6. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
7. Ивонин Ю.Е. Становление европейской системы государств. Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох. Минск: Университетское, 1989. 197 с.
8. Корнилов Ю.Э., Шишкин Г.А. Кто правит Америкой? М.: Политиздат, 1986. 340 с.
9. Ларуш Л. Физическая экономика. М.: Научная книга, 1997. 128 с.
10. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полное собрание сочинений. М.: Политическая литература, 1974. Т. 41.
11. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. 668 с.
12. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 10 т. М.:

[14] Законы-тенденции – статистические законы, действующие в природе и обществе, которые явственно проявляют себя только при определенных обстоятельствах и в течение продолжительных периодов времени (К. Маркс). Это законы вероятностно-статистических процессов, происходящих в больших системах. Каждый из таких процессов имеет свои критические пороговые параметры размеров массы охватываемых событий и интервала времени, при которых действие таких законов доступно выявлению. Для допороговых масс событий и интервалов времени З.-т. «существует, не существуя», его действие неуловимо. С научно-методологической точки зрения важнейшим свойством статистических процессов в больших системах, подчиняющихся З.-т., является возможность определения тренда, т. е. длительной («вековой») тенденции изменения показателей, что позволяет строить динамические модели подобных процессов через тренды их основных показателей. В простейших случаях («Марковские процессы») распределение величин в тренде зависит только от начальных условий (свойство отсутствия последействия). В случае отсутствия у процесса этого свойства предвычисление тренда требует, помимо знания начальных условий наличия базиса, знания распределения исследуемой величины в предшествующий, достаточно длительный промежуток времени. Процессы, подчиняющиеся действиям З.-т., могут иметь побочные результаты, способные накапливаться и, при достижении некой меры, кардинально изменять условия протекания исследуемого процесса и изменять характер тренда. В своей объяснительной функции З.-т. выступают как объяснения с помощью охватывающих законов (К. Гемпель). Связь между экспланандумом и З.-т. имеет индуктивный характер. См.: Иванов С.Г. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+; Реабилитация, 2009.

[15] См. доклад «Управление мировой и национальными экономическими системами – небезопасно при любых ситуациях», подготовленный Центром компьютерного моделирования и экспертного анализа ИПМ РАН; доклад проф. Д.С. Чернавского «О посткризисном мире» на IX Глобальном стратегическом форуме «Глобальный ландшафт: стратегии после кризиса» (7-9 декабря 2012 г.).

Издательство политической литературы, 1984. Т. 1.
13. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 10 т. М.: Издательство политической литературы, 1984. Т. 9.
14. Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя. М.: Академкнига, 2007. 342 с.
15. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М.: Гослитиздат, 1955. 803 с.
16. Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России (1648-2005). М.: Аспект Пресс, 2006. 399 с.
17. Ревякин А.В. История международных отношений в Новое время. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 262 с.
18. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс: Кучково поле, 1998. 414 с.
19. Создание дискурса с помощью докладов Римского клуба и учреждение Трехсторонней комиссии // Пределы роста: доклад по проекту Римского клуба «Сложное положение человечества». М.: Издательство МГУ, 1991.
20. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Міръ, 2009. С. 249-295.
21. Тарле Е.В. Политика: история территориальных захватов. XV-XX века. Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 799 с.
22. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.
23. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. 590 с.
24. Шумпетер Й. Десять великих экономистов. От Маркса до Кейнса. М.: Издательство Института Гайдара, 2011. 416 с.
25. Шумпетер Й. История экономического анализа: в 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2004.
26. Юм Д. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1996.
27. Яковлев А.Н. От Трумэна до Рейгана. Доктрины и реальности ядерного века. М.: Молодая гвардия, 1985. 418 с.
28. Beck T., Demirguc-Kunt A., Levine R. Law, endowments, and finance // Journal of financial economics. 2003. Vol. 70. No. 2. P. 137-181.
29. Global trends: paradox of progress. A publication of the National Intelligence Council. URL: www.dni.gov/nic/globaltrends
30. Smith M.E.G. Causes and consequences of the global economic crisis: a Marxist-socialist analysis. URL: http://www.bolshevik.org/economics/2008-11-25_EconomicCrisis.pdf

On trends and possible changes in social norms in states

Sergei G. Abramov

PhD in Law,
Associate Professor at the Financial University under
the Government of the Russian Federation,
125993, 49 Leningradsky av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: SGAbramov@fa.ru

Abstract

The article is devoted to trends in the development of law and deals with the feasibility and possibility of changing social (legal) norms in different societies. It carries out a retrospective study of social norms, law and economic doctrines at different historical stages of the development of society. The author of the article aims to analyse the state of economic approaches and the features of the legal regulation of public relations in foreign states (legal systems) and the domestic rule of law, to describe the trends and possible directions in the changes in the doctrine and positive law. Society is viewed as a developing system that consists of three subsystems – the economic basis, the socio-political sphere and the cultural and spiritual sphere. The article puts forward the postulate of

the priority of the cultural and spiritual component in the implementation of reforming social relations. The author thinks that social norms, based on the principle of justice, should be incorporated into positive legislation and economic theory. The choice of the way of reforming society is caused by the elements that are immanent to the category "justice". The author points out that we should try to change the vector of the development of law and state on the basis of new interdisciplinary approaches and techniques.

For citation

Abramov S.G. (2017) O tendentsiyakh i o vozmozhnosti izmeneniya sotsial'nykh norm v gosudarstvakh [On trends and possible changes in social norms in states]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(12A), pp. 56-65.

Keywords

Law, financial development, religion, new ethics, social norms.

References

1. Abramov S.G. *Konstruirovanie novogo mirovogo poryadka (k voprosu o sozdanii Evraziiskogo soyuza)* [Constructing a new world order (on the creation of the Eurasian Union)]. Available at: http://www.mgimo.ru/news/experts/document216764.phtml [Accessed 22/11/17].
2. Aronson E. (1972) *The social animal*. W.H. Freeman & Co Ltd. (Russ. ed.: Aronson E. (1999) *Obshchestvennoe zhivotnoe. Vvedenie v sotsial'nuyu psikhologiyu*. Moscow: Aspekt Press Publ.)
3. Beck T., Demirguc-Kunt A., Levine R. (2003) Law, endowments, and finance. *Journal of financial economics*, 70 (2), pp. 137-181.
4. Bogaturov A.D. (ed.) (2000) *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii, 1918-2003* [Systemic history of international relations, 1918-2003], Vol. 1-2. Moscow: Moskovskii rabochii Publ.
5. Bogaturov A.D. (ed.) (2003-2004) *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii, 1918-2003* [Systemic history of international relations, 1918-2003], Vol. 3-4. Moscow: NOFMO Publ.
6. *Global trends: paradox of progress. A publication of the National Intelligence Council*. Available at: www.dni.gov/nic/globaltrends [Accessed 22/11/17].
7. Grotius H. (1625) *De jure belli ac pacis*. Paris. (Russ. ed.: Grotius H. (1994) *O prave voiny i mira*. Moscow: Ladomir Publ.)
8. Hobbes T. (1989-1991) *Sobranie sochinenii: v 2 t.* [Collected works: in 2 vols.]. Moscow: Mysl' Publ.
9. Hume D. (1996) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Moscow: Mysl' Publ.
10. Ivonin Yu.E. (1989) *Stanovlenie evropeiskoi sistemy gosudarstv. Angliya i Gabsburgi na rubezhe dvukh epokh* [The formation of the European system of states. England and the Habsburgs on the cusp between two epochs]. Minsk: Universitetskoe Publ.
11. Kornilov Yu.E., Shishkin G.A. (1986) *Kto pravit Amerikoi?* [Who rules America?] Moscow: Politizdat Publ.
12. LaRouche L. (1994) *The science of physical economy as the Platonic epistemological basis for all branches of human knowledge*. (Russ. ed.: LaRouche L. (1997) *Fizicheskaya ekonomika*. Moscow: Nauchnaya kniga Publ.)
13. Lenin V.I. (1974) Detskaya bolezn' "levizny" v kommunizme ["Left-wing" communism: an infantile disorder]. In: *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works], Vol. 41. Moscow: Politicheskaya literatura Publ.
14. Locke J. (1988) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols.], Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ.
15. Marx K. (1962-1964) *Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie*. (Russ. ed.: Marx K. (1984) Kapital. In: Marx K., Engels F. *Izbrannye proizvedeniya: v 10 t.* [Selected works: in 10 vols.], Vol. 9. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury.)
16. Marx K. (1844) *Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie*. (Russ. ed.: Marx K. (1984) K kritike gegelevskoi filosofii prava. In: Marx K., Engels F. *Izbrannye proizvedeniya: v 10 t.* [Selected works: in 10 vols.], Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury.)
17. Meadows D., Randers J., Meadows D. (2004) *Limits to growth. The 30-year update*. Chelsea Green Publishing. (Russ. ed.: Meadows D., Randers J., Meadows D. (2007) *Predely rosta. 30 let spustya*. Moscow: Akademkniga Publ.)

18. Montesquieu C.L. (1955) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Goslitizdat Publ.
19. Protopopov A.S., Koz'menko V.M., Elmanova N.S. (2006) *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii i vneshnei politiki Rossii (1648-2005)* [History of international relations and foreign policy in Russia (1648-2005)]. Moscow: Aspekt Press Publ.
20. Revyakin A.V. (2004) *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii v Novoe vremya* [History of international relations during the Early Modern period]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ.
21. Rousseau J.-J. (1762) *Du contrat social ou Principes du droit politique*. (Russ. ed.: Rousseau J.-J. (1998) *Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty*. Moscow: KANON-press: Kuchkovo pole Publ.)
22. Schumpeter J. (1954). *History of economic analysis*. London: Allen & Unwin. (Russ. ed.: Schumpeter J. (2004) *Istoriya ekonomicheskogo analiza: v 3 t.* St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola Publ.)
23. Schumpeter J. (1951) *Ten great economists: from Marx to Keynes*. Oxford: Oxford University Press. (Russ. ed.: Schumpeter J. (2011) *Desyat' velikikh ekonomistov. Ot Marksa do Keinsa*. Moscow: Gaidar Institute.)
24. Smith M.E.G. *Causes and consequences of the global economic crisis: a Marxist-socialist analysis*. Available at: http://www.bolshevik.org/economics/2008-11-25_EconomicCrisis.pdf [Accessed 22/11/17].
25. Sozdanie diskursa s pomoshch'yu dokladov Rimskogo kluba i uchrezhdenie Trekhstoronnei komissii [The creation of discourse through reports for the Club of Rome and establishing the Trilateral Commission] (1991). In: *Predely rosta: doklad po proektu Rimskogo kluba "Slozhnoe polozhenie chelovechestva"* [Limits to growth: a report for the Club of Rome's project on the predicament of mankind]. Moscow: Moscow State University.
26. Stepin V.S. (2009) Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya [Classical, nonclassical, postnonclassical science: criteria of discernment]. In: *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [Postnonclassical science: philosophy, science, culture]. St. Petersburg: Mir" Publ., pp. 249-295.
27. Tarle E.V. (2001) *Politika: istoriya territorial'nykh zakhvatov. XV-XX veka. Sochineniya* [Politics: history of territorial conquests. The 15th – 20th centuries. Works]. Moscow: EKSMO-Press Publ.
28. Toffler A. (1980) *The third wave*. Bantam Books. (Russ. ed.: Toffler A. (2010) *Tret'ya volna*. Moscow: AST Publ.)
29. Tsygankov P.A. (2003) *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii* [Theory of international relations]. Moscow: Gardariki Publ.
30. Yakovlev A.N. (1985) *Ot Trumena do Reigana. Doktriny i real'nosti yadernogo veka* [From Truman to Reagan. The doctrines and realities of the nuclear age]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.

УДК 34

К вопросу об определении перечня угроз общественной безопасности

Басова Юлия Юрьевна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора
в гражданском, арбитражном и административном процессе
Крымский юридический институт (филиал),
Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
295011, Российская Федерация, Симферополь, ул. Гоголя, 9;
e-mail: Yulia_Basova@mail.ru

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Аннотация

В статье осуществлен анализ научной и справочной литературы относительно определения перечня угроз общественной безопасности. Проанализированы различные подходы к пониманию формирования перечня угроз обеспечению общественной безопасности. Установлено, что угрозы общественной безопасности — это совокупность условий и факторов, создающих реальную или потенциальную угрозу для реализации жизненно важных интересов личности, общества, государства в политической, экономической, социальной, техногенной, экологической сферах. Кроме того, выделены следующие группы угроз общественной безопасности: в политической сфере, в экономической сфере, в социальной сфере, в техногенной сфере, в экологической сфере. В статье выделены основные приоритеты обеспечения общественной безопасности в чрезвычайных ситуациях. Сущность изложенного в данном научном исследовании дает основания утверждать, что развитие человечества представляет собой сложный процесс и в определенные периоды его жизнедеятельности возникают определенные противоречия между природой и обществом. Это в свою очередь приводит к возникновению определенного вида ситуаций, то есть возникновения ЧС техногенного, природного, социально-политического характера. Можно определить угрозы общественной безопасности как совокупность условий и факторов, создающих реальную или потенциальную угрозу для реализации жизненно важных интересов личности, общества, государства в политической, экономической, социальной, техногенной, экологической сферах.

Для цитирования в научных исследованиях

Басова Ю.Ю. К вопросу об определении перечня угроз общественной безопасности // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 12А. С. 66-72.

Ключевые слова

Понятие, признаки, чрезвычайные ситуации, общественная безопасность, ограничительные меры, угроза.

Введение

Военная, социально-политическая и экономическая обстановка в мире характеризуется динамичностью и нестабильностью событий и процессов. Внешнеполитические события в отдельных странах свидетельствуют, что в современных условиях одними из важнейших для государства являются задачи по сохранению стабильности конституционного строя, территориальной целостности, институтов государственной власти, обеспечения общественной безопасности и правопорядка, гражданского мира и национального согласия, нейтрализации причин и условий, способствующих возникновению экстремизма и терроризма, социальных, межэтнических и религиозных конфликтов.

Социально-политическая ситуация, сложившаяся в нашем государстве, начиная с 1992 года, характеризуется комплексом сложных, часто противоречивых процессов, тенденций и явлений, среди которых сложное финансово-экономическое положение на рынке товаров и услуг, задержка с выплатой заработной платы в бюджетной сфере, проблемы в сфере обеспечения правопорядка, борьбы с преступностью и т.д. Кроме того, постоянный рост количества чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС) различного рода (возникновение внутренних вооруженных конфликтов в различных регионах государства (Чечне, Дагестане), совершение террористических актов и захват заложников (Якутске, Владимире, Ростове-на-Дону, Буденновске, Кизляре, Москве), наводнения, лесные пожары, техногенные аварии (Нефтегорск, Москва, Самара, Санкт-Петербург, Уфа, Чернобыль) также усложняли как политическую, экономическую, криминогенную, так и социальную обстановку. Сущность изложенного дает основания утверждать, что важную роль для практической деятельности субъектов обеспечения общественной безопасности играет определение классификации угроз общественной безопасности, которая по нашему мнению, позволит во-первых, более детально изучить данные угрозы, во-вторых, понимать их содержание, и в-третьих, улучшить реализацию мер (организационного, финансового, кадрового, материально-технического характера и т.п.) в сфере ликвидации их негативных последствий [Басова, 2016].

Научные подходы к пониманию «угроз общественной безопасности»

Следует отметить, что общетеоретические вопросы деятельности органов государственной власти в сфере обеспечения общественной безопасности в ЧС в своих трудах исследовали А.Б. Агапов, А.В. Басов, Д.Н. Бахрах, А.В. Грязнов, В.Б. Рушайло, С.Д. Хазанов и другие. Однако вопросы, касающиеся характеристики угроз общественной безопасности специально не изучались. В существующих научных работах указанные вопросы рассматривались фрагментарно или в рамках широкой административно-правовой проблематики, без комплексного подхода, что обусловливает необходимость научного анализа данного вопроса.

Угрозы для общественной безопасности очень разнообразны и возникают почти во всех сферах жизнедеятельности общества. Однако заметим, что одним из дискуссионных вопросов в юридической науке является формирование полного перечня угроз общественной безопасности [Басова, 2017]. Размышляя над данной проблематикой, поставим такой вопрос, возможно ли создать такой перечень угроз? Отметим, что Д.Н. Бахрах, С.Д. Хазанов еще в 1992 году задавали аналогичный вопрос только в отношении формирования перечня оснований введения чрезвычайного положения [Бахрак, Хазанов, 1992, 14]. А.В. Басов продолжая исследования указанных ученых также анализыровал основания введения чрезвычайного положения [Басов, 2006, 83-89].

Отметим, что в международной практике нет единого подхода относительно перечня явлений, создающих угрозу обеспечению безопасности государства, в частности общественной безопасности. Ученые и практики постоянно ведут спор относительно разработки перечня данных угроз. Одна группа ученых указывает на необходимость разработать и утвердить расширенный перечень обстоятельств и обойтись общими формулировками, такими как: нарушение нормальной деятельности органов государственной власти, необходимость восстановления конституционного правопорядка, массовый переход государственной границы с территорий сопредельных стран, совершение массовых террористических актов, повлекших значительной гибели людей, возникновения угрожающих явлений техногенного или природного характера и т.д.

Вторая группа ученых обосновывают необходимость разработки и закрепления исчерпывающего перечня угроз. Сторонники указанной позиции указывают, что закрепление такого перечня обстоятельств позволит ограничить возможность использования должностным лицом административного усмотрения, не допустит свободного толкования норм закона, которые определяют основания введения чрезвычайных административно-правовых режимов, для оправдания введения последних.

В то же время, «закрытый» или «исчерпывающий» перечень всегда рискует поставить правоприменителей в трудную ситуацию. Так, например, может возникнуть ЧС, а обстоятельства, которые обусловили ее возникновение, не перечисленные в законодательстве. В связи с этим, В.Б. Рушайло указывает, что выход из такой ситуации только один – внесение изменений в законодательство [Рушайло, 2000, 60; Басов, 2006, 83-89].

Можно согласиться и со сторонниками исключительного (исчерпывающего) перечня обстоятельств. При подготовке законодательства по вопросам обеспечения общественной безопасности законодатель должен был проанализировать историю обеспечения общественной безопасности, зарубежный опыт применения соответствующих ограничительных мер по обеспечению общественной безопасности и на основании полученной информации предусмотреть все возможные ситуации, которые могут создать реальную или потенциальную угрозу для ее обеспечения. Так, например, законодатель предусмотрел закрытый перечень обстоятельств, отягчающих ответственность в Уголовном кодексе Российской Федерации и Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях. Почему бы по такому же принципу не предусмотреть все угрозы для общественной безопасности?

Между тем мы считаем, что следует поддержать позицию тех ученых, которые обосновывают необходимость создания открытого перечня угроз. По нашему мнению, перечень угроз общественной безопасности должен иметь рекомендательный характер. Законодатель может перечислить наиболее характерные общественные явления и обстоятельства, и ЧС. А для предотвращения свободного толкования норм закона и недопущения применения административного усмотрения и злоупотреблений со стороны органов государственной власти или должностных лиц следует осуществить официальное толкование норм закона.

Содержание угроз общественной безопасности

Анализ научной литературы [Рушайло, 1998; Давитадзе, 2000], правоприменительной деятельности в сфере обеспечения общественной безопасности и действующего законодательства, позволяет выделить следующие группы угроз общественной безопасности.

Во-первых, угрозы общественной безопасности в политической сфере: недостатки в работе органов государственной власти по вопросам реализации государственной политики в

различных сферах жизнедеятельности государства и общества; рост уровня коррупции среди должностных лиц органов государственного управления, в частности правоохранительных органов; неспособность правоохранительных органов эффективно обеспечить реализацию мер по охране общественного порядка, борьбы с преступностью, незаконное ограничение прав и свобод человека и гражданина; неспособность отдельных ее звеньев к оперативному реагированию на угрозы общественной безопасности; незаконная деятельность общественных организаций (в том числе и религиозных организаций) и др.

Во-вторых, угрозы общественной безопасности в экономической сфере: ослабление системы государственного регулирования и контроля в сфере экономики; несбалансированная экономическая политика, следствием которой является снижение социальных стандартов жизни населения; нестабильность в правовом регулировании отношений в сфере экономики, что приводит к увеличению масштабов криминализации экономики; критическое состояние основных производственных фондов в ведущих отраслях промышленности, агропромышленном комплексе, системах жизнеобеспечения населения, что приводит к увеличению расходов на содержание данных объектов за счет населения; неэффективность антимонопольной политики в сфере обеспечения населения товарами первой необходимости, контроля за его качеством и др.

В-третьих, угрозы общественной безопасности в социальной сфере: нарушение законных прав и интересов личности во всех сферах жизнедеятельности, неспособность государства обеспечить их надежную и эффективную реализацию и защиту; низкая эффективность системы здравоохранения и социальной защиты населения; распространение наркомании, алкоголизма, «социальных болезней»; снижение возможностей получения качественного образования представителями бедных слоев общества; проявления нравственной и духовной деградации общества; рост детской и подростковой безнадзорности, беспризорности, бродяжничества, рост количество проявлений фактов экстремизма и др.

В-четвертых, к угрозам общественной безопасности в техногенной сфере относятся следующие: возникновение большого количества ЧС техногенного характера, использование во время технологического процесса большого количества морально устаревшего и неисправного оборудования, несвоевременный ремонт и модернизация производственного оборудования, несоблюдение технологических стандартов и норм в ходе производственного процесса; нарушение правил хранения и перевозки опасных грузов, как следствие возникновение ЧС техногенного характера, гибель и травмирование населения, а также использования значительных финансовых ресурсов для преодоления последствий такой ситуации; нарушение проектной документации при строительстве промышленных и жилых помещений и др.

В-пятых, угрозы общественной безопасности в экологической сфере можно отнести следующие: значительное антропогенное нарушение и техногенной перегруженности территории Российской Федерации, увеличение рисков возникновения ЧС техногенного и природного характера; нерациональное использование сырьевых природных ресурсов; неразрешенность негативных социально-экологических последствий Чернобыльской катастрофы; ухудшение экологического состояния водных бассейнов, обострение проблемы трансграничных загрязнений и снижение качества воды; обострение техногенного состояния гидротехнических сооружений каскада водохранилищ; неконтролируемый ввоз в Российскую Федерацию экологически опасных технологий, веществ, материалов и трансгенных растений, возбудителей болезней, опасных для людей, животных, растений и организмов, экологически необоснованное использование генетически измененных растений, организмов, веществ и производных продуктов; опасность техногенного, в том числе ядерного и биологического,

терроризма; устарелость и недостаточная эффективность комплексов по утилизации токсичных и экологически опасных отходов и т.д. Необходимо отметить, что экологические угрозы общественной безопасности возникают в связи с обострением противоречий между развитием производства, технологий и необходимостью сохранения пригодной среды для проживания общества.

Отметим, что несмотря на быстрые темпы глобализации отношений между государствами, а, следовательно, и появление новых угроз для общественной безопасности, главная угроза ее обеспечения находится внутри государства, а именно: это внутренние проблемы социально-экономического, политического, миграционного, техногенного и природного характера.

Нужно отметить, что к указанным выше угрозам общественной безопасности относятся не только ЧС, но и другие негативные явления, которые, к сожалению, в законодательстве четко не определены, но создают угрозу для ее обеспечения.

Приведенные ранее явления создают реальную или потенциальную угрозу для объектов общественной безопасности. Отметим, что в современных в научной литературе нет единого подхода к определению объектов общественной безопасности. Это связано с неоднозначным пониманием понятия и содержания общественной безопасности. Анализ научной, справочной литературы [Варгузова, 2005; Гущин, 1998; Басов, 2006] и действующего законодательства дает возможность к объектам общественной безопасности отнести следующие: права и свободы, жизни и здоровья граждан, собственность, окружающую среду, а также государственные и общественные институты, функционирование которых направлено на обеспечение нормальных условий жизнедеятельности населения, общества, государства. Указанные объекты можно отнести к жизненно важным интересам личности, общества, государства, а, следовательно, они нуждаются в надежной защите. В свою очередь указанные интересы представляют собой наиболее важные категории личной и общественной жизни, которые также нуждаются в надежной защите. Таким образом, можно сделать вывод, что основной целью общественной безопасности является создание и поддержание необходимого для нормального существования и функционирования уровня защищенности объектов общественной безопасности.

Заключение

Сущность изложенного дает основания утверждать, что развитие человечества представляет собой сложный процесс и в определенные периоды его жизнедеятельности возникают определенные противоречия между природой и обществом. Это в свою очередь приводит к возникновению определенного вида ситуаций, то есть возникновения ЧС техногенного, природного, социально-политического характера. Исходя из изложенного можно определить угрозы общественной безопасности как совокупность условий и факторов, создающих реальную или потенциальную угрозу для реализации жизненно важных интересов личности, общества, государства в политической, экономической, социальной, техногенной, экологической сферах.

Формулировка и классификация угроз общественной безопасности и объектов ее охраны позволяет выделить следующие основные приоритеты обеспечения общественной безопасности в ЧС:

– обеспечение прав и свобод, а также законных интересов физических и юридических лиц в условиях действия ограничительных мер, применение которых обусловлено возникновением ЧС;

– обеспечение охраны имущества всех форм собственности, которое осталось без присмотра

в результате возникновения ЧС, а также создание условий для сохранения культурных ценностей;

– обеспечение надежной охраны общественного порядка, а также обеспечение политической и социальной стабильности внутри государства, устранение причин и условий, провоцирующих их дестабилизацию;

– обеспечение защиты государственной границы, регулирования миграционных потоков населения в условиях возникновения трансграничных ЧС;

– обеспечение надежного и эффективного функционирования системы предупреждения и реагирования на ЧС, одним из направлений деятельности которой является ликвидация или частичное устранение негативных последствий ЧС, а также обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Библиография

1. Басов А.В. Административно-правовий режим надзвичайного стану: дис… канд. юрид. наук. Х., 2006. 200 с.
2. Басова Ю.Ю. К вопросу о системе общественной безопасности // Сборник материалов научно-практической конференции «Проблемы обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасности в современных условиях. Симферополь: АРИАЛ, 2016. С. 224-230.
3. Басова Ю.Ю. К вопросу о системе общественной безопасности // Успехи современной науки и образования. 2017. №3. Том 5. С. 145-150.
4. Басова Ю.Ю. Теоретические аспекты и правовые подходы к определению понятия общественной безопасности // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 36-42.
5. Бахрах Д.Н., Хазанов С.Д. Правовой режим чрезвычайного положения. Екатеринбург, 1992. 33 с.
6. Варгузова А.А. Административно-правовое регулирование деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 184 с.
7. Гущин В.В. Правовые и организационные основы обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации при чрезвычайных ситуациях: дис. … докт. юрид. наук. М., 1998. 449 с.
8. Давитадзе М.Д. Теоретические, организационные и правовые основы деятельности органов внутренних дел в условиях межнациональных конфликтов: автореф. дис. … докт. юрид. наук: спец. М., 2000. 58 с.
9. Рушайло В.Б. Административно-правовые режимы. М.: Щит-М, 2000. 264 с.

To the question of determining the list of threats to public safety

Yulia Yu. Basova

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Public Prosecutions and the participation of the prosecutor in the civil, arbitration and administrative proceedings,
Crimean Law Institute (branch),
Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation,
295011, 9, Gogolya str., Simferopol, Russian Federation;
e-mail: Yulia_Basova@mail.ru

Abstract

The article analyzes the scientific and reference literature on the definition of the list of threats to public security. Various approaches to understanding the formation of a list of threats to public security are analyzed. It has been established that threats to public security are a combination of

conditions and factors that create a real or potential threat to the realization of the vital interests of the individual, society and the state in the political, economic, social, technogenic and environmental spheres. In addition, the following groups of threats to public security are highlighted: in the political sphere, in the economic sphere, in the social sphere, in the technogenic sphere, in the environmental sphere. The article highlights the main priorities for ensuring public safety in emergency situations. The essence of what is stated in this scientific research gives grounds to assert that the development of mankind is a complex process and in certain periods of its life there are certain contradictions between nature and society. This in turn leads to the emergence of a certain type of situation, that is, the emergence of an emergency of anthropogenic, natural, socio-political nature. You can identify threats to public security as a combination of conditions and factors that create a real or potential threat to the realization of the vital interests of the individual, society, the state in the political, economic, social, technological and environmental spheres.

For citation

Basova Yu.Yu. (2018) K voprosu ob opredelenii perechnya ugroz obshchestvennoi bezopasnosti [To the question of determining the list of threats to public safety]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(12A), pp. 66-72.

Keywords

Concept, signs, emergency situations, public safety, restrictive measures, threat.

References

1. Bakhrakh D.N., Khazanov S.D. (1992) *Pravovoi rezhim chrezvychainogo polozheniya* [Legal regime of the state of emergency]. Ekaterinburg.
2. Basov A.V. (2006) *Administrativno-pravovii rezhim nadzvichainogo stanu. Doct. Dis.* [Legal regime of the state of emergency. Doct. Dis.]. Kharkov.
3. Basova Yu.Yu. (2016) K voprosu o sisteme obshchestvennoi bezopasnosti [To the question of the system of public security]. In: *Sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii: Problemy obespecheniya zakonnosti, pravoporyadka i obshchestvennoi bezopasnosti v sovremennykh usloviyakh* [The collection of materials of the scientific-practical conference "Problems of ensuring legality, law and order and public safety in modern conditions"]. Simferopol: ARIAL Publ.
4. Basova Yu.Yu. (2017) K voprosu o sisteme obshchestvennoi bezopasnosti [To the question of the system of public security]. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Advances in modern science and education], 3, 5, pp. 145-150.
5. Basova Yu.Yu. (2016) Teoreticheskie aspekty i pravovye podkhody k opredeleniyu ponyatiya obshchestvennoi bezopasnosti [Theoretical aspects and legal approaches to the definition of the notion of public security]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 8, pp. 36-42.
6. Davitadze M.D. (2000) *Teoreticheskie, organizatsionnye i pravovye osnovy deyatel'nosti organov vnutrennikh del v usloviyakh mezhnatsional'nykh konfliktov. Doct. Dis.* [Theoretical, organizational and legal bases of the activity of law enforcement bodies in the conditions of interethnic conflicts]. Moscow.
7. Gushchin V.V. (1998) *Pravovye i organizatsionnye osnovy obespecheniya obshchestvennoi bezopasnosti v Rossiiskoi Federatsii pri chrezvychainykh situatsiyakh. Doct. Dis.* [Legal and Organizational Basis for Ensuring Public Security in the Russian Federation in Emergency Situations]. Moscow.
8. Rushailo V.B. (2000) *Administrativno-pravovye rezhimy* [Administrative and legal regimes]. Moscow: Shchit-M Publ.
9. Varguzova A.A. (2005) *Administrativno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti organov vnutrennikh del v sfere obespecheniya obshchestvennoi bezopasnosti v Rossiiskoi Federatsii. Doct. Dis.* [Administrative and legal regulation of the activities of the internal affairs bodies in the field of public security in the Russian Federation]. Moscow.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34

Залог в силу запрета на распоряжение имуществом

Очиров Эрдни Пюрвеевич

Аспирант,
Институт государства и права РАН,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, 10;
e-mail: e.ochiroff@gmail.com

Аннотация

Автор в данной статье анализирует новеллу законодательства о залоге – залог в силу запрета на распоряжение имуществом, цели данного института и политико-правовое обоснование. Автор, в том числе, анализирует основания возникновения залога в силу запрета распоряжения имуществом и указывает, что основанием могут служить не только обеспечительный арест в рамках гражданского судопроизводства, арест судебного пристава-исполнителя, но также обеспечительный арест, наложенный в рамках уголовного судопроизводства. Также автором проанализирована судебная практика применения нормы залога в силу запрета распоряжения имуществом в деле о банкротстве. На основании данного анализа сделан вывод о том, что данный вид залога выступает не способом обеспечения исполнения обязательства как таковым, а является особым механизмом, направленным на фактическую реализацию подтверждающего обязательство акта государственного органа о взыскании задолженности. В деле о банкротстве залог в силу запрета распоряжения имуществом прекращается. Кроме того, автором в данной научной статье проанализирован момент возникновения, очередность удовлетворения требований при залоге в силу запрета распоряжения имуществом с учетом изменений в законодательстве о залоге.

Для цитирования в научных исследованиях

Очиров Э.П. Залог в силу запрета на распоряжение имуществом // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 12А. С. 73-81.

Ключевые слова

Залог, залог в силу ареста, залог в силу запрета на распоряжение имуществом, банкротство.

Введение

Одной из важных новелл в гражданском законодательстве, введенных Федеральным законом от 21.12.2013 № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов Российской Федерации)»[1], стало появление залога, основанием возникновения которого служит запрет распоряжения имуществом. В юридическом сообществе за данным видом залога закрепилось наименование – залог в силу ареста.

Основная часть

Норма о залоге в силу ареста содержится в п. 5 ст. 334 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), в которой указано, что, если иное не вытекает из существа отношений залога, кредитор или иное управомоченное лицо, в чьих интересах был наложен запрет на распоряжение имуществом (ст. 174.1 ГК РФ), обладает правами и обязанностями залогодержателя в отношении этого имущества с момента вступления в силу решения суда, которым требования таких кредитора или иного управомоченного лица были удовлетворены.

Положения п. 5 ст. 334 ГК РФ отсылают к ст. 174.1 ГК РФ. Данная статья содержит нормы о последствиях совершения сделки в отношении имущества, распоряжение которым запрещено или ограничено. Первый пункт данной статьи, касается запретов и ограничений распоряжения имуществом, вытекающих из закона. Без сомнения, данный пункт не может быть применен к залогу в силу ареста, так как, например, запрет распоряжения имуществом, вытекающий из законодательства о несостоятельности (банкротстве), не порождает залоговых прав кредитора.

В соответствии с п. 2 ст. 174.1 ГК РФ, сделка, совершенная с нарушением запрета на распоряжение имуществом должника, наложенного в судебном или ином установленном законом порядке в пользу его кредитора или иного управомоченного лица, не препятствует реализации прав указанного кредитора или иного управомоченного лица, которые обеспечивались запретом, за исключением случаев, если приобретатель имущества не знал или не должен был знать о запрете. Именно это положение ст. 174.1 ГК РФ относится к залогу в силу ареста.

Таким образом, основанием возникновения залога является запрет, наложенный в судебном или ином установленном законом порядке. Наделяя арест имущества должника некоторыми свойствами залога, законодатель дает дополнительную защиту законным правам и интересам кредитора.

Приведенная норма представляет собой наглядный образец необоснованного вмешательства материального (гражданского) права в чисто процессуальные отношения. Речь идет о том, что примененные судом по заявлению истца меры по обеспечению иска в виде ареста имущества ответчика либо запрета совершать действия по распоряжению указанным имуществом (ст. 140 ГПК РФ, ст. 91 АПК РФ) в случае благоприятного для истца исхода по соответствующему судебному делу поразительным образом превращают чисто процессуальные отношения сторон в материальные залоговые правоотношения. В результате истец (тот самый

[1] Федеральный закон от 21.12.2013 № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов Российской Федерации)» // «Российская газета», № 291, 25.12.2013;

«кредитор или иное управомоченное лицо), который в свое время не позаботился о соответствующем обеспечении своего требования к ответчику, вдруг превращается в залогодержателя и может обратить взыскание на арестованное имущество ответчика без соблюдения очередности удовлетворения требований, применяемой в исполнительном производстве. Для этого истцу достаточно просто обратиться в суд с ходатайство о принятии мер по обеспечению иска! [Витрянский, 2016]

Из вышеуказанного положения видно, что профессор Витрянский В.В. негативно оценивает данную новеллу.

В рамках гражданского судебного разбирательства истец имеет право подать заявление об обеспечении иска. Одной из мер, принимаемых судом, является наложение ареста на имущество ответчика. С момента вступления в силу решения суда, которым требования кредитора или иного управомоченного лица были удовлетворены, считается, что права и обязанности залогодержателя предоставляются кредитору или иному управомоченному лицу.

Однако существует риск утраты залога в силу обеспечительного ареста ввиду того, что залог возникнет с момента вступления в силу решения суда. Следовательно, с момента фактического наложения ареста до вступления в силу решения суда, залог остается без защиты против третьих лиц (*ergo omnes*), которую предоставляет регистрация залога в соответствующих реестрах. Сделать публичным залог в силу ареста истец, в чью пользу наложен арест, сможет только с момента вступления в силу решения суда.

В пункте 96 Постановления Пленума ВС РФ № 25 от 23.06.2015 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 25 от 23.06.2015) указано, что в случае отчуждения арестованного имущества лицу, которое не знало и не должно было знать об аресте этого имущества (добросовестному приобретателю), возникает основание для освобождения имущества от ареста независимо от того, совершена такая сделка до или после вступления в силу решения суда, которым удовлетворены требования кредитора или иного управомоченного лица, обеспечиваемые арестом[2].

При этом следует учитывать, что залог в силу ареста не возникает при аресте имущества по требованиям, предполагающим возврат в натуре имущества, в отношении которого наложен арест, в частности об истребовании имущества из чужого незаконного владения (ст. 301 ГК РФ), о возврате индивидуально-определенного имущества, переданного по недействительной сделке (ст. 167 ГК РФ), об отобрании индивидуально-определенной вещи у должника (ст. 398 ГК РФ), о возвращении имущества, составляющего неосновательное обогащение приобретателя (ст. 1104 ГК РФ). Данное положение было разъяснено в пункте 97 Постановления Пленума ВС РФ № 25 от 23.06.2015.

Кроме того, в рамках исполнительного производства на основании п. 7 ст. 64 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», судебный пристав-исполнитель вправе накладывать арест на имущество должника в целях обеспечения исполнения исполнительного документа[3]. Данный арест также порождает залоговое право с

[2] Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», № 140, 30.06.2015;

[3] Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об исполнительном производстве» // «Парламентская газета», № 131, 10.10.2007;

даты наложения ареста (п. 94 Постановления Пленума №25).

При этом что именно понимается под наложением ареста, высшая судебная инстанция не разъясняет. Напрашивается вывод о том, что это дата принятия постановления пристава об аресте. Однако на поверку он оказывается поспешным. Если пристав вынесет постановление об аресте одновременно с наложением печатей и составлением описи, то момент провозглашения ареста и совпадет с его исполнением. Проблемы не будет. Но если в каком-то случае эти моменты разойдутся во времени (а в российской действительности совершенно нельзя быть ни в чем уверенным) и пристав в один день вынесет постановление об аресте какого-то имущества, в наличии которого он будет абсолютно убежден, а в другой день не обнаружит данного имущества у должника и не сможет его изъять, внести в опись или опечатать, то станет понятно, что никакого ареста на самом деле нет. Поэтому правильный ответ состоит в том, что момент наложения ареста – это момент составления приставом соответствующей описи (если речь идет о движимых вещах), уведомление регистратора об аресте (в случае недвижимости), уведомление дебитора (при аресте дебиторской задолженности) поступления в банк исполнительного документа или постановления пристава об аресте (при аресте безналичных денежных средств на расчетном счете) [Егоров, 2016].

Залог в силу ареста в отношении имущества, права на которое подлежат государственной регистрации, считается возникшим с даты внесения в соответствующий государственный реестр записи об аресте.

Очередность удовлетворения указанных требований определяется в соответствии с положениями статьи 342.1 ГК РФ по дате, на которую соответствующий запрет считается возникшим[4].

В случаях, если заложенное имущество, в отношении которого ведется учет залогов в соответствии с п. 4 ст. 339.1 ГК РФ, является предметом нескольких залогов, требования залогодержателя, обеспеченные залогом, запись об учете, которого совершена ранее, удовлетворяются преимущественно перед требованиями залогодержателя обеспеченными залогом того же имущества, запись об учете, которого не совершена в установленном законом порядке или совершена позднее, независимо от того, какой залог возник ранее. Таким образом, законодатель стимулирует кредиторов, в чью пользу наложен арест, регистрировать залоги в силу ареста в соответствующих реестрах.

Залог в силу ареста был заимствован из германского правопорядка.

В Германии используются разные термины, для перевода которых недостаточно гибкости русского юридического языка, из-за чего возможна достаточно существенная путаница. Прежде всего, следует отметить, что залоговое право возникает в силу акта, который называется *Pfandung* и регулируется § 803 ГПК Германии. *Pfandung* – это акт публичной власти, совершенный органом принудительного исполнения, в результате которого вещь или право выводится из-под распорядительной власти должника и подготавливается к обращению в деньги в интересах кредитора. В свою очередь, данный термин раскрывается в комментариях через иные понятия, такие как *Drschlagnagme* (изъятие, опись, конфискация, арест) и *Verstrickung* (состояние ограничения распорядительной власти должника, возникающее в результате *Pfandung*). Фактически мы видим, что термин *Pfandung* совпадает и с понятием самого ареста в России, и с понятием исполнения ареста, которым занимается в России

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // «Собрание законодательства РФ», от 05.12.1994, №32, ст. 3301;

судебный пристав-исполнитель [там же].

В Германии составление описи приводит к возникновению залогового права и на этом исполнение судебного акта об аресте заканчивается. Арест предназначен для обеспечения интересов кредитора, а не для его удовлетворения, поэтому кредитор не может реализовать возникшее у него залоговое право. Очередность залогового права определяется по дню исполнения ареста (составления описи). Если дело выигрывает кредитор, то залоговое право, возникшее из обеспечительного ареста, в силу закона преобразуется в залоговое право, возникающее в исполнительном производстве с очередностью, определяемой датой исполнения ареста. Залог в силу ареста может переходить в плоскость обращения взыскания на вещь, как только кредитор получит экземпляр решения суда (об удовлетворении требований), позволяющий открывать исполнительное производство. Если истец проиграет, то ответчик вправе требовать отмены ареста на основании § 927 ГПК Германии, после чего судебный пристав удаляет наложенные печати, возвращает предмет ответчику и т.п.

Кроме того, в рамках уголовного дела также может возникнуть залог в силу ареста.

Согласно ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса РФ, для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взыскании или возможной конфискации имущества, следователь с согласия руководителя следственного органа или дознавателя с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия[5].

Наделяя арест имущества должника некоторыми свойствами залога, законодатель дает дополнительную защиту законным правам и интересам кредитора, что вероятнее всего увеличит исполнимость судебных решений.

Судьба залога в силу ареста в деле о банкротстве оставалась до недавнего времени туманной. Преимущества залога в качестве обеспечения исполнения обязательства заключаются главным образом в двух аспектах: первое – это право следования, второе – это приоритет в деле о банкротстве. Вопрос приоритета залога в силу ареста в деле о банкротстве является политико-правовым и, проанализировав судебную практику, можно прийти к выводу, что у арбитражных судов по данному вопросу существовало несколько позиции.

Определением Верховного суда Российской Федерации от 23.08.2016 № 306-ЭС15-17700 по делу № А55-27454/2014 о несостоятельности (банкротстве) ЗАО «Волгаспецстрой» было отказано в передаче дела в судебную коллегию по экономическим спорам Верховного суда РФ. Данное Определение подтвердило правильность выводов Арбитражного суда Поволжского округа о том, что по смыслу абз. 4 п. 1 ст. 63 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[6](далее – ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») с введением в отношении должника процедуры наблюдения действие обеспечительных мер, принятых определениями Октябрьского районного суда г. Самары в отношении спорного имущества, не прекратилось. В связи с этим из системного толкования положений пункта 5 ст. 334 ГК РФ, ст. 16, 71 и 142 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а также с учетом разъяснений, содержащихся в п. 7 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда

[5] Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // «Парламентская газета», № 241-242, 22.12.2001;

[6] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О несостоятельности (банкротстве)» // «Собрание законодательства РФ», 28.10.2002, № 43, ст. 4190;

Российской Федерации от 23.07.2009 №59 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Об исполнительном производстве» в случае возбуждения дела о банкротстве»[7], суд округа пришел к выводам, что с момента вступления в силу решения Октябрьского районного суда г. Самары от 21.11.2014 о взыскании кредитной задолженности у банка возникли права залогодержателя в отношении спорного имущества, залоговый кредитор обратился в период процедуры наблюдения в пределах установленного срока. Таким образом, требования кредитора, обеспеченные залогом в силу ареста, были включены в реестр требований кредиторов должника как обеспеченные залогом. В данном деле суд применил принцип закон поздний (п. 5 ст. 334 ГК РФ) отменяет закон ранний (ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») (*lex posteriori derogate priori*).

Однако существовала противоположная судебная практика применения.

В Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.08.2016 по делу № А27-7517/2015 суд указал, что установленный п. 5 ст. 334 ГК РФ приоритет удовлетворения требований кредитора за счет арестованного имущества при исполнении судебного акта о взыскании с должника задолженности относится к общим правилам исполнения судебных актов. Однако общие правила исполнения судебных актов установлены законодателем для регулирования обычной экономической деятельности хозяйствующих субъектов. При установлении в отношении одного из субъектов предпринимательской деятельности признаков банкротства применению подлежат специальные нормы о банкротстве, правовое регулирование которых направлено на достижение общих целей института несостоятельности. Принятая судом обеспечительная мера на основании норм процессуального права не может рассматриваться в качестве гражданско-правовой меры обеспечения исполнения обязательств, предусмотренной нормами параграфа 3 главы 23 ГК РФ, и не влечет возникновение между сторонами залоговых отношений. В данном деле суд применил иной принцип: закон специальный (ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») отменяет закон общий (п. 5 ст. 334 ГК РФ) (*lex specialis derogate generali*).

Вопрос приоритета залога в силу ареста в деле о банкротстве был разрешен Определением Верховного суда Российской Федерации от 27.02.2017 № 301-ЭС16-16279 по делу № А11-9381/2015 о несостоятельности (банкротстве) ЗАО «ЭНБИМА Групп». В данном определении суд установил, что арест имущества не порождает таких залоговых свойств, которые позволяют кредитору получить приоритет при удовлетворении его требований в процедурах банкротства.

Данную позицию суд мотивировал тем, что норма о залоге в силу ареста служит прежде всего закреплению в отношении арестованного имущества принципа следования обременения за вещью, предоставлению кредитору возможности обратить взыскание на арестованную вещь после того, как ее собственником стало другое лицо, которое знало и должно было знать о запрете. Суд также пояснил, что в деле о несостоятельности залог в силу ареста не дает приоритет удовлетворения требования кредитора, так как права залогодержателя, вытекающие из п. 5 ст. 334 ГК РФ, возникают в большей части из процессуальных отношений при наличии широкого усмотрения со стороны государственного органа (не являющегося стороной материальных отношений) как в вопросе об определении имущества, в отношении которого может быть наложен запрет, так в вопросе о том, имеются ли основания для введения запрета,

[7] Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 59 (ред. от 06.06.2014) «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Об исполнительном производстве» в случае возбуждения дела о банкротстве» // «Вестник ВАС РФ», № 9, 01.09.2009;

определенные правовым актом, регулирующим процедуру ареста, а не как при ординарном залоге на основании договора либо закона.

Заключение

Следовательно, залог в силу ареста, по сути, выступает не способом обеспечения исполнения обязательства как такого, а является особым механизмом, направленным на фактическую реализацию подтверждающего обязательство акта государственного органа о взыскании задолженности, и он действует в рамках общих правил исполнения. Порядок же исполнения актов о взыскании задолженности с несостоятельного должника регулируется нормами законодательства о банкротстве, которые являются специальными по отношению к общим правилам исполнения. Закон о банкротстве исключает возможность удовлетворения реестровых требований, подтвержденных судебными решениями, в индивидуальном порядке и не содержит предписаний о привилегированном положении лица, в пользу которого установлен запрет на распоряжение имуществом.

Библиография

1. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2016. 431 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, №32, ст. 3301.
3. Егоров А.В. Залог в силу ареста: теоретические и практические проблемы. В России и за рубежом // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 9. С. 12-15.
4. Определение Верховного суда Российской Федерации от 27.02.2017 № 301-ЭС16-16279 по делу № А11-9381/2015.
5. Определение Верховного суда Российской Федерации от 23.08.2016 № 306-ЭС15-17700 по делу № А55-27454/2014.
6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.08.2016 № Ф04-2938/2016 по делу № А27-7517/2015.
7. Постановление Пленума ВС РФ № 25 от 23.06.2015 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», № 140, 30.06.2015.
8. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2009 №59 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Об исполнительном производстве» // «Вестник ВАС РФ», №9, 01.09.2009.
9. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // «Парламентская газета», № 241-242, 22.12.2001.
10. Федеральный закон от 21.12.2013 № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации».
11. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Charge by virtue of freezing order

Erdni P. Ochirov

Postgraduate,
Institute of the state and right of RAS,
119019, 10, Znamenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Erdni_Ochirov@mail.ru

Abstract

Author of this article analyzes the novel of the legislation on charge: a charge by virtue of freezing order, the purpose of this institution and the politico-legal ground. The author of this scientific research, in particular, analyzes the grounds of the creation of charge by virtue of freezing order and indicates that the ground of the creation of this type charge can be not only security arrest in the civil proceedings, the arrest of a bailiff, but also a security arrest imposed in the framework of criminal proceedings. The author of the article also analyzed the judicial practice of applying the provision of a charge by virtue of freezing order in the bankruptcy case. Based on this analysis inference should be drawn that this type of charge is not a way to performance bond as such, but is a special mechanism aimed at the actual implementation of an act confirming the obligation of the state body to recovery debts. In the bankruptcy case, the charge by virtue of freezing order is terminated. In addition, the author in this scientific article analyzed commencement of the charge by virtue of freezing order, priority of claims taking into account the amendments in the legislation on charge.

For citation

Ochirov E.P. (2018) Zalog v silu zapreta na rasporyazhenie imushchestvom [Charge by virtue of freezing order]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(12A), pp. 73-81.

Keywords

Charge, charge by court order, charge by virtue of freezing order, bankruptcy, law.

References

1. Egorov A.V. (2016) Zalog v silu aresta: teoreticheskie i prakticheskie problemy. V Rossii i za rubezhom [Bail by force of arrest: theoretical and practical problems In Russia and abroad]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation], 9, pp. 12-15.
2. *Federal'nyi zakon ot 21.12.2013 № 367-FZ «O vnesenii izmenenii v chast' pervuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i priznanii utrativshimi silu otdel'nykh zakonodatel'nykh aktov (polozhenii zakonodatel'nykh aktov) Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law No. 367-FZ of 21.12.2013 "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation and the Repeal of Certain Legislative Acts (Provisions of Legislative Acts) of the Russian Federation"].
3. *Federal'nyi zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)»* [Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)"].
4. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 03.07.2016). «Sobranie zakonodatel'stva RF», 05.12.1994, №32, st. 3301* [The Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 03.07.2016). Collection of Legislation of the Russian Federation, 05.12.1994, No. 32, art. 3301].
5. *Opredelenie Verkhovnogo suda Rossiiskoi Federatsii ot 27.02.2017 № 301-ES16-16279 po delu № A11-9381/2015* [Definition of the Supreme Court of the Russian Federation No. 301-ES16-16279 of 27.02.2017 in case No. A11-9381 / 2015].
6. *Opredelenie Verkhovnogo suda Rossiiskoi Federatsii ot 23.08.2016 № 306-ES15-17700 po delu № A55-27454/2014* [Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of August 23, 2016 No. 306-ES15-17700 in case No. A55-27454 / 2014].
7. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Zapadno-Sibirskogo okruga ot 18.08.2016 № F04-2938/2016 po delu № A27-7517/2015* [Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of August 18, 2016 No. F04-2938 / 2016 in case No. A27-7517 / 2015].
8. *Postanovlenie Plenuma VS RF № 25 ot 23.06.2015 «O primenenii sudami nekotorykh polozhenii razdela I chasti pervoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii». Rossiiskaya gazeta, № 140, 30.06.2015* [Resolution of the Plenum of the RF Armed Forces No. 25 of June 23, 2015 "On the application by courts of certain provisions of Section I of Part

One of the Civil Code of the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta, No. 140, June 30, 2015].

9. *Postanovlenie Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 23.07.2009 №59 «O nekotorykh voprosakh praktiki primeneniya Federal'nogo zakona «Ob ispolnitel'nom proizvodstve». Vestnik VAS RF, №9, 01.09.2009* [Decision of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 23.07.2009 № 59 "On some issues of the practice of the application of the Federal Law On Enforcement Proceedings". Vestnik VAS RF, No. 9, 01.09.2009].
10. *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks RF ot 18.12.2001 № 174-FZ. Parlamentskaya gazeta, № 241-242, 22.12.2001* [The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 № 174-FZ. Parliamentary Newspaper, No. 241-242, December 22, 2001].
11. Vitryanskii V.V. (2016) *Reforma rossiiskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi* [Reform of Russian civil legislation: interim results]. Moscow: Statut Publ.

УДК 346

Проблемы нормативного определения категорий корпоративного права Российской Федерации

Рустамов Павел Анварович

Студент 3-го курса Высшей школы государственного аудита,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, ГСП-1,
Ленинские горы, 1, стр. 13, 4-й учебный корпус;
e-mail: pavel.rustamov@inbox.ru

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Аннотация

В представленной научной работе рассматриваются проблемы корпоративного права, которые появились вследствие отсутствия единой, общей правовой терминологии в изучаемой отрасли права в связи с рядом изменений, которым подверглась российская правовая система на определенных этапах своего становления. Ценность данного исследования, по мнению автора, заключается в попытке прояснить ряд положений, связанных со спецификой корпоративных отношений. В результате автор приходит к выводу, что следует говорить о межотраслевом характере корпоративного права, в котором сочетаются нормы частного и публичного права. Сделан вывод о том, что содержание корпоративного права неоднородно, поскольку предметом корпоративных отношений выступают не только внутрифирменные отношения, но и отношения, затрагивающие другие области права. Оно может определять, как внешние корпоративные нормы, так и внутренние корпоративные нормы. Так как присутствует несколько научных точек зрения на природу корпоративного права и, следовательно, самостоятельность изучаемой отрасли как сформированного отдельного института отечественной цивилистической науки, не перестают утихать споры об относимости норм к тому или иному направлению юридической науки.

Для цитирования в научных исследованиях

Рустамов П.А. Проблемы нормативного определения категорий корпоративного права Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 12А. С. 82-88.

Ключевые слова

Корпоративное право, корпорация, корпоративные отношения, корпоративное управление, предпринимательское объединение, корпоративные нормы, правовое регулирование.

Введение

Проблемы корпоративного права в современных российских реалиях связаны с причинами, вызванными не только субъективным пониманием его значения, но также состоянием соответствующего законодательства. При этом следует отметить, что рыночные отношения имеют многовековую историю. В дореволюционной и советской России корпорации не имели той распространенности, как во всем мире. Однако различные формы предпринимательских объединений появились еще в XVII в.: в Уложении царя Алексея Михайловича возникли нормы, которые регулировали расчеты между товарищами, связанные с распределением неожиданных потерь, убытков [Тихомиров, Епифанов, 1961]. Сама по себе концепция корпорации восходит к средневековой Западной Европе, где под влиянием развития торговых отношений между различными государствами сформировались торговые гильдии – объединяющие ассоциации торговцев, стремящихся продвигать свои товары в страны дальнего зарубежья. Во многих отношениях эти союзы, не будучи целостными экономическими единицами, были использованы для организации совместных кампаний, чтобы защитить свою собственность от нападения грабителей. Эти кампании опирались на одних и тех же правил гильдии. Способ производства гильдии остается в тени общей цели гильдии, выделяя интересы участников, принадлежащих ей. Общий капитал у них отсутствовал, но содержание такого союза было связано с внесением платежа каждым ее членом. Гильдия была ответственна за долги каждого из своих членов с точки зрения их совместной деятельности.

Гильдия развивалась в трех основных областях: производство корпоративной муки, крестовые походы и развитие морской торговли, корпоративная ассоциация общественных кредиторов (Махон).

Появление корпораций в России

Таким образом, основы корпорации зародились, а корпоративные отношения стали складываться задолго до возникновения теории корпоративного права, которая возникла не так давно, в конце прошлого века в Англии и в США [Owen, Kirchmaier, Grant, 2004, www]. Развитие корпораций до 1990-х гг. связано преимущественно с историей развития зарубежного предпринимательства.

В России появление корпораций было вызвано новыми экономическими условиями и растущей потребностью в новых формах предпринимательских объединений. Так, создание корпораций стало возможным после внесения в 1999 г. изменений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях», благодаря которым данный закон дополнился статьей 7.1, раскрывающей понятие государственных корпораций, порядок их учреждения и деятельности. Представляется, что данный закон способствовал развитию корпоративного права в современной России.

С момента вступления в силу вышеуказанных изменений в федеральный закон в Российской Федерации учреждено более семи государственных корпораций (например, государственная корпорация «Российские автомобильные дороги», Российская корпорация нанотехнологий, государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», Государственная корпорации «Ростехнологии» и др.).

На современном этапе в научном обороте и литературе все чаще используются понятия «корпоративное право», «корпорация», «корпоративные отношения», «корпоративное

управление». Как отмечает Я.М. Гританс, данные понятия стали широко использовать не только экономисты, но и юристы [Гританс, 2005].

Заметим, что независимо от того, каковы взгляды на сущность корпораций и на корпоративное право, в любой развитой стране мира существует корпоративное право, например, в США (corporate law), в Великобритании (company law), в Германии (Gesellschaftsrecht), во Франции (droit des societe) и т. д.

При этом в России остается дискуссионным вопрос не только о природе корпоративных отношений, но и об отраслевой принадлежности регулирующих эти отношения правовых норм. Прежде всего это связано с тем, что само понятие «корпорация» воспринимается неоднозначно. В то же время широкораспространенная эксплуатация слова «корпоративный», особенно в рамках правовой системы, где нет признанного юридического лица – корпораций, значительно усложнила понимание сущности и содержания корпоративного права в России.

Российские подходы к определению корпоративного права

В настоящее время имеется три основных подхода к определению корпоративного права.

Первый из них рассматривает корпоративное право, как право корпораций. Концепция корпорации и все отношения, возникающие в связи с ее созданием и деятельностью, являются основными классификационными характеристиками, на которых определяются границы субъекта регулирования корпоративного права [Макарова, 2005, 12; Гущин, Порошкина, Сердюк, 2009, 68; Шиткина, 2008, 15].

Второй подход, разработанный Т.В. Кашаниной [Кашанина, 2010, 215], заключается в том, что корпоративное право – это право, которое создают сами корпорации. По мнению данного ученого, оно включает в себя право внутрифирменное и внутриорганизационное. Поэтому Т.В. Кашанина указывает, что корпоративное право является системой норм, которые устанавливают органы управления корпорации, посредством этих норм выражается воля ее членов, обязательных для участников корпорации [там же]. Данного подхода придерживаются и иные ученые, например, И.А. Еремичева и Е.А. Павлова [Павлов, Еремичев, 2015, 215].

Третий подход основан на специфике и сущности корпоративных отношений, независимо от вида юридического лица, в котором они возникают. Однако при данном подходе выделяется классифицирующий признак: направленность на осуществление корпоративной деятельности и ее организацию.

Так, например, В.А. Белов определяет корпоративное право, характеризующееся совокупностью правовых норм, через призму общественных отношений, направленных как на организацию, так и на достижение общих целей, посредством осуществления корпоративной деятельности (корпоративных отношений) [Белов, 2009, 51].

В научной литературе имеются и иные определения корпоративного права, объединяющие в себе несколько подходов. Так, например, А.В. Мелькумянц [Мелькумянц, 2007, 21] полагает, что корпоративное право является подотраслью гражданского права, которая представляет собой совокупность локальных норм корпорации и гражданско-правовых, что составляет корпоративные нормы, которые регулируют корпоративные отношения и касаются организации и деятельности хозяйствующих структур, которые выступают субъектами гражданского права, при этом соответствуют требованиям гражданского законодательства, имеют специфическую организационную форму корпоративных отношений и свои особенности.

Учитывая различные определения понятия «корпоративное право», следует прийти к

выводу, что, как правило, корпоративное право и корпоративные отношения рассмотренные ученые связывают с управлением или участием в корпоративных организациях. Очень часто корпоративное право рассматривается как совокупность правовых норм, регулирующих внутрикорпоративные отношения. Как представляется, такой подход является узким, поскольку в существующей реальности и по своему содержанию предмет корпоративных отношений шире, чем внутрифирменные отношения. Корпоративные отношения регулируются нормами гражданского права, финансового, налогового, административного и иными нормами других отраслей права. В этой связи подчеркнем, что корпоративные отношения подлежат регулированию прежде всего федеральными законами, а также многочисленными подзаконными актами различной юридической силы, а также локальными актами.

Представляется, что следует говорить о межотраслевом характере корпоративных отношений и корпоративного права, в котором сочетаются нормы частного и публичного права.

Следует согласиться с И.С. Шиткиной, которая отмечает, что корпоративное право – это институт предпринимательского права, поскольку оно представляет собой совокупность норм, которые при правовом регулировании общественных отношений, касающихся создания и деятельности корпораций, сочетают в себе частные и публичные методы [Шиткина, 2008, 15, 58].

При этом в данном определении корпоративного права слова, касающиеся правового регулирования общественных отношений при создании и деятельности корпораций, думается, размывают границы предмета регулирования корпоративного права.

Вышеуказанное позволяет сделать вывод, что содержание корпоративного права неоднородно, поскольку предметом корпоративных отношений выступают не только внутрифирменные отношения, но и отношения, затрагивающие другие области права. Они могут определять как внешние, так и внутренние корпоративные нормы.

Помимо того, что вопрос о корпоративном праве является предметом научных дискуссий, нет также единства в понимании терминов «корпорация», «корпоративные отношения». Не рассматривая данные понятия подробно, будучи ограниченные рамками настоящей статьи, отметим, что корпорации – это участники экономических отношений, а значит, они оказываются в поле воздействия методов правового регулирования как экономических процессов, так и общественных отношений. Причем тот факт, что корпорации оказываются участниками взаимосвязанных полей (правового и экономического), провоцирует конфликт интересов и заставляет искать компромисс в выборе методов регламентации их деятельности.

Следует отметить, что корпорации действительно сталкиваются с множеством разных интересов, что делает отсутствие конфликта в акционерном обществе практически невозможным. К таким интересам следует отнести интересы лиц, управляющих компанией, интересы акционеров, кредиторов, инвесторов.

Корпоративные отношения являются системой отношений, которые складываются между участниками корпораций и менеджментом (аппаратом управления), работающим в объединении коллективом, иными заинтересованными лицами.

Подытоживая, отметим, что в сфере действия корпоративного права в современных российских реалиях существует еще достаточно проблем. При этом российский законодатель при реформировании гражданского законодательства внедряет корпоративную терминологию в правовое пространство (например, ст. 2 ГК РФ, п. 3 ст. 48 ГК РФ; ст. 67.2 ГК РФ и т. д.).

Думается, что это будет способствовать развитию науки корпоративного права, поскольку

правовое регулирование корпоративного права как система организационного воздействия проходит ряд последовательных этапов:

1) появление и осознание необходимости правового регулирования;

2) выбор средств правового регулирования, т. е. формирование конкретного механизма правового регулирования;

3) разработка и принятие необходимых нормативных правовых актов (НПА);

4) следование отдельных субъектов системы правого регулирования принятым нормам;

5) закрепление в обществе конкретной системы правового регулирования, которая воспринимается субъектами как внутренний регулятор общественных отношений, а не навязанная извне модель.

Современному состоянию правового поля свойственен излишний формализм, мешающий пониманию реального положения вещей: взаимосвязи полей в едином социальном пространстве. Формализм в праве сегодня – это представление о правовом поле как о закрытой автономной системе, абсолютно независимой от внешних воздействия. Данное положение мешает полному отражению таких комплексных явлений, как, например, правовое регулирование корпоративных и экономических отношений, где тесно взаимоувязаны как минимум два поля – правовое и экономическое со своими ценностями, интересами и капиталами.

Выводы

1) Корпоративные отношения – урегулированные нормами права общественные отношения, которые возникают в связи с созданием, деятельностью и управлением корпорацией.
2) Чтобы определить сущность корпоративных отношений, необходимо прежде всего отметить, что корпорацией следует признавать предпринимательское объединение, которое отличается от товариществ более высокой степенью объединения.
3) Корпорации – это формы интеграции, кооперации и любого иного взаимодействия предпринимателей. Такие формы развивались параллельно с предпринимательством, поэтому на различных исторических этапах и в различных странах отражают его особенности.
4) Содержание корпоративного права неоднородно. Оно может определять, как внешние корпоративные нормы, так и внутренние корпоративные нормы.
5) Необходимо приравнять статус корпорации, ведущей предпринимательскую деятельность, к статусу акционерного общества с определенными структурными и функциональными параметрами, четко определенными в законе.

Библиография

1. Белов В.А. (ред.). Корпоративное право: Актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2009. 678 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон Рос. Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301
3. Гританс Я.М. Корпоративные отношения: правовое регулирование организационных форм. М.: Волтерс Клувер, 2005. 154 с.
4. Гущин В.В., Порошкина Ю.О., Сердюк Е.Б. Корпоративное право. 2-е изд. М.: Эксмо, 2009. 458 с.
5. Кашанина Т.В. Корпоративное право. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт; Высшее образование, 2010. 899 с.

6. Макарова О.А. Корпоративное право. М.: Волтерс Клувер, 2005. 648 с.
7. Мелькумянц А.В. Корпоративное право: конспект лекций. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 285 с.
8. О внесении дополнения в Федеральный закон «О некоммерческих организациях»: Федер. закон Рос. Федерации от 08.07.1999 № 140-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 12.07.1999. № 28. Ст. 3473.
9. О некоммерческих организациях: Федер. закон Рос. Федерации от 12.01.1996 № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 15.01.1996. № 3. Ст. 145.
10. Павлов Е.А., Еремичев И.А. Корпоративное право. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 400 с.
11. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 442 с.
12. Шиткина И.С. (ред.). Корпоративное право. М., 2008. 648 с.
13. Шиткина И.С. (ред.). Корпоративное право. М.: КНОРУС, 2015. 312 с.
14. Owen G., Kirchmaier T., Grant J. Corporate Governance in the US and Europe. Where are We Now? 2004. URL: http://www.untag- smd.ac.id/files/Perpustakaan_Digital_1/CORPORATE%20GOVERNANCE%20Corporate_ governance_in_the_us_and_europe-where_are_we_now.pdf

The problems of normative definitions of categories of corporate law of the Russian Federation

Pavel A. Rustamov

Student,
Higher School of State Audit,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1 Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: pavel.rustamov@inbox.ru

Abstract

This article deals with the problems of corporate law, which arising from the lack of single, general legal terminology in the studied field of law in connection with a number of changes faced by the Russian legal system at certain stages of its formation. The importance of this research, according to the author, consists in attempt to clear a number of the provisions connected with specifics of the corporate relations. The author concludes that it is necessary to speak about interindustry character of corporate law, in which norms of private and public law are combined. It is noticed that the content of corporate law is non-uniform as a subject of the corporate relations is not only the intra-corporate relations, but also the relations in other fields of law. It can define both external and internal corporate norms. It is necessary to equate the status of corporation, maintaining business activities, with the status of joint-stock companies with certain structural and functional parameters clearly defined in the law. Since there are several scientific points of view on the nature of corporate law and independence of the studied field of law as the formed separate institute of domestic civil science, disputes exists about the relevancy of norms to one or another of fields of jurisprudence.

For citation

Rustamov P.A. (2017) Problemy normativnogo opredeleniya kategorii korporativnogo prava Rossiiskoi Federatsii [The problems of normative definitions of categories of corporate law of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(12A), pp. 82-88.

Keywords

Corporate law, corporation, corporate relations, corporate management, business association, corporate standards, legal regulation.

References

1. Belov V.A. (ed.) (2009) *Korporativnoe pravo: Aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Corporate law: Current problems of theory and practice]. Moscow: Yurait Publ.
2. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya): feder. zakon Ros. Federatsii ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 29.12.2017) [Civil Code of the Russian Federation (part one): Federal Law of the Russian Federation No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on December 29, 2017)] (1994). *Sobranie zakonodatel'stva RF (St. 3301)* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 3301)], 32, 5th December,
3. Gritans Ya.M. (2005) *Korporativnye otnosheniya: pravovoe regulirovanie organizatsionnykh form* [Corporate relations: legal regulation of organizational forms]. Moscow: Volters Kluver Publ.
4. Gushchin V.V., Poroshkina Yu.O., Serdyuk E.B. (2009) *Korporativnoe pravo* [Corporate law], 2nd ed. Moscow: Eksmo Publ.
5. Kashanina T.V. (2010) *Korporativnoe pravo* [Corporate law], 5th ed. Moscow: Yurait; Vysshee obrazovanie Publ.
6. Makarova O.A. (2005) *Korporativnoe pravo* [Corporate law]. Moscow: Volters Kluver Publ.
7. Mel'kumyants A.V. (2007) Korporativnoe pravo [Corporate law]. Rostov-on-Don: Feniks Publ.
8. O nekommercheskikh organizatsiyakh: Feder. zakon Ros. Federatsii ot 12.01.1996 № 7-FZ [On non-profit organizations: Federal Law of the Russian Federation No. 7-FZ of January 12, 1996] (1996). *Sobranie zakonodatel'stva RF* (St. 145) [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 145)], 3, 15th January.
9. O vnesenii dopolneniya v Federal'nyi zakon "O nekommercheskikh organizatsiyakh": feder. zakon Ros. Federatsii ot 08.07.1999 № 140-FZ [About entering of addition into the Federal Law "On noncommercial organizations" fader. Federal Law of the Russian Federation No. 140-FZ of July 08, 1999] (1999). *Sobranie zakonodatel'stva RF* (St. 3473) [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 3473)], 28, 12th July.
10. Owen G., Kirchmaier T., Grant J. (2004) *Corporate Governance in the US and Europe. Where are We Now?* Available at: http://www.untag-smd.ac.id/files/Perpustakaan_Digital_1/CORPORATE%20GOVERNANCE%20Corporate_governance_in_the_us_and_europe-where_are_we_now.pdf [Accessed 17/12/17].
11. Pavlov E.A., Eremichev I.A. (2015) *Korporativnoe pravo* [Corporate law], 2nd ed. Moscow: YuNITI-DANA Publ.
12. Shitkina I.S. (ed.) (2008) *Korporativnoe pravo* [Corporate law]. Moscow. 648 s.
13. Shitkina I.S. (ed.) (2015) *Korporativnoe pravo* [Corporate law]. Moscow: KNORUS Publ.
14. Tikhomirov M.N., Epifanov P.P. (1961) *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* [Council code of 1649]. Moscow: Publishing house of Moscow University.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.63

Выявление мнения ребенка в спорах о воспитании детей: некоторые ценностно-теоретические и практические аспекты

Якушев Павел Алексеевич

Судья Владимирского областного суда,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Судебная деятельность»,
Владимирский государственный университет,
600000, Российская Федерация, Владимир, ул. Горького, 87;
e-mail: Yakushev.PA@yandex.ru

Аннотация

Выявление мнения ребенка при рассмотрении споров о воспитании детей – сравнительно новый правовой институт семейного и гражданского процессуального права, учитывая, что на протяжении столетий мнению ребенка юридического значения не придавалось. Несмотря на наличие разъяснений Верховного Суда Российской Федерации относительно порядка выявления судами мнения детей, в судебной практике возникают вопросы как о содержании права ребенка на выражение своего мнения, так и о процедуре его реализации. Автор на основе анализа судебной практики рассматривает процессуальные вопросы, связанные с выявлением мнения ребенка; приводятся рекомендации по их разрешению, также предлагаются изменения в действующее законодательство, направленные на обеспечение прав и законных интересов ребенка при выявлении его мнения в гражданском процессе. В настоящей статье проанализированы вопросы, возникающие в судебной практике, при выявлении мнения ребенка, а также приведены рекомендации по их разрешению как с позиций действующего семейного и гражданского процессуального законодательства, так и исходя из традиционных семейных ценностей. Избираемый судом способ выявления мнения ребенка должен максимально соответствовать интересам ребенка. Кроме того, наряду с неукоснительным соблюдением норм процессуального права судья, выявляя мнение ребенка, должен также оперировать знаниями в области педагогики, психологии, психиатрии, руководствоваться не только нормами права, но и представлениями о семейных ценностях, моральными установками и иными социальными регуляторами.

Для цитирования в научных исследованиях

Якушев П.А. Выявление мнения ребенка в спорах о воспитании детей: некоторые ценностно-теоретические и практические аспекты // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 12А. С. 89-97.

Ключевые слова

Мнение ребенка, семейные споры, традиционные ценности, права ребенка, доказательства в гражданском процессе, процессуальная правосубъектность.

Введение

На протяжении столетий мнение ребенка при рассмотрении вопросов, связанных с его воспитанием, не имело правового значения, ребенок рассматривался исключительно как объект родительской власти [Федорова, 2014, 78]. В Домострое – своде нравственных правил XVI века – отмечалось, что ребенка необходимо воспитывать в запретах, «в малом послабишь – в большом пострадаешь» [Домострой, 2015, 24]. В дореволюционном российском гражданском законодательстве мнение детей выявлялось при усыновлении ребенка, достигшего 14 лет [Свод Законов Российской Империи, 1912, 16]. В статье 63 Кодекса законов о браке, семье и опеке 1926 года предусматривалось, что усыновление детей, достигших десятилетнего возраста, без их согласия не допускается [Кодекс законов о браке, семье и опеке, 1926, 612].

Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 года устанавливал необходимость учета мнения ребенка по целому ряду вопросов: при усыновлении, если ребенок достиг десятилетнего возраста (статья 103); при присвоении фамилии и отчества, изменении имени усыновляемого, достигшего десятилетнего возраста (статья 105); при назначении опекуна или попечителя (статья 126) и др. [Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 года].

В статье 12 Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для России 15.09.1990) указано, что ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, должно быть обеспечено право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка. С этой целью ребенку, в частности, предоставляется возможность быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка, либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган в порядке, предусмотренном процессуальными нормами национального законодательства.

Согласно статье 57 Семейного кодекса Российской Федерации (далее также СК РФ) ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. В случаях, предусмотренных ст. ст. 59, 72, 132, 134, 136, 143, 145 СК РФ, органы опеки и попечительства или суд могут принять решение только с согласия ребенка, достигшего возраста десяти лет.

Вместе с тем реализация приведенных требований международного и российского законодательства сопряжена с возникновением ряда вопросов, связанных как с содержанием права ребенка на выражение своего мнения, так и с процедурой его выявления.

В настоящей статье на основе анализа судебной практики рассматриваются процессуальные вопросы, связанные с выявлением мнения ребенка, приводятся рекомендации по их разрешению, также предлагаются изменения в действующее законодательство, направленные на обеспечение прав и законных интересов ребенка при выявлении его мнения в гражданском процессе.

Процессуальные особенности выявления мнения ребенка

Отдельные разъяснения, касающиеся порядка выявления мнения детей при рассмотрении судами споров об их воспитании, содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (далее – постановление Пленума ВС РФ

от 27 мая 1998 г. № 10), а также в утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20.07.2011 Обзоре практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (далее также – Обзор ВС РФ от 20 июля 2011 г.).

В пункте 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (далее – постановление Пленума ВС РФ от 27 мая 1998 г. № 10) разъясняется, что если при разрешении спора, связанного с воспитанием детей, суд придет к выводу о необходимости опроса в судебном заседании несовершеннолетнего в целях выяснения его мнения по рассматриваемому вопросу, то следует предварительно выяснить мнение органа опеки и попечительства о том, не окажет ли неблагоприятного воздействия не ребенка его присутствие в суде.

Проведенный автором анализ судебной практики рассмотрения дел о воспитании детей, выявил ряд вопросов, связанных с процедурой выявления мнения детей, в связи с чем нами предлагаются следующие рекомендации.

1. Мнение ребенка, достигшего возраста десяти лет, должно выявляться посредством его опроса в судебном заседании, если нет заключения органа опеки и попечительства о том, что присутствие ребенка в суде окажет на него неблагоприятное воздействие.

В некоторых случаях суды не заслушивают мнение ребенка, достигшего десяти лет, непосредственно в судебном заседании, не указывая причин, по которым ребенок не был опрошен судом.

Так, при рассмотрении дела по иску М. к И. об определении места жительства шестнадцатилетнего Д., Судогодский районный суд Владимирской области исследовал лишь мнение ребенка, указанное в акте обследования жилищный условий. Сам несовершеннолетний в судебное заседание не вызывался [Дело № 2-219/2016]. Такой подход полагаем неправильным, противоречащим статье 57 СК РФ.

Если же на стадии подготовки дела к судебному разбирательству орган опеки и попечительства придет к выводу о том, что присутствие ребенка в судебном заседании окажет на него неблагоприятное воздействие, то ребенок должен опрашиваться в другом месте, поскольку, как отмечает А.М. Нечаева, в суде даже в присутствии педагога несовершеннолетнему наносится душевная травма, «которая не становится меньше в ожидании судебного процесса» [Нечаева, 2016, 16-17].

Отметим, что ранее в пункте 45 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 21.02.1973 № 3 «О некоторых вопросах, возникших в практике применения судами Кодекса о браке и семье РСФСР» разъяснялось, что в тех случаях, когда суд признает необходимым опросить ребенка, следует производить такой опрос вне зала судебного заседания в присутствии педагога либо классного руководителя, воспитателя детского сада и т.п. [Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 21.02.1973].

2. Опрос ребенка в судебном заседании необходимо производить с обязательным участием педагога.

Несмотря на то, что данное разъяснение содержится в пункте 20 постановления Пленума ВС РФ от 27 мая 1998 № 10, некоторые суды допускают процессуальные нарушения и опрашивают ребенка в отсутствие педагога.

Так, при рассмотрении Ковровским городским судом Владимирской области дела по иску Н. к Ч. об установлении места жительства ребенка двенадцатилетняя Ю. опрашивалась в судебном заседании в отсутствие педагога [Дело № 2-14-2011-1].

В судебном заседании 03.12.2015 при рассмотрении Октябрьским районным судом г. Владимира дела по иску К. к Ю. об определении порядка общения с ребенком одиннадцатилетняя Я. опрашивалась в отсутствие педагога [Дело № 2-4534/2015].

3. При опросе в судебном заседании детей в протоколе судебного заседания должна содержаться информация о том, в присутствии каких лиц производится опрос.

Так, в протоколе судебного заседания Фрунзенского районного суда г. Владимира от 26.10.2015 по делу по иску В. к Н. об определении места жительства ребенка указано, что суд, совещаясь на месте, определил допросить несовершеннолетнюю Т. (13 лет) в отсутствие истца и ответчика в присутствии педагога-психолога С. [Дело № 2-1726/2015].

Вместе с тем в некоторых протоколах судебных заседаний не содержится информация о том, в присутствии каких лиц производится опрос.

Так, из протокола судебного заседания Муромского городского суда от 12.02.2015 по делу по иску Н. к Б. об определении места жительства ребенка не усматривается, в присутствии каких лиц, кроме педагога, проводился опрос тринадцатилетней Е., в частности удалялись ли родители из зала судебных заседаний [Дело № 2-191/2015].

Подобную практику с учетом разъяснений, содержащихся в абзаце двадцать втором раздела шестого «Рассмотрение судами дел об определении места жительства детей при раздельном проживании родителей» Обзора ВС РФ от 20 июля 2011 г., нельзя признать правильной.

4. Мнение ребенка, не достигшего возраста десяти лет, может быть выявлено органом опеки и попечительства, педагогами или воспитателями детских учреждений по месту учебы или нахождения ребенка, социальными педагогами школы, в ходе проведения судебной экспертизы.

На возможность выявления мнения ребенка названными способами указано в абзаце двадцатом раздела шестого «Рассмотрение судами дел об определении места жительства детей при раздельном проживании родителей» Обзора ВС РФ от 20 июля 2011 г.

Так, при рассмотрении дела по иску Д. к В. об определении места жительства шестилетнего сына Гусь-Хрустальный городской суд поручил специалисту-психологу управления образования администрации Муниципального образования Гусь-Хрустальный район провести опрос несовершеннолетнего с целью выявления эмоционально-психологической привязанности ребенка к каждому из родителей, установив срок предоставления заключения. Специалистом управления образования было проведено исследование, которое в письменном виде представлено в суд [Дело № 2-1186/2014].

5. При выявлении мнения ребенка необходимо устанавливать, не является ли мнение ребенка следствием воздействия на него одного из родителей или других заинтересованных лиц, осознает ли ребенок свои собственные интересы при выражении этого мнения и как он его обосновывает.

На данное обстоятельство указано в абзаце третьем пункта 20 постановления Пленума ВС РФ от 27 мая 1998 г. № 10 и абзаце тридцатом раздела шестого «Рассмотрение судами дела об определении места жительства детей при раздельном проживании родителей» Обзора ВС РФ от 20 июля 2011 г.

Так, в решении Муромского городского суда Владимирской области от 14.10.2015 по делу № 1789/2015 по иску З.Е. к З.Н. об определении места жительства детей подробно анализируются условия формирования мнения несовершеннолетних А., 2001 года рождения, и С., 2002 года рождения, которые в судебном заседании выразили желание остаться жить с отцом, объяснив это тем, что мать проживает с отчимом, вместе выпивают, отчим поднимает на них руку, они его боятся, мать бывает агрессивной; когда жили с матерью, в доме часто не было

еды; им нравится жить с папой, они стали лучше учится, поскольку папа занимается с ними. Мнение несовершеннолетних суд мотивированно принял во внимание, указав, что оно высказано с учетом собственных интересов детей и объективной ситуации в семье.

При этом в юридической литературе отмечается, что наряду с педагогом целесообразно привлечение к участию в опросе несовершеннолетнего также психолога, который поможет сгладить влияние посторонних факторов на эмоциональную сферу ребенка, что позволит объективнее установить его действительную волю [Шахова, 2012, 122].

Кроме того, возможно использование систем видеоконференцсвязи для выявления мнения ребенка.

Рекомендации по совершенствованию законодательства

Представляется, что в целях повышения уровня защиты прав и интересов детей при выявлении их мнения в судебном заседании необходимо на законодательном уровне установить процессуальный порядок опроса ребенка, достигшего возраста десяти лет, для чего внести изменения в статью 57 СК РФ, дополнив ее следующими положениями:

-мнение ребенка, достигшего возраста десяти лет, должно выявляться посредством его опроса в судебном заседании, если нет заключения органа опеки и попечительства о том, что присутствие ребенка в суде окажет на него неблагоприятное воздействие. Заключение о воздействии на ребенка его присутствия в суде должно быть подготовлено органом опеки и попечительства при подготовке дела к судебному разбирательству;

-опрос ребенка в судебном заседании необходимо производить с обязательным участием педагога и, при необходимости, - психолога;

-при опросе в судебном заседании детей в протоколе судебного заседания должна содержаться информация о том, в присутствии каких лиц производится опрос;

-мнение ребенка, не достигшего возраста десяти лет, может быть выявлено органом опеки и попечительства, педагогами или воспитателями детских учреждений по месту учебы или нахождения ребенка, социальными педагогами школы, в ходе проведения судебной экспертизы;

-при выявлении мнения ребенка могут применяться средства видеоконференцсвязи.

Приведенные положения могут быть структурированы в новую статью 174.1 «Опрос ребенка по делам, связанным с воспитанием детей», которой целесообразно дополнить Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации.

Заключение

В настоящей статье проанализированы вопросы, возникающие в судебной практике, при выявлении мнения ребенка, а также приведены рекомендации по их разрешению как с позиций действующего семейного и гражданского процессуального законодательства, так и исходя из традиционных семейных ценностей.

Избираемый судом способ выявления мнения ребенка должен максимально соответствовать интересам ребенка.

Кроме того, наряду с неукоснительным соблюдением норм процессуального права судья, выявляя мнение ребенка, должен также оперировать знаниями в области педагогики, психологии, психиатрии, руководствоваться не только нормами права, но и представлениями о семейных ценностях, моральными установками и иными социальными регуляторами.

Библиография

1. Беспалов Ю.Ф. Защита гражданских и семейных прав ребенка в Российской Федерации. М.: Ось-89, 2004. 192 с.
2. Беспалов Ю.Ф. Семейные правоотношения с участием ребенка // Семейное и жилищное право. 2015. № 1. С. 3-7.
3. Дело № 2-219/2016 // Архив Судогодского районного суда Владимирской области.
4. Дело № 2-14-2011-1 // Архив Ковровского городского суда Владимирской области.
5. Дело № 2-4534/2015 // Архив Октябрьского районного суда г. Владимира.
6. Дело № 2-1726/2015 // Архив Фрунзенского районного суда г. Владимира.
7. Дело № 2-191/2015 // Архив Муромского городского суда Владимирской области.
8. Дело № 2-1186/2014 // Архив Гусь-Хрустального городского суда Владимирской области.
9. Дело № 2-1789/2015 // Архив Муромского городского суда Владимирской области.
10. Домострой. М: АСТ, 2015. 288 с.
11. Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 года // Собрание Узаконений РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.
12. Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.
13. Корбут Л.В. Международно-правовые вопросы классификации прав детей // Евразийский юридический журнал. 2012. № 49. С. 19-23.
14. Кравчук Н.В. Законодательное регулирование учета мнения ребенка в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 11. С. 54-59.
15. Левушкин А.Н., Серебрякова А.А. Семейное право. Ульяновск: УлГУ, 2011. 368 с.
16. Максимович Л.Б. О праве ребенка выражать свое мнение // Проблемы гражданского, семейного и жилищного законодательства. М.: Городец, 2005. С. 58-70.
17. Нечаева А.М. Споры о неделимом // Российская юстиция. 2016. № 2. С. 15-18.
18. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20.07.2011) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 7.
19. Пирогова Е.Е. Проблемы реализации права ребенка выражать свое мнение в суде по делам о защите его прав // Семейное и жилищное право. 2016. № 3. С. 10-13.
20. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 21.02.1973 № 3 «О некоторых вопросах, возникших в практике применения судами Кодекса о браке и семье РСФСР» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации 1961 – 1993. М.: Юридическая литература, 1994.
21. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 7.
22. Пчелинцева Л.М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 848 с.
23. Райкунова А.Г. Правосубъектность несовершеннолетних в области семейных личных неимущественных отношений // Семейное и жилищное право. 2005. № 1 С. 7.
24. Свод Законов Российской Империи. Том X. Часть I «Свод Законов Гражданских». Книга I «О правах и обязанностях семейственных». Раздел II «О союзе родителей и детей и союзе родственном» Глава I «О детях законных, незаконных и усыновленных». Отделение V. Статья 149. СПб., 1912. С. 16.
25. Толстикова О.М., Белоусова Н.Н. Правовое регулирование реализации права ребенка выражать свое мнение (проблемы теории и практики) // Сибирский юридический вестник. 2016. № 2 (73). С. 78-82.
26. Федорова Л.Ф. О проблемах реализации права ребенка на выражение своего мнения // Евразийская адвокатура. 2014. № 5 (12). С. 78-84.
27. Фиошин А.В. Оценочные понятия в нормах о правах родителей и детей // Нотариус. 2016. № 2. С. 5-8.
28. Шахова Е.С. Реализация права ребенка выражать свое мнение в российском законодательстве // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 5 (44). Ч. 1. С. 120-123.

Identifying the opinion of a child in disputes about parenting: some of the value-theoretical and practical aspects

Pavel A. Yakushev

Judge of the Vladimir regional court,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of Judicial activities department,
Vladimir State University,
600000, 87, Gor'kogo str., Vladimir, Russian Federation;
e-mail: Yakushev.PA@yandex.ru

Abstract

The identification of the child's opinion in the consideration of disputes about the upbringing of children is a relatively new legal institution of family and civil procedural law. Despite the clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation on the procedure for the courts to identify the views of children, the judicial practice raises questions about both the content of the child's right to express his opinion and the procedure for its implementation. The author, on the basis of the analysis of judicial practice, considers procedural issues related to the identification of the child's opinion; recommendations for their resolution are given, and changes are proposed to the current legislation aimed at ensuring the rights and legitimate interests of the child in identifying his opinion in the civil process. This article analyzes the issues arising in the judicial practice, when the opinion of the child is revealed, and also provides recommendations for their resolution both from the perspective of the current family and civil procedural legislation and based on traditional family values. The way to identify the child's opinion should be as appropriate to the child's interests as possible. In addition, along with strict adherence to the rules of procedural law, the judge should also use knowledge in the field of pedagogy, psychology, and psychiatry, and be guided not only by the rules of law, but also by ideas about family values, moral attitudes and other social regulators.

For citation

Yakushev P.A. (2017) Vyyavlenie mneniya rebenka v sporakh o vospitanii detei: nekotorye tsennostno-teoreticheskie i prakticheskie aspekty [Identifying the opinion of a child in disputes about parenting: some of the value-theoretical and practical aspects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(12A), pp. 89-97.

Keywords

Opinion of a child, family disputes, traditional values, the rights of a child, evidence in civil proceedings, procedure personality.

References

1. Bespalov Yu.F. (2004) *Zashchita grazhdanskikh i semeinykh prav rebenka v Rossiiskoi Federatsii* [Protection of civil and family rights of the child in the Russian Federation]. Moscow: Os'-89 Publ.
2. Bespalov Yu.F. (2015) Semeinye pravootnosheniya s uchastiem rebenka [Family legal relations with the participation of a child]. *Semeinoe i zhilishchnoe parvo* [Family and Housing Law], 1, pp. 3-7.
3. *Delo № 2-219/2016. Arkhiv Sudogodskogo raionnogo suda Vladimirskoi oblasti* [Case No. 2-219/2016. Archives of the Sudogodsky District Court of the Vladimir Region].

4. *Delo № 2-14-2011-1. Arkhiv Kovrovskogo gorodskogo suda Vladimirskoi oblasti* [Case No. 2-14-2011-1. Archive of the Kovrov city court of the Vladimir region].
5. *Delo № 2-4534/2015. Arkhiv Oktyabr'skogo raionnogo suda g. Vladimira* [Case No. 2-4534/2015. Archives of the Oktyabrsky District Court of Vladimir].
6. *Delo № 2-1726/2015. Arkhiv Frunzenskogo raionnogo suda g. Vladimira* [Case No. 2-1726/2015. Archive of the Frunzensky District Court of Vladimir].
7. *Delo № 2-191/2015. Arkhiv Muromskogo gorodskogo suda Vladimirskoi oblasti* [Case No. 2-191/2015. Archive of the Murom City Court of the Vladimir Region].
8. *Delo № 2-1186/2014. Arkhiv Gus'-Khrustal'nogo gorodskogo suda Vladimirskoi oblasti* [Case No. 2-1186 / 2014 // Archives of the Gus-Crystal City Court of the Vladimir Region].
9. *Delo № 2-1789/2015. Arkhiv Muromskogo gorodskogo suda Vladimirskoi oblasti* [Case No. 2-1789/2015. Archive of the Murom City Court of the Vladimir Region].
10. (2015) *Domostroi*. Moscow: AST Publ.
11. Fedorova L.F. (2014) O problemakh realizatsii prava rebenka na vyrazhenie svoego mneniya [On the problems of realization of the child's right to express one's opinion]. *Evraziiskaya advokatura* [Eurasian Advocacy], 5 (12), pp. 78-84.
12. Fioshin A.V. (2016) Otsenochnye ponyatiya v normakh o pravakh roditelei i detei [Estimating concepts in the norms on the rights of parents and children]. *Notarius* [Notary], 2, pp. 5-8.
13. *Kodeks zakonov o brake, sem'e i opeke 1926 goda. Sobranie Uzakonenii RSFSR. 1926. № 82. St. 612* [The Code of Laws on Marriage, Family and Guardianship of 1926. Collected Legislation of the RSFSR. 1926. № 82. Art. 612].
14. *Kodeks o brake i sem'e RSFSR 1969 goda. Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR. 1969. № 32. St. 1086* [ode of Marriage and Family of the RSFSR in 1969 // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1969. № 32. Art. 1086].
15. Korbut L.V. (2012) Mezhdunarodno-pravovye voprosy klassifikatsii prav detei [International legal issues of the classification of children's rights]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal], 49, pp. 19-23.
16. Kravchuk N.V. (2012) Zakonodatel'noe regulirovanie ucheta mneniya rebenka v Rossiiskoi Federatsii [Legislative regulation of the account of the opinion of the child in the Russian Federation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 11, pp. 54-59.
17. Levushkin A.N., Serebryakova A.A. (2011) *Semeinoe parvo* [Family law]. Ul'yanovsk: UlSU.
18. Maksimovich L.B. (2005) O prave rebenka vyrazhat' svoe mnenie [On the right of the child to express his opinion]. *Problemy grazhdanskogo, semeinogo i zhilishchnogo zakonodatel'stva* [Problems of civil, family and housing legislation]. Moscow: Gorodets Publ.
19. Nechaeva A.M. (2016) Spory o nedelimom [Disputes about the indivisible]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2, pp. 15-18.
20. (2012) Obzor praktiki razresheniya sudami sporov, svyazannykh s vospitaniem detei (utverzhden Prezidiumom Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii 20.07.2011) [Review of the practice of courts' resolution of disputes related to the upbringing of children (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 20, 2011)]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 7.
21. Pirogova E.E. (2016) Problemy realizatsii prava rebenka vyrazhat' svoe mnenie v sude po delam o zashchite ego prav [Problems of realization of the right of the child to express his opinion in court on cases on protection of his rights]. *Semeinoe i zhilishchnoe parvo* [Family and housing law], 3, pp. 10-13.
22. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RSFSR ot 21.02.1973 № 3 «O nekotorykh voprosakh, voznikshikh v praktike primeneniya sudami Kodeksa o brake i sem'e RSFSR» [Decision of the Plenum of the Supreme Court of the RSFSR of February 21, 1973 No. 3 "On some issues that arose in the practice of the application of the Code of Marriage and Family of the RSFSR by the courts"]. In: *Sbornik postanovlenii Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii 1961 – 1993* [Collection of Decrees of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation 1961 - 1993]. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ.
23. (1998) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 27.05.1998 № 10 «O primenenii sudami zakonodatel'stva pri razreshenii sporov, svyazannykh s vospitaniem detei» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.05.1998 No. 10 "On the application by courts of legislation in resolving disputes related to the upbringing of children"]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 7.
24. Pchelintseva L.M. (2011) *Kommentarii k Semeinomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the Family Code of the Russian Federation]. Moscow: Norma: INFRA-M Publ.

25. Raikunova A.G. (2005) Pravosub"ektnost' nesovershennoletnikh v oblasti semeinykh lichnykh neimushchestvennykh otnoshenii [Legal personality of minors in the sphere of family personal non-property relations]. *Semeinoe i zhilishchnoe parvo* [Family and housing law], 1, p. 7.
26. Shakhova E.S. (2012) Realizatsiya prava rebenka vyrazhat' svoe mnenie v rossiiskom zakonodatel'stve [Realization of the right of the child to express his opinion in the Russian legislation]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta* [Proc. of SWSU], 5 (44), 1, pp. 120-123
27. (1912) *Svod Zakonov Rossiiskoi Imperii. Tom X. Chast' I «Svod Zakonov Grazhdanskikh». Kniga I «O pravakh i obyazannostyakh semeistvennykh». Razdel II «O soyuze roditelei i detei i soyuze rodstvennom» Glava I «O detyakh zakonnykh, nezakonnykh i usynovlennykh». Otdelenie V. Stat'ya 149* [Code of Laws of the Russian Empire. Volume X. Part I "Code of Laws of Civil." Book I "On the rights and duties of family". Section II "On the Union of Parents and Children and the Union of Relatives" Chapter I "On children of lawful, illegal and adopted children". Branch V. Article 149]. St. Petersburg.
28. Tolstikova O.M., Belousova N.N. (2016) Pravovoe regulirovanie realizatsii prava rebenka vyrazhat' svoe mnenie (problemy teorii i praktiki) [Legal regulation of the realization of the right of the child to express his opinion (problems of theory and practice)]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik* [Siberian legal bulletin], 2 (73), pp. 78-82.

УДК 34

Становление и развитие административного судопроизводства в Кыргызской Республике: историко-правовые аспекты

Акматов Азамат Джусупбекович

Соискатель,
Кыргызская государственная юридическая академия,
720001, Кыргызская Республика, Бишкек, проспект Чуй, 180а;
e-mail: azamat17@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены актуальные вопросы становления и развития институтов административного судопроизводства и административной ответственности в Кыргызской Республике. Проанализированы исторические аспекты развития административного судопроизводства. Рассмотрен опыт реформирования институтов административного судопроизводства в Российской Федерации, в частности их судебная практика. Автор отмечает, что Кыргызская Республика имеет свой накопленный опыт реализации всех форм судопроизводства, в том числе и административного. Однако действующее законодательство не позволяет в полной мере утверждать, что институт административного судопроизводства отвечает его целям и назначению. Обеспечение в Кыргызской Республике полноценной системы осуществления административного судопроизводства не может быть сведено к разовым мерам. Необходимо разработать общую концепцию, определить объем административной юрисдикции, разработать и принять комплекс законов, ввести новые процедуры, сформировать систему административных судов, подготовить специальные судейские кадры.

Для цитирования в научных исследованиях

Акматов А.Д. Становление и развитие административного судопроизводства в Кыргызской Республике: историко-правовые аспекты // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 12А. С. 98-110.

Ключевые слова

Публично-правовые отношения, административно-правовой спор, административное судопроизводство, административно-процессуальное право, административный суд.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

Изучение вопроса о становлении и развитии административного судопроизводства в Кыргызской Республике в свете новых тенденций понимания предмета и сущности административного судопроизводства является сложным. Это обусловлено целым рядом обстоятельств. Самым главным и существенным из них является отсутствие единого понимания принципиальных вопросов административного судопроизводства как составной части административного права. Отдельными специалистами дается новая трактовка традиционным институтам административного права, в частности институту административной ответственности [Сатаров, Иманалиев, www]. Согласно их мнению, вопросы регулирования ответственности частного лица за совершение мелкого правонарушения должны быть выведены из института административно-правовых отношений и рассматриваться больше в плоскости отношений, регулируемых уголовным законодательством.

Административное судопроизводство неразрывно связано с такими понятиями, как административный процесс и административно-процессуальное право, которые, в свою очередь, порождают много вопросов. По мнению Б.Н. Гарбачиддзе, Б.П. Елисеева, «вопрос об административном процессе является едва ли одним из самых дискуссионных в юридической науке. Значительная часть юристов не признают административный процесс в качестве самостоятельной отрасли права, как это делается в отношении уголовного и гражданского процесса, хотя почти все административисты так или иначе касаются его, но с самыми различными оговорками или комментариями» [Габричиддзе, Елисеев, 1998]. Возникает также вопрос о месте административно-процессуального права в системе правовых отраслей и правовых наук.

Становление и развитие институтов административного судопроизводства в Кыргызской Республике

Современное административное право Кыргызской Республики является наследием советского административного права, которое имеет свою историю развития и обладает определенными особенностями. Поэтому естественно, что институты административного права, в частности административное судопроизводство, также имеют свою специфику. Это подтверждается наличием различных нормативных правовых актов, которые регулировали вопросы административного судопроизводства в советское время, а также актов, которые регулируют эти вопросы в наши дни. Изучение данных нормативных правовых актов позволяет увидеть формирование как самого административного судопроизводства, так и его отдельных элементов.

Принимая во внимание, что в административном праве пока нет достаточной теоретической базы административного судопроизводства, под административным судопроизводством будем понимать совокупность административно-процессуальных норм, которые регулируют общественные отношения при возникновении административно-правового спора (конфликта). При этом административное судопроизводство выступает как *комплексный межотраслевой институт*, регулируемый в процессуальном плане двумя кодексами: Гражданским процессуальным кодексом Кыргызской Республики и Кодексом Кыргызской Республики об административной ответственности. Административное судопроизводство осуществляется посредством административно-правовых норм, содержащихся в различных нормативных правовых актах.

Историко-правовые аспекты административного судопроизводства наиболее четко прослеживаются при анализе главного нормативно-правового документа Кыргызской Республики – ее конституции. Изменения, вносимые в Конституцию (новые редакции), а также в законодательство страны позволяют с определенной уверенностью судить об этапах становления института административного судопроизводства в тот или иной исторический период.

В Конституции Киргизской ССР, утвержденной Чрезвычайным V съездом Советов Киргизской ССР от 23 марта 1937 года, в статьях 77-84 была впервые закреплена судебная защита гражданина. В указанных статьях были изложены основные принципы отправления правосудия в Республике. Это касалось прежде всего уголовного и гражданского судопроизводства.

Институт судебной защиты по административным делам получил свое развитие после принятия Указа Президиума Верховного Совета Киргизской ССР от 6 апреля 1962 года «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке», который предоставил право лицам, подвергнутым штрафу в административном порядке, обжаловать постановление о наложении штрафа в судебном порядке. Здесь можно отметить также Указ Президиума Верховного Совета Киргизской ССР от 2 сентября 1968 года «Об усилении административной ответственности за нарушение правил движения по улицам городов, населенных пунктов и дорогам и правил пользования транспортными средствами». На основании этого Указа водители, лишенные прав за управление транспортными средствами в нетрезвом состоянии, получили право на защиту в судебном порядке.

Другим важным нормативно-правовым актом стал Закон СССР от 8 августа 1961 года «Об утверждении Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик», который вступил в силу с 1 мая 1962 года. Благодаря данному акту на законодательном уровне был установлен порядок рассмотрения дел, возникающих из административно-правовых отношений. Так, согласно статье 1 указанного Закона, «порядок производства по гражданским делам определяется настоящими Основами и издаваемыми в соответствии с ними другими законами Союза ССР, и гражданскими процессуальными кодексами союзных республик. Законодательство о гражданском судопроизводстве устанавливает порядок рассмотрения дел по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых и колхозных правоотношений, дел, возникающих из административно-правовых отношений, и дел особого производства. Дела, возникающие из административно-правовых отношений, и дела особого производства рассматриваются по общим правилам судопроизводства за отдельными изъятиями, установленными законодательством Союза ССР и союзных республик» [Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, www]. Согласно статье 2 Закона, судам подведомственны дела по жалобам на неправильности в списках избирателей, на действия органов и должностных лиц в связи с наложением административных взысканий, другие дела, возникающие из административно-правовых отношений, дела по жалобам на неправомерные действия должностных лиц, ущемляющие права граждан, отнесенные законом к компетенции судов.

В последующем в соответствии с Основами гражданского судопроизводства ССР и союзных республик был принят Гражданский процессуальный кодекс Киргизской ССР от 30 июля 1964 года, в котором были отражены вышеуказанные нормы, регулирующие рассмотрение дел, возникающих из административно-правовых отношений. Отмечая определенную прогрессивность в развитии института судебной защиты по делам, вытекающим из административных правоотношений, в тот период, Гражданский процессуальный кодекс

Киргизской ССР предусматривал все же ограниченный перечень дел, которые могли быть предметом оспаривания.

В соответствии со статьей 241-2 Гражданско-процессуального кодекса Киргизской ССР, в перечень действий органов государственного управления и должностных лиц, подлежащих судебному обжалованию, входили действия, связанные, в частности, с отказом гражданам в прописке; постановке на учет по улучшению жилищных условий, снятии с такого учета; приватизации жилого дома, квартиры; в выделении земельного участка; регистрации предпринимательской деятельности; в регистрации транспортных средств; регистрации строения в бюро технической инвентаризации; выдаче разрешения на приобретение и хранение охотничьего оружия; зачислении детей в дошкольные или школьные учреждения; выдаче документов о праве на дополнительную жилую площадь по состоянию здоровья; выдаче справок и документов из жилищно-эксплуатационных организаций; выдаче или свидетельствовании копий документов, касающихся прав обратившихся граждан.

Также важно обратить внимание на то, что акты органов государственного управления и должностных лиц, имеющие нормативный характер, не подлежали судебному обжалованию в соответствии с нормами Гражданско-процессуального кодекса Киргизской ССР.

С принятием 20 апреля 1978 года Конституции Киргизской ССР было закреплено конституционное право на обжалование неправомерных действий должностных лиц и государственных органов. Так, в соответствии со статьей 56 Конституции, «граждане Киргизской ССР имеют право обжаловать действия должностных лиц, государственных и общественных органов. Жалобы должны быть рассмотрены в порядке и в сроки, установленные законом. Действия должностных лиц, совершенные с нарушением закона, с превышением полномочий, ущемляющие права граждан, могут быть в установленном законом порядке обжалованы в суд. Граждане Киргизской ССР имеют право на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» [Конституция Киргизской Советской Социалистической Республики, www].

Вместе с тем конституционное право на обжалование гражданами неправомерных действий должностных лиц и государственных органов, не указанных в других законодательных актах, например, Гражданско-процессуальном кодексе Киргизской ССР, на практике не было реализовано, так как не был закреплен механизм реализации прав в виде конкретных законов.

Указанные механизмы были заложены после принятия в 1987 году Верховным Советом СССР Закона «О порядке обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан» и 2 ноября 1989 года Закона ССР «О порядке обжалования в суд неправомерных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан». Данные законодательные акты нашли свое отражение в Гражданско-процессуальном кодексе Киргизской ССР.

Очень важное значение для развития административного права имело принятие 23 октября 1980 года Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях, которые были введены в действие с 1 марта 1981 года. Основы – это первый общесоюзный законодательный акт кодифицированного характера по вопросам административной ответственности и административного принуждения в целом.

До принятия Основ об административных правонарушениях все иные виды юридической ответственности в Советском государстве регламентировались Основами (Основы гражданского законодательства, Основы законодательства о труде, Основы уголовного законодательства), которые фактически являлись конституционными законами, а

административная ответственность регулировалась «обычными» законами, и то лишь фрагментарно. Отнесение законодательного акта об административной ответственности к категории Основ свидетельствует о стремлении Советского государства в максимальной степени упорядочить общественные отношения в сфере административной ответственности, повысить ее роль как важного правоохранительного средства.

В соответствии с вышеуказанными Основами был принят Кодекс Киргизской ССР об административных правонарушениях от 7 ноября 1984 года. Кодекс об административной ответственности включал в себя главу 22, в которой был заложен порядок обжалования и опротестования постановления по делу об административном правонарушении.

Следующим этапом развития судоустройства в Кыргызской Республике послужило принятие Закона Киргизской ССР от 11 апреля 1990 года № 25-XII «О судоустройстве Киргизской ССР». Данный закон был принят в соответствии с Основами законодательства Союза ССР и союзных республик о судоустройстве от 13 ноября 1989 года. В Законе был закреплен четкий порядок отправления правосудия по категориям дел.

Так, статья 4 «Осуществление правосудия граждан путем рассмотрения судом гражданских и уголовных дел» гласит, что «правосудие в Киргизской ССР осуществляется путем рассмотрения и разрешения в судебных заседаниях гражданских дел, связанных с защитой прав и законных интересов граждан, предприятий, учреждений, организаций; рассмотрения в судебных заседаниях уголовных дел, решения вопросов о виновности подсудимых, применения установленных законом мер наказания к лицам, виновным в совершении преступления, либо оправдания невиновных» [О судоустройстве Киргизской ССР, www].

Согласно статье 5 «Рассмотрения в судах дел об административных правонарушениях», «на районные (городские) народные суды (народных судей), судей по административному и исполнительному производству при этих судах возлагается рассмотрение дел об административных правонарушениях, отнесенных к их ведению законодательством Союза ССР и Киргизской ССР» [Там же].

Согласно статье 18 «Судьи по административному и исполнительному производству», «судьи по административному и исполнительному производству состоят при районных (городских) народных судах. Судьи по административному и исполнительному производству рассматривают дела об административных правонарушениях; по поручению председателя районного (городского) народного суда осуществляют контроль за работой судебных исполнителей; в случаях, предусмотренных законодательством Киргизской ССР, рассматривают вопросы, связанные с исполнением в порядке гражданского судопроизводства решений судов и других органов. Требования, предъявляемые к кандидатам в судьи по административному и исполнительному производству, порядок избрания этих судей, их права и обязанности, порядок отзыва и досрочного освобождения, привлечения к ответственности определяются законодательством Киргизской ССР» [Там же].

Законодатель не только определил виды правосудия, но и посчитал нужным отдельно от гражданских и уголовных дел выделить дела по административным правонарушениям и исполнительному производству. Таким образом, дела по административным правонарушениям и исполнительному производству рассматривались как самостоятельный вид судебного судопроизводства. Здесь, однако, необходимо обратить внимание на то, что данный институт судопроизводства не получил своего окончательного и полноценного формирования как гражданское и уголовное судопроизводство. Традиционное формирование вышестоящих инстанций суда на областном уровне и на уровне Верховного суда Киргизской ССР в советский период, а также в первое десятилетие независимости Кыргызской Республики были

представлено двумя коллегиями: коллегией по гражданским делам и коллегией по уголовным делам. Что касается судопроизводства по делам об административных правонарушениях, то данный вид судопроизводства ограничивался одной инстанцией.

Так, в соответствии со статьей 264 «Право обжалования постановления по делу об административном правонарушении» Кодекса Киргизской ССР об административных правонарушениях (от 7 декабря 1984 года), «постановление районного (городского) народного суда (народного судьи) о наложении административного взыскания является окончательным и обжалованию в порядке производства по делам об административных правонарушениях не подлежит, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами Союза ССР и Киргизской ССР» [Кодекс Киргизской ССР об административных правонарушениях, www].

Как видно из вышеуказанной статьи, обжалование постановления районного (городского) народного суда (народного судьи) о наложении административного взыскания не предполагалось. При этом была сделана ссылка на то, что в определенных случаях, когда это предусмотрено законодательством, обжалование все же возможно. Здесь необходимо рассмотреть, в каких случаях дается процессуальное право на обжалование постановления районного (городского) народного суда (народного судьи) о наложении административного взыскания и, самое главное, кто вправе обжаловать и в каком порядке.

В соответствии со статьей 272 «Полномочия народного судьи, председателя вышестоящего суда, начальника органа внутренних дел и начальника вышестоящего органа внутренних дел по пересмотру дела» Кодекса Киргизской ССР об административных правонарушениях (от 7 декабря 1984 года), «постановление народного судьи по делам об административных правонарушениях, предусмотренных частью первой статьи 42, статьями 47, 134, 143-1, 143-2, 143-3, 147-2, 147-3, 147-4, 147-5, 147-6, 155, частью третьей статьи 159, статьями 162, 163-1, 163-2, 163-3, 163-4, 164, 184-1 настоящего Кодекса, может быть отменено или изменено по протесту прокурора самим народным судьей, а также независимо от наличия протеста прокурора председателем вышестоящего суда» [Там же]. Если порядок опротестования прокурором постановления народного судьи по делам об административных правонарушениях прописан, то процессуальный порядок отмены постановления народного судьи по делам об административных правонарушениях председателем вышестоящего суда вызывает определенные вопросы. Указание на то, что председатель вышестоящего суда может отменить или изменить постановление народного судьи по делам об административных правонарушениях независимо от наличия протеста прокурора, ставит вопрос о том, кому предоставлено процессуальное право на обжалование постановления народного судьи по делам об административных правонарушениях председателю вышестоящего суда. Принимая во внимание, что ни потерпевший, ни привлеченный к административной ответственности не вправе обжаловать постановления народного судьи по делам об административных правонарушениях, а наличие протеста прокурора на постановление суда не является обязательным условием для его отмены или изменения председателем вышестоящего суда, инициатива для отмены постановления народного судьи по делам об административных правонарушениях может исходить только от председателя вышестоящего суда. Каким образом и в какой срок председатель вышестоящего суда пересматривает судебный акт районного суда в рамках данной категории дел, остается неясным.

Подобные открытые вопросы, фрагментарность отдельных административно-процессуальных норм не могли не оказать негативного влияния на становление административного судопроизводства. При этом необходимо понимать, что многими специалистами (как научным сообществом, так и практикующими юристами) такой вид

административного судопроизводства, как производство по делам об административных правонарушениях, долгое время воспринимался как хрестоматийный пример административного судопроизводства, что наглядно видно из отечественного законодательства.

Если в Законе Киргизской ССР от 11 апреля 1990 года № 25-XII «О судоустройстве Киргизской ССРР» правосудие строилось на двух основных столпах – гражданском и уголовном судопроизводстве и отдельно упоминалось судопроизводство по делам об административных правонарушениях, то с принятием Закона Кыргызской Республики от 24 апреля 1999 года № 36 «О Верховном суде Кыргызской Республики и местных судах общей юрисдикции» административное судопроизводство заняло место наряду с гражданским и уголовным судопроизводством. Так, статья 1 гласила: «Верховный суд Кыргызской Республики – высший орган судебной власти в сфере гражданского, уголовного и административного судопроизводства», Верховный суд Кыргызской Республики является высшим органом судебной власти в сфере *гражданского, уголовного и административного судопроизводства* и осуществляет надзор за судебной деятельностью областных, Бишкекского городского, районных, городских и военных судов Кыргызской Республики в порядке, установленном процессуальным законодательством» [О Верховном суде Кыргызской Республики и местных судах общей юрисдикции, www]. Под административным судопроизводством понималось рассмотрение административных дел – дел об административном правонарушении. Как видно из статьи 37 «Полномочия районного (городского) суда)», «районный (городской) суд рассматривает все гражданские, уголовные, административные дела и иные материалы.

Рассматривая данную норму, можно предположить, что указанные отдельно административные дела предполагают отдельную специализацию судей, как, например, по гражданским и уголовным делам. Однако статья 40 «Областные суды, Бишкекский городской суд и их состав» Закона дает пояснение: «Областные суды, Бишкекский городской суд состоят из судей: председателя, его заместителей и судей. Областные суды и Бишкекский городской суд являются судами апелляционной инстанции и действуют в составе: *судебной коллегии по гражданским делам; судебной коллегии по уголовным и административным делам*. Судебная коллегия по уголовным и административным делам рассматривает собственно уголовные дела и дела об административных правонарушениях. Все другие дела, вытекающие из административно-правовых отношений, рассматриваются судебной коллегией по гражданским делам по правилам гражданского судопроизводства с исключениями, предусмотренными законодательством» [Там же].

Указанный порядок был закреплен и в следующей редакции Закона Кыргызской Республики от 18 июля 2003 года № 153 «О Верховном суде Кыргызской Республики и местных судах». Согласно статьям 12, 13 данного Закона, Верховный суд Кыргызской Республики является высшим органом судебной власти в сфере гражданского, уголовного и административного судопроизводства, а также по экономическим и иным предусмотренным законами делам, в котором действуют следующие коллегии: судебная коллегия по уголовным и административным делам; судебная коллегия по гражданским делам; судебная коллегия по экономическим делам.

После внесения 10 июля 2004 года изменений и дополнений в вышеуказанный Закон *коллегия по уголовным и административным делам стала коллегией по уголовным и делам об административных правонарушениях*, а коллегия по экономическим делам стала коллегией по административным и экономическим делам. Данный порядок существует и в настоящее время. Интересно то, что после очередных изменений и дополнений в вышеуказанный Закон в 2011 году из текста пункта 1 статьи 12 Закона было изъято слово судопроизводство, и часть этой

статьи стала звучать так: «Верховный суд является высшим судебным органом по гражданским, уголовным, экономическим, административным и иным делам».

Как показывает анализ законодательства, регулирующего вопросы административного судопроизводства (за весь период становления государственности Кыргызской Республики), до сих пор нет четкого определения понятия административного дела, а также понятия и сущности административного процесса и административного судопроизводства. В настоящее время соотношение этих двух понятий является достаточно сложным и дискуссионным, так как действующее законодательство Кыргызской Республики не имеет отдельных нормативных правовых актов, регулирующих судопроизводство по административным делам в полном объеме.

По мнению Д.Н. Бахраха, «административное судопроизводство характеризуется тремя основными признаками. Это правосудие по административным делам, регламентируемое административно-процессуальными нормами. Первый и третий признаки понимаются всеми однозначно. А понятие "административное дело" вызывает споры» [Бахрах, 2003].

Под административными делами, исходя из рассмотренных норм законодательства как советского периода, так времени обретения независимости Кыргызской Республикой, прежде всего, понимались дела об административных правонарушениях. Иные дела, вытекающие из административно-правовых отношений, рассматривались в порядке гражданского судопроизводства с особенностями, установленными гражданско-процессуальным кодексом, и, соответственно, не могли быть отнесены к административным делам. Это дало повод отдельным российским специалистам (ученым) ставить по сомнение наличие административного процесса вообще (наряду с гражданским и уголовным процессами) [Старилов, 2001].

Как показывает анализ юридической литературы, многие отечественные ученые рассматривали административное судопроизводство как одну из форм судопроизводства, закрепленную Конституцией Кыргызской Республики, через призму института административной ответственности. Так, авторы одного из комментариев к Конституции Кыргызской Республики отмечают, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, уголовного, административного и иных форм судопроизводства; законодательство об административной ответственности имеет задачей защиту личности, охрану прав и свобод человека и гражданина, здоровья, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, общественной нравственности, собственности, окружающей природной среды, установленного порядка осуществления государственной власти и порядка управления, общественного порядка, прав юридических лиц и их объединений от административных правонарушений, а также своевременное и объективное рассмотрение дел об административных правонарушениях и их предупреждение» [Осмоналиев, Азыгалиев, 2008]. Понятно, что под административным судопроизводством авторами понимаются, прежде всего, дела об административных правонарушениях.

Важным для нас является российский правовой опыт по этой проблеме, в частности российская судебная практика. Кыргызская Республика вместе с Российской Федерацией являются правопреемниками советской правовой школы, унаследовавшими все позитивные и негативные аспекты советской правовой системы. Принимая во внимание, что государства имеют единый правовой фундамент, законодательство Кыргызской Республики является наиболее близким по своим основным признакам и характеристикам. В этой связи интересна позиция Конституционного Суда Российской Федерации, который в своем Постановлении от 28 мая 1999 года № 9-П по делу о проверке конституционности части второй статьи 266 и пункта 3 части первой статьи 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с

жалобами граждан Е.А. Арбузовой, О.Б. Колегова, А.Д. Кутерева, Р.Т. Насибулина и В.И. Ткачука указал, что действующее законодательство об административных правонарушениях при определении подведомственности дел об административных правонарушениях предусматривает, что суды (судьи) в рамках осуществления *административного судопроизводства* наделены как полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях и привлечению к административной ответственности, так и полномочиями по контролю за законностью и обоснованностью постановлений о наложении административных взысканий, выносимых другими уполномоченными на это органами (должностными лицами).

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 1998 года по делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РФ «О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением» от 18 июня 1993 года отмечается, что из части 2 статьи 118 Конституции РФ вытекает, что судопроизводство по делам, связанным с рассмотрением деяний, предусмотренных оспариваемыми положениями, должно быть *административным судопроизводством*, независимо от того, осуществляется оно судом общей юрисдикции или арбитражным судом. Конституционный Суд РФ судопроизводство по делам об административных правонарушениях однозначно понимает, как административное судопроизводство, при этом административное судопроизводство отправляется как судами общей юрисдикции, так арбитражными судами.

С принятием 27 июля 2010 года новой Конституции Кыргызской Республики основные принципы осуществления судебной власти были сохранены. Так, в соответствии с пунктом 2 статьи 93 Конституции, судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, уголовного, административного и иных форм судопроизводства. Вместе с тем в последнее время понимание сущности административного судопроизводства, форм его осуществления становится полярным как на государственном уровне, так и в научных кругах. Проблема заключается в том, что термин «административное производство» четко не определен, что приводит к разному его пониманию. Как справедливо отмечает Ю.Н. Старилов, «административное судопроизводство, являясь важным административно-правовым средством обеспечения и защиты публичных интересов, до настоящего времени не определено нормативно, что вызывает постоянные споры и двусмысленности теории» [Старилов, 2003].

В настоящее время все чаще под административным судопроизводством понимается, через призму западного опыта, административная юстиция, которая, в свою очередь, трактуется в упрощенном виде как судебный контроль за деятельностью государственных органов и их должностных лиц. Указанный судебный контроль осуществляется в рамках гражданского судопроизводства, с отдельными изъятиями, предусмотренными законодательством, и не имеет ничего общего с делами об административных правонарушениях. Данная позиция не является случайной. Попытка навязать западную модель фактически без учета местной специфики проводится планомерно и системно.

Так, наряду с проектами уголовно-процессуального кодекса, гражданского процессуального кодекса, которые были внесены в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики, был разработан, но до настоящего времени не внесен проект административного процессуального кодекса. Существенную экспертную и методологическую помощь в разработке административного процессуального кодекса оказывает Германское общество по международному сотрудничеству. Специалистами этой организации публикуются статьи по вопросу административной юстиции, проводятся конференции, где главным лейтмотивом служит новое понимание сущности административного судопроизводства, которое является прообразом европейской модели

административного судопроизводства, не отягченным советским наследием, а, следовательно, отвечающим требованиям правового и демократического государства.

Это и есть одно из современных направлений развития административного судопроизводства в Кыргызской Республике, которое наиболее последовательно проводится и внедряется как посредством законодательной инициативы со стороны депутатов, так и определенно настроенной группой специалистов. Суть данного направления сводится к отрицанию административной сущности института административной ответственности и пониманию административного судопроизводства исключительно как производства по делам, вытекающим из административно-правовых отношений, регулируемых главой 26 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Попытка самостоятельного поиска путей (на государственном уровне) совершенствования судопроизводства была предпринята Президентом Кыргызской Республики А.Ш. Атамбаевым, который издал Указ «О мерах по совершенствованию правосудия в Кыргызской Республике» от 8 августа 2012 года № 147. Согласно данному указу, дальнейшее реформирование судебной системы предполагает обновление ныне действующего административного, уголовного, уголовно-процессуального, гражданского процессуального законодательства, а также законодательства, регулирующего организацию и деятельность судов, правоохранительных органов и иного законодательства, прямо или косвенно связанного с вопросами отправления правосудия.

В рамках другого Указа Президента Кыргызской Республики от 17 января 2012 года № 6 была сформирована Комиссия, перед которой в области совершенствования административного законодательства и судопроизводства в качестве необходимых мер были поставлены следующие задачи:

– разработать Концепцию развития административного права;

– разработать и ввести в действие административно-процессуальный кодекс, исключив из гражданского процессуального законодательства нормы о порядке рассмотрения административных дел;

– создать специализированные административные суды (на начальном этапе ввести специализацию судей в межрайонных судах по рассмотрению административных дел);

– вывести из подсудности административных судов и передать к подсудности районных судов (судьям по уголовным делам и делам об административных правонарушениях, соответствующих коллегий судов апелляционной инстанции) рассмотрение дел об обжаловании постановлений государственных органов местного самоуправления и должностных лиц, уполномоченных применять меры административного взыскания по делам об административных правонарушениях.

Отдельные задачи вышеуказанной комиссии были в той или иной мере осуществлены. Разработан проект Административно-правового кодекса Кыргызской Республики, который «вобрал в себя все лучшее» от германской системы административного судопроизводства.

Сама концепция развития административного права, а вместе с ней и ее институты, в том числе и административное судопроизводство, так и не получили комплексного исследования как на теоретико-правовом уровне, так и на прикладном, практическом уровне вопросов административно-правового регулирования. Концептуальные недоработки, отсутствие ясной и понятной доктрины в системе административного правового регулирования, должного научного и практического уровня исследования административного судопроизводства привело к тому, что Кыргызская Республика рискует остаться на обочине реформирования административного судопроизводства.

Заключение

Рассматривая историко-правовые аспекты административного судопроизводства, становится очевидным, что Кыргызская Республика имеет свой накопленный опыт реализации всех форм судопроизводства, в том числе и административного. Следует признать, что действующее законодательство не позволяет в полной мере утверждать, что институт административного судопроизводства отвечает его целям и назначению. Административное судопроизводство выступает *комплексным межотраслевым институтом*, регулируемым в процессуальном плане двумя кодексами: Гражданским процессуальным кодексом Кыргызской Республики и Кодексом Кыргызской Республики об административной ответственности.

Учеными традиционно подчеркивается, что законодатель не определил содержание и пределы административного судопроизводства. В этой связи на первый план выходит наука о праве, которая и должна помочь определить теоретическую базу, создать необходимые предпосылки для юридического оформления спорных публичных правоотношений, в том числе и в области административно-правового регулирования. Дальнейшее развитие административного судопроизводства как подотрасли административного права должно быть непременно научно обосновано.

Полагаем, что на уровне государства осознается необходимость реформирования административного судопроизводства, которое должно развиваться вместе с другими отраслями права. Согласно Национальной стратегии устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годы, структурные изменения в судебной системе должны происходить поэтапно, с обеспечением открытого и инклюзивного процесса обсуждения и участия всех заинтересованных сторон, на базе постепенного развития административного законодательства, уголовного законодательства, законодательства о судоустройстве и процессуального законодательства.

Обеспечение в Кыргызской Республике полноценной системы осуществления административного судопроизводства не может быть сведено к разовым мерам. Эта крупная реформа, при осуществлении которой нужно разработать общую концепцию, определить объем административной юрисдикции, разработать и принять комплекс законов, ввести новые процедуры, сформировать систему административных судов, подготовить специальные судейские кадры. В Кыргызской Республике есть и научный потенциал, и накопленный практический опыт, которые позволят в дальнейшем поступательно развивать административное судопроизводство.

Библиография

1. Бахрах Д.Н. Нужна специализация судей, а не судов // Российская юстиция. 2003. № 2.
2. Габричиддзе Б.Н., Елисеев Б.П. Российское административное право. М.: Норма-Инфра-М, 1998. С. 306.
3. О судоустройстве Киргизской ССРР: закон Киргизской ССР от 11 апреля 1990 года № 25-XII // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ky-kg/203
4. Карпович В.Д. (ред.) Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2002.
5. Кодекс Киргизской ССР об административных правонарушениях // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/989
6. Конституция Киргизской Советской Социалистической Республики // Централизованный банк данных правовой информации. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ky-kg/205064
7. О судоустройстве Киргизской ССР: закон Киргизской ССР от 11 апреля 1990 года № 25-XII // Информационная система «Параграф». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30212245

8. Осмоналиев К.М., Азыгалиев Р.Ш. Комментарий к Конституции Кыргызской Республики. Б.: ЮрИнфо, 2008.
9. Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик // СКБ «Контур». URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=28565
10. Сатаров У., Иманалиев Э. Реформа административного судопроизводства. URL: http://analitika.akipress.org/news
11. Старилов Ю.Н. Административная юстиция. Теория, история, перспективы. М.: Норма, 2001.
12. Старилов Ю.Н. От административной юстиции к административному судопроизводству. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2003.
13. Хазанов С.Д. Важные вопросы науки административного права // Административное право на рубеже веков. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. С. 28.

Formation and development of administrative proceedings in the Kyrgyz Republic: historical and legal aspects

Azamat Dzh. Akmatov

PhD Applicant,
Kyrgyz State Academy of Law,
720001, 180a Chui av., Bishkek, Kyrgyz Republic;
e-mail: azamat17@yandex.ru

Abstract

The article deals with topical issues related to the formation and development of institutes of administrative proceedings and administrative responsibility in the Kyrgyz Republic. The author of this article analyzes the historical aspects of the development of administrative proceedings in the Kyrgyz Republic. The author also considers the experience of the reform of the institutions of administrative proceedings in the Russian Federation, in particular their judicial practice. It is noted that the Kyrgyz Republic has its own experience of implementing all forms of legal proceedings, including administrative one. However, current legislation does not allow to assert that the institution of administrative proceedings meets its aims and objectives. Administrative proceedings is a complex interdisciplinary institute regulated procedurally by two codes: the Civil Procedural Code of the Kyrgyz Republic and the Code on administrative responsibility of the Kyrgyz Republic. Implementing a full-fledged system of administrative proceedings can not be reduced to a single set of measures. It is necessary to develop the overall concept, to define the scope of administrative jurisdiction, to develop and adopt a set of laws, to introduce new procedures, to establish a system of administrative courts, to develop special human resources. The Kyrgyz Republic has the scientific potential and practical experience, which allow to develop the administrative proceedings.

For citation

Akmatov A.D. (2017) Stanovlenie i razvitie administrativnogo sudopro-izvodstva v Kyrgyzskoi Respublike: istoriko-pravovye aspekty [Formation and development of administrative proceedings in the Kyrgyz Republic: historical and legal aspects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(12A), pp. 98-110.

Keywords

Public law relations, administrative and legal dispute, administrative proceedings, administrative procedure law, administrative court.

References

1. Bakhrakh D.N. (2003) Nuzhna spetsializatsiya sudei, a ne sudov [There is need for judges, not the courts` specialization]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian justice], 2.
2. Gabrichiddze B.N., Eliseev B.P. (1998) *Rossiiskoe administrativnoe pravo* [Russian administrative law]. Moscow: Norma-Infra-M Publ.
3. Karpovich V.D. (red.) (2002) *Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [Commentaries on the Constitution of the Russian Federation], 2nd ed. Moscow.
4. Khazanov S.D. (2003) Vazhnye voprosy nauki administrativnogo prava [Important questions of the science of administrative law]. In: *Administrativnoe pravo na rubezhe vekov* [Administrative law at the turn of the century]. Ekaterinburg: Publishing house of Ural University, p. 28.
5. Kodeks Kirgizskoi SSR ob administrativnykh pravonarusheniyakh [Code on administrative offences of the Kyrgyz Republic]. *Tsentralizovannyi bank dannykh pravovoi informatsii Kyrgyzskoi Respubliki* [Centralized data bank of legal information of the Kyrgyz Republic]. Available at: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/989 [Accessed 11/12/17].
6. Konstitutsiya Kirgizskoi Sovetskoi Sotsialisticheskoi Respubliki [Constitution of the Kyrgyz Soviet Socialist Republic]. *Tsentralizovannyi bank dannykh pravovoi informatsii* [Central databank of legal information]. Available at: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ky-kg/205064 [Accessed 19/11/17].
7. O sudoustroistve Kirgizskoi SSR: zakon Kirgizskoi SSR ot 11 aprelya 1990 goda № 25-XII [On the judicial system of the Kyrgyz SSR: Law of the Kyrgyz SSR No. 25-XII of April 11, 1990]. *Informatsionnaya sistema "Paragraf"* [Information system "Paragraph"]. Available at: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30212245 [Accessed 17/12/17].
8. O sudoustroistve Kirgizskoi SSRR: zakon Kirgizskoi SSR ot 11 aprelya 1990 goda № 25-XII [On the judicial system of the Kyrgyz SSR: Law of the Kyrgyz SSR No. 25-XII of April 11, 1990]. *Tsentralizovannyi bank dannykh pravovoi informatsii Kyrgyzskoi Respubliki* [Central databank of legal information of the Kyrgyz Republic]. Available at: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ky-kg/203 [Accessed 17/12/17].
9. Osmonaliev K.M., Azygaliev R.Sh. (2008) *Kommentarii k Konstitutsii Kyrgyzskoi Respubliki* [Commentaries on the Constitution of the Kyrgyz Republic]. B.: YurInfo Publ.
10. Osnovy grazhdanskogo sudoproizvodstva Soyuza SSR i soyuznykh respublik [Fundamentals of civil procedure of the USSR and the Union Republics]. *SKB "Kontur"*. Available at: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=28565 [Accessed 16/12/17].
11. Satarov U., Imanaliev E. *Reforma administrativnogo sudoproizvodstva* [The reform of administrative procedure]. Available at: http://analitika.akipress.org/news [Accessed 17/12/17].
12. Starilov Yu.N. (2001) (2003) *Administrativnaya yustitsiya. Teoriya, istoriya, perspektivy* [Administrative justice. Theory, history and prospects]. Moscow: Norma Publ.
13. Starilov Yu.N. *Ot administrativnoi yustitsii k administrativnomu sudoproizvodstvu* [From administrative justice to administrative procedure]. Voronezh: Publishing house of Voronezh University.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34

Институт иных мер уголовно-правового характера: проблемы и перспективы развития

Ветошкин Сергей Александрович

Доктор педагогических наук,
профессор кафедры права института гуманитарного
и социально-экономического образования,
Российский государственный профессионально-педагогический университет,
620012, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11;
e-mail: ip-vetoshkin@rambler.ru

Аннотация

В статье проведен анализ научных и юридических понятий, а также норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, связанных с иными мерами уголовно-правового характера, дана юридическая характеристика различных видов иных мер уголовно-правового характера, содержащихся в российском законодательстве, выявлены особенности и проблемные аспекты применения данных мер, определена их сущность и законодательные коллизии в данной сфере. Предложены меры по устранению выявленных коллизий в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве, регулирующем применение иных мер уголовно-правового характера, предложены концептуальные подходы к правовой природе иных мер уголовно-правового характера, установлены их сущностные признаки и на этой основе дано авторское определение данному понятию и понятию «институт иных мер уголовно-правового характера». Выявлены критерии дифференциации иных мер уголовно-правового характера, а также определены перспективы их развития в российском законодательстве. Исследованные в статье проблемы института иных мер уголовно-правового характера, приводят к выводу о необходимости включения в раздел VI УК РФ статьи с юридическим определением понятия «иные меры уголовно-правового характера», а также – о необходимости включения перечня видов данных мер. Также следует законодательно устранить юридические коллизии, содержащиеся в данном институте.

Для цитирования в научных исследованиях

Ветошкин С.А. Институт иных мер уголовно-правового характера: проблемы и перспективы развития // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 12А. С. 111-125.

Ключевые слова

Иные меры уголовно-правового характера, меры государственного принуждения, уголовно-правовые средства, наказание, преступление и др.

Введение

Уголовно-правовые средства, не относящиеся к наказаниям, содержатся во многих зарубежных правовых системах, выполняя функции уголовно-правового реагирования на общественно опасные деяния и функции исправительного воздействия на граждан как до, так и после совершения преступления. Педагогическая сущность применения данных средств имеет ту же природу, что и уголовные наказания, отличаясь более гуманными и профилактическими подходами.

В различных странах для таких средств используются следующие понятия:

- меры безопасности (бывшие югославские республики, Алжир, Афганистан, Боливия, Бразилия, Гватемала, Гондурас, Исландия, Испания, Камерун, Колумбия, Коста-Рика, Котд'Ивуар, Куба, Ливан, Марокко, Мексика, Молдова, Никарагуа, Панама, Перу, Португалия, Румыния, Сальвадор, Сан-Марино, Таиланд, Турция, Уругвай, Чили);
- меры исправления и безопасности (Германия, Греция);
- административные меры безопасности (Италия);
- меры (Венгрия, Нидерланды, Парагвай, Швейцария, Эфиопия);
- предупредительные меры (Австрия);
- уголовные меры (Польша);
- иные правовые последствия (наказуемого деяния) Дания и Норвегия;
- меры надзора и исправления (Судан);
- иные меры воздействия (Эстония);
- иные меры уголовно-правового характера (Азербайджан, Таджикистан);
- иные меры уголовно-правового воздействия (Армения, Казахстан, Туркменистан);
- другие меры правового воздействия (Узбекистан);
- уголовные меры иного вида (Грузия);
- иные меры уголовной ответственности (Монголия) [Додонов, 2009].

В российском уголовном законодательстве наряду с наказаниями также предусмотрены иные меры уголовно-правового характера, составляющие в совокупности неотъемлемую часть данного законодательства и являющиеся правовыми средствами реагирования на преступления.

Институт наказаний в Уголовном кодексе РФ (УК РФ) определен достаточно ясно: а) в ч. 1 ст. 43 УК РФ приведено понятие «наказание»; б) в ст. ст. 44, 45 УК РФ дан полный перечень наказаний и их подразделение на основные и дополнительные виды; в) в ст. ст. 46-59 УК РФ разъясняется сущность всех видов наказаний; г) в статьях Особенной части УК РФ содержатся санкции, предусматривающие виды наказаний и их параметры.

В отношении института иных мер уголовно-правового характера такой определенности не существует, в частности: нет определения данного понятия; нет перечня иных мер уголовно-правового характера и их видов; отсутствует критический анализ правовых норм в данной сфере, что свидетельствует о недостаточном исследовании этого института в теории уголовного права.

Виды иных мер уголовно-правового характера их характеристика и правовые проблемы применения

В российском уголовном законодательстве обособлены четыре иные меры уголовно-правового характера, которые можно определить по их названиям и расположению в соответствующих разделах и главах УК РФ.

Одним из видов иных мер уголовно-правового характера согласно ч. 2 ст. 87, ст. ст. 90, 92, 96 УК РФ являются принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним. Это: а) предупреждение; б) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; в) возложение обязанности загладить причиненный вред; г) ограничение досуга и установление особых требований к поведению; д) помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа при осуждении несовершеннолетнего за совершение преступления средней тяжести или тяжкого преступления к лишению свободы и освобождении от наказания.

В принудительных мерах воспитательного воздействия необходимо учитывать следующие особенности: а) данные меры нельзя соотносить только с несовершеннолетними, так как они могут применяться к лицам от восемнадцати до двадцати лет (ст. 96 УК РФ); б) применение принудительных мер воспитательного воздействия осуществляется в порядке освобождения от уголовной ответственности и от уголовного наказания; в) помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, допускается с одиннадцатилетнего возраста в соответствие со ст. 66 Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в РФ»[2] и ст. 15 Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Такое положение грубо нарушает ст. 20 УК РФ и ст. 1 УПК РФ, и подобная коллизия законов может быть устранена снижением возраста уголовной ответственности до одиннадцати лет.

Следует также отметить педагогическую необоснованность того, что при освобождении от уголовной ответственности или от уголовного наказания несовершеннолетних, подлежащих уголовной ответственности, суды могут применять до пяти различных принудительных мер воспитательного воздействия, а к несовершеннолетним от одиннадцати до четырнадцати лет только одну меру – помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, что вызывает необходимость законодательного расширения спектра принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних как достигших, так и не достигших четырнадцатилетнего возраста. При этом юридически и педагогически обоснованным будет создание специализированного суда по делам несовершеннолетних.

Принудительные меры медицинского характера, предусмотренные ч. 1 ст. 97 УК РФ, могут быть назначены судом определенному кругу лиц с психическими расстройствами и только в случаях, когда психические расстройства связаны с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц (ч. 2 ст. 97 УК РФ).

Цели применения принудительных мер медицинского характера совпадают с целями наказания только в части предупреждения «совершения новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части настоящего кодекса» (ч. 2 ст. 43, ст. 98 УК РФ). Необходимо учитывать в данном случае, что предупреждение совершения новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, следует связывать не с исправлением, а с излечением или улучшением психического состояния лиц, подвергаемых принудительным мерам медицинского характера, если только речь не идет о лицах, совершивших преступление и страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости.

В этом принудительные меры медицинского характера по своему предназначению отличаются от других иных мер уголовно-правового характера и от целей наказания, так как применяются не только в связи с преступным поведением лица, но и в связи с его психическим

состоянием.

Также отличительной особенностью принудительных мер медицинского характера, применяемым к лицам, осужденным за преступления, совершенные в состоянии вменяемости, является то, что принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях может назначаться судом наряду с наказанием, то есть в качестве его дополнения.

Объектом принудительных мер медицинского характера в УК РФ являются страдающие психическими расстройствами как вменяемые, так и невменяемые лица, совершившие преступления или деяния, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ.

Конфискация имущества включена в главу 15.1 раздела VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера» и согласно ст. 104.1 УК РФ представляет собой принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора имущества (денег, ценностей и иного имущества), если имущество, полученное в результате совершения преступления, и (или) доходы от этого имущества были приобщены к имуществу, приобретенному законным путем, конфискации подлежит та часть имущества, которая соответствует стоимости приобщенных имущества и доходов от него.

Отличительной особенностью конфискации имущества является применение данной меры только на основании обвинительного приговора и в качестве дополнения к наказанию.

Судебный штраф включен в УК РФ в главу 15.2 раздела VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера» (ст. 76.2, ст. ст. 104.4, 104.5 УК РФ).

Применение судебного штрафа предусмотрено статьей 25.1 УПК РФ при прекращении судом уголовного дела или уголовного преследования. Данное решение суд принимает по собственной инициативе или по результатам рассмотрения ходатайства следователя (с согласия руководителя следственного органа) либо дознавателя (с согласия прокурора).

В суде первой инстанции прекращение уголовного дела или уголовного преследования допускается до момента удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, а в суде апелляционной инстанции – до удаления суда в совещательную комнату для вынесения решения по делу (ч. 2 ст. 25.1 УПК РФ).

Из изложенного выше видно, что освобождение лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа возможно, как на стадии судебного производства первой инстанции, так и в апелляционной инстанции.

В суде апелляционной инстанции освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа возможно в двух случаях: а) при условии вынесения обвинительного приговора в суде первой инстанции и его обжаловании; б) при прекращении судом первой инстанции уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и обжаловании данного решения. При этом в первом случае прекращение уголовного дела судом апелляционной инстанции должно сопровождаться отменой обвинительного приговора суда первой инстанции. Это противоречит ст. 389.21 УПК РФ, где сказано, что при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке суд отменяет обвинительный приговор или иное решение суда первой инстанции и прекращает уголовное дело при наличии оснований, предусмотренных ст. ст. 24, 25, 27 и 28 УПК РФ, но в ст. 389.21 не упоминается ст. 25.1 УПК РФ, что создает коллизию норм.

Для удовлетворения апелляционной жалобы приговор суда первой инстанции должен не соответствовать требованиям к законности, обоснованности и справедливости приговора суда

(ст. 297 УПК РФ), а также ст. ст. 389.15, 389.16, 389.17, 389.18 УПК РФ.

Законодатель в данном случае допустил коллизию норм – отмена обвинительного приговора в суде апелляционной инстанции не может быть осуществлена до удаления суда в совещательную комнату для вынесения решения по делу, как это предписано ч. 2 ст. 25.1 УПК РФ, так как согласно ч. 1 ст. 389.33 УПК РФ суд апелляционной инстанции до тех пор не сможет освободить от уголовной ответственности лицо, которому вынесен обвинительный приговор в суде первой инстанции, пока не удалится в совещательную комнату для отмены приговора.

По смыслу ч. 2 ст. 25.1 УПК РФ без удаления в совещательную комнату в апелляционном суде может быть рассмотрено постановление суда первой инстанции о прекращении уголовного дела или о прекращении уголовного преследования с назначением судебного штрафа с учетом требований ст. ст. 446.1, 446.2, 446.3, 446.4, 446.5 УПК РФ. В этом случае решение апелляционного суда должно быть оформлено постановлением или определением, которые согласно ч. 1 ст. 389.33 УПК РФ также должны выноситься в совещательной комнате, что опять же противоречит содержанию ч. 2 ст. 25.1 УПК РФ.

Данные противоречия могут быть устранены: а) путем дополнения ст. 389.21 УПК РФ – после перечисления статей: «…24, 25…» номером статьи «…25.1...»; б) путем исключения из ч. 2 ст. 25.1 УПК РФ предложения: «а в суде апелляционной инстанции – до удаления суда апелляционной инстанции в совещательную комнату для вынесения решения по делу» и замены его предложением: «…а в суде апелляционной инстанции – при отмене обвинительного приговора или оставлении без изменения постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования с назначением иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа».

Возможности применения судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера весьма обширны и охватывают всех освобождаемых от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступления небольшой или средней тяжести, если данные лица возместили ущерб или иным образом загладили причиненный преступлением вред. Отличительным признаком судебного штрафа является его применение судом только при освобождении от уголовной ответственности.

Принципиальным остается вопрос – являются ли вышеперечисленные иные меры уголовно-правового характера исчерпывающими или к данным мерам следует относить все меры, не являющиеся наказаниями, но влекущие уголовно-правовые последствия, о которых сказано в ч. 1 ст. 3 УК РФ.

Необходимо учитывать, что принудительные меры медицинского характера, предусмотренные главой 15 УК РФ, касаются только лиц, страдающих психическими расстройствами. Но в ст. 18 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК РФ), кроме психических расстройств в качестве оснований применения мер медицинского характера к осужденным к принудительным работам, аресту и лишению свободы предусмотрены такие заболевания, как алкоголизм, наркомания, токсикомания, ВИЧ-инфекция, открытая форма туберкулеза, а также венерические заболевания (для лиц, не прошедших полный курс лечения).

Решение о применении обязательного лечения в этих случаях, за исключением психических расстройств, принимается не судом, а медицинской комиссией (ч. 3 ст. 18 УИК РФ), что противоречит содержанию ст. 7 УИК РФ: «Основаниями для исполнения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера являются приговор либо изменяющие его определения или постановления суда, вступившие в законную силу, а также акт помилования

или акт об амнистии».

Несомненно, что возложение обязанности пройти лечение от наркомании, алкоголизма, токсикомании и иных заболеваний (ч. 3 ст. 18 УИК РФ) является такой же принудительной мерой медицинского характера, как и обязанность пройти лечение психического расстройства.

Это косвенно подтверждает содержание ст. 72.1 УК РФ, предусматривающей право суда возложить обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию. Такое право у суда появляется при осуждении к штрафу, лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательным работам, исправительным работам или ограничению свободы. При этом явно противоречит логике то, что обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию не включена в главу 15 УК РФ «Принудительные меры медицинского характера».

Можно констатировать, что в УИК РФ фактически не регулируется применение иных мер уголовно-правового характера, кроме мер медицинского характера, которые в нарушение ч. 2 ст. 2 УК РФ и ст. 7 УИК РФ назначаются медицинскими комиссиями, а не судом.

Понятие «иные меры уголовно-правового характера», его соотношение с другими понятиями юриспруденции

Поскольку в УК РФ не содержится определения понятия «иные меры уголовно-правового характера», то при установлении содержания и перечня иных мер уголовно-правового характера необходимо выяснить:

а) что подразумевать под иной мерой уголовно-правового характера;

б) считать ли признак государственного принуждения обязательным для иных мер уголовно-правового характера или данный признак является альтернативным, а иные меры уголовно-правового характера следует рассматривать шире тех четырех мер, которые обособлены в УК РФ;

в) как соотносятся между собой понятия «иные меры уголовно-правового характера», «наказание» и «иные уголовно-правовые последствия».

Для того чтобы ответить на эти вопросы нужно исследовать структуру и содержание статей, касающихся данной сферы, в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве.

Ст. 76.2 УК РФ, предусматривающая освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, размещена в главе 11 «Освобождение от уголовной ответственности» раздела IV «Освобождение от уголовной ответственности и от наказания». Перед данной статьей находятся ст. 75 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием», ст. 76 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим», ст. 76.1 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности». Ст. 78 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности» следует за ст. 76.2 УК РФ и завершает главу 11 УК РФ.

Если следовать логике законодателя, то в главе 11 УК РФ только одна ст. 76.2 УК РФ является иной мерой уголовно-правового характера, что позволяет предположить, что другие статьи главы 11 УК РФ, регулируя освобождение от уголовной ответственности, не содержат иных мер уголовно-правового характера и не являются таковыми.

Если же предположить, что другие статьи главы 11 также являются иными мерами

уголовно-правового характера, то следует признать, что ст. 76.2 УК РФ представляет собой иную меру уголовно-правового характера, содержащую в себе еще одну иную меру уголовно-правового характера – судебный штраф.

Рассмотрим для примера ст. 75 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием». Вполне очевидно, что применение данной статьи влечет за собой определенные уголовно-правовые последствия, которые заключаются в освобождении от уголовной ответственности. Лицо, совершившее преступление небольшой или средней тяжести, освобождается от уголовной ответственности при соблюдении ряда условий: добровольно явилось с повинной; способствовало раскрытию и расследованию этого преступления; возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный этим преступлением; утратило общественную опасность вследствие деятельного раскаяния. Эти условия вполне можно расценивать в качестве элементов государственного принуждения при реализации желания лица освободиться от уголовной ответственности. Хотя, нужно заметить, что в ст. 78 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности» элементов принуждения для освобождения от уголовной ответственности вообще не предусмотрено, достаточно лишь факта истечения сроков давности.

В данном случае вопрос ставится не столько об обязательности элементов принуждения, содержащихся в ст. 75 УК РФ, сколько о том, следует ли данную статью относить к иным мерам уголовно-правового характера, как и другие статьи главы 11 УК РФ.

Наказуемость в этих статьях не устанавливается, но предусматривается иное уголовно-правовое последствие – освобождение от уголовной ответственности, что не признавать уголовно-правовым последствием было бы ошибочным.

Отвечая на вопрос, как соотносить иные меры уголовно-правового характера и иные уголовно-правовые последствия, нужно учитывать, что у всякой применяемой иной меры уголовно-правового характера, не являющейся наказанием, существуют иные уголовно-правовые последствия, предусмотренные УК РФ. Их разделение на практике не просто нецелесообразно, а противоречит логике – есть мера, а есть ее применение, имеющее последствия.

В этой связи, устанавливая соотношение иных мер уголовно-правового характера и иных уголовно-правовых последствий, можно предположить, что иные уголовно-правовые последствия являются результатом применения иных мер уголовно-правового характера, а иные меры уголовно-правового характера без своего применения не имеют иных уголовно-правовых последствий, но потенциально их предусматривают.

Подобное рассуждение приводит к выводу о том, что, например, судебный штраф, как более узкая мера уголовно-правового характера, включена в ст. 76.2 УК РФ, как в более широкую иную меру уголовно-правового характера. В связи с этим, очевидно, что противопоставлять более узкие иные меры уголовно-правового характера, более широким иным мерам нельзя, так как те и другие обладают необходимыми признаками, позволяющими считать их таковыми.

Такой подход делает возможным трактовать иные меры уголовно-правового характера в широком и в узком смысле данной дефиниции, понимая под ней в узком смысле – принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества и судебный штраф. То есть те иные меры, которые специально обособлены в уголовном законодательстве в качестве альтернативы уголовному наказанию или дополнения к нему и предусмотрены главами V и VI УК РФ. Другие уголовно-правовые последствия иных мер уголовно-правового характера – освобождение от уголовной

ответственности, освобождение от уголовного наказания, изменение наказания в равной степени присущи обеим группам иных мер уголовно-правового характера.

До внесения законодателем в УК РФ ясности по данному вопросу для удобства целесообразно условно подразделять иные меры уголовно-правового характера на первую и вторую группы.

При дифференциации иных мер уголовно-правового характера на две группы становится очевидным, что для первой группы государственное принуждение является обязательным, а для второй группы – альтернативным, что может проявляться в условиях применения данных иных мер.

Например, согласно ч. 1 ст. 72.1 УК РФ при назначении основного наказания лицу, признанному больным наркоманией, суд может возложить на осужденного обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию. В данном случае возложение обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию является иной мерой уголовно-правового характера с функцией государственного принуждения. Так как это уголовно-правовое средство не относится к наказаниям, предусмотренным статьей 44 УК РФ, то данную меру следует относить ко второй группе иных мер уголовно-правового характера.

К иным мерам уголовно-правового характера в широком смысле этого понятия (второй группе) следует относить: освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ); освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ); освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76.1 УК РФ); освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ); условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ); замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ); освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ); освобождение от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ); отсрочка от отбывания наказания (ст. 82 УК РФ); освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ); амнистия (ст. 84 УК РФ); помилование (ст. 85 УК РФ) и др.

Особо следует остановиться на главе 10 УК РФ «Назначение наказания». Статья 72.1 УК РФ данной главы, была рассмотрена выше, при этом было установлено, что данная статья, дополняя наказание, вполне подпадает под понятие «иные меры уголовно-правового характера». Другие статьи данной главы, например, ст. 61 УК РФ «Обстоятельства, смягчающие наказание», ст. 62 УК РФ «Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств», ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание», ст. 63.1 «Назначение наказания в случае нарушения досудебного соглашения о сотрудничестве», ст. 64 УК РФ «Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление» и иные статьи, не являясь наказаниями, регулируют правовые возможности и правовые последствия изменения наказания: его смягчение, отягчение или дополнение. Поэтому нормы главы 10 УК РФ также следует относить к иным мерам уголовно-правового характера, уголовно-правовым последствием применения которых является изменение наказания.

Иные меры уголовно-правового характера второй группы можно подразделять на виды по объектовому признаку по аналогии с первой группой. Объектовым признаком для классификации могут быть отличия по возрасту, полу, здоровью, категории тяжести совершенного преступления, виду преступления и т.п.

Дифференцирующим признаком иных мер уголовно-правового характера как первой, так и второй группы, может быть их назначение.

Данные меры могут предназначаться:

а) для освобождения лица от уголовной ответственности и наказания (глава 11, ст. 84 «Амнистия», ст. 90 УК РФ и др.);

б) для освобождения лица от уголовного наказания (глава 12, ст. ст. 84, 85 «Помилование», ст. 92 УК РФ и др.);

в) для изменения уголовного наказания: смягчения (ст. ст. 61, 62, 64, 65, 66, 73, 84 УК РФ и др.); отягчения (ст. ст. 63, 63.1, 68, 69, 70, 74 УК РФ и др.); дополнения (ст. 72.1, ч. 2 ст. 99, ст. ст. 104.1, 104.2, 104.3 УК РФ и др.).

Под изменением наказания следует понимать его смягчение, отягчение или дополнение.

Сущностью иных мер уголовно-правового характера следует признать уголовно-правовое воздействие, не являющееся наказанием и заключающееся в освобождении от уголовной ответственности, от уголовного наказания или в изменении наказания, применяемого к лицам, совершившим преступление или в состоянии невменяемости деяние, предусмотренное уголовным законодательством.

Любое определение понятия, кроме его сущности, характеризуется отличительными признаками, позволяющими разграничивать данное понятие от других, и признаками, указывающими на свойства, объединяющие данное понятие.

Прежде всего, понятие «иные меры уголовно-правового характера» следует разграничить от понятия «наказание».

Согласно юридической формулировке, данной в ч. 1 ст. 43 УК РФ, «Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренном настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица».

Следовательно, сущностью уголовного наказания является то, что это мера: а) государственного принуждения; б) назначаемая по приговору суда; в) назначаемая лицу, признанному виновным в совершении преступления; г) заключающаяся в лишении или ограничении прав и свобод этого лица.

В ч. 2 ст. 2 УК РФ сказано, что виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений устанавливаются только УК РФ. На основании чего можно сделать вывод о том, что все меры, предусмотренные УК РФ за совершение преступлений, не входящие в перечень уголовных наказаний, относятся к понятию «иные меры уголовно-правового характера». В данном случае в определении понятий «наказание» и «иные меры уголовно-правового характера» объединяющим и более широким является понятие «меры уголовно-правового характера». Поэтому в российском уголовном законодательстве любое наказание является мерой уголовно-правового характера, но не любая мера уголовно-правового характера является наказанием.

Учитывая пробелы и коллизии в рассматриваемых нормах «подводные камни» ожидают при попытках формулирования понятия «иные меры уголовно-правового характера», не имеющего своего определения в уголовном законодательстве. В данном понятии, как было изложено выше, довольно сложно определить неформальные признаки, позволяющие отличать его от понятия «наказание».

Например, существует наказание в виде штрафа и иная мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, при этом как наказание, так и иная мера уголовно-правового

характера назначаются судом. Только в первом случае наказание назначается обвинительным приговором суда, а во втором случае – при освобождении судом от уголовной ответственности, то есть без вынесения обвинительного приговора.

По мнению Ф.Б. Гребенкина «под иными мерами уголовно-правового характера следует понимать меры государственного принуждения, не входящие в систему наказаний и санкции уголовно-правовых норм, применяемые к лицам, совершившим общественно опасные деяния или преступления по усмотрению суда и ограничивающие их права, интересы и свободы с целью предупреждения совершения ими новых деяний или преступлений» [Гребенкин, 2007].

Данное определение нельзя признать точным по нескольким причинам.

1. Действительно, государственное принуждение присуще не только наказаниям, а и ряду иных мер уголовно-правового характера, но не всем мерам. Существуют иные меры уголовно-правового характера, не обладающие функциями государственного принуждения, а освобождающие от уголовной ответственности или от уголовного наказания, или облегчающие наказание. Например, в ст. 93 УК РФ предусмотрено условно-досрочное освобождение от отбывания наказания несовершеннолетних. Также не обладают принудительностью иные меры, связанные с освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, амнистией, помилованием и т.п.

Словарное определение понятия «мера» означает «средство для осуществления чего-нибудь, мероприятие» и данная дефиниция охватывает как понятие «наказание», так и понятие «иные меры уголовно-правового характера». Слово «принудить» означает заставить что-нибудь сделать. Перечисленные же выше функции ряда иных мер уголовно-правового характера означают освобождение от принуждения и явно не подходят под рассматриваемое определение.

В этой связи можно утверждать, что термин «государственное принуждение» полностью соответствует только наказаниям, а иные меры уголовно-правового характера могут содержать уголовно-правовые последствия, не являющиеся принуждением.

Отсутствие принуждения в иных мерах уголовно-правового характера обусловлено также правом возражения против прекращения уголовного преследования на стадии освобождения от уголовной ответственности, что прямо предусмотрено ч. 2 ст. 27, ч. ч. 3, 4 ст. 28 УПК РФ и другими нормами. Подобная ситуация свидетельствует о свободе выбора признавать себя виновным до решения суда или возражать против прекращения уголовного дела или уголовного преследования, не считая себя виновным.

Такое понимание сущности иных мер уголовно-правового характера более соответствует юридической логике и общим признакам как наказания, так и иных мер уголовно-правового характера. Синонимами понятия «уголовно-правовые последствия» являются понятия, используемые в теории уголовного права «уголовно-правовое реагирование», «уголовно-правовое регулирование», «уголовно-правовое воздействие», «уголовно-правовые средства» и другие, которые не употребляются в уголовном законодательстве.

2. В определении Ф.Б. Гребенкина объединены понятия «система наказаний» и «санкции уголовно-правовых норм», что является тавтологией, то есть повторением того же самого другими словами, не уточняющими смысла. Санкции уголовно-правовых норм применяются только судом и по своей сути являются наказаниями.

3. Упоминание о лицах, «совершивших общественно опасные деяния или преступления по усмотрению суда», также не в полной мере согласуется с нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Согласно понятию «наказание» суд может применить наказание к лицу только в случае признания его виновным в совершении преступления, то есть

только суд может признать преступником вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного УК РФ. В этом случае, признание деяния преступлением автоматически влечет за собой признание его общественной опасности в соответствие с ч. 1 ст. 14 УК РФ, дающей определение понятию «преступление. При этом необходимо отметить, что в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации особая процедура признания деяния общественно опасным не предусмотрена, но именно такой вывод напрашивается из рассматриваемого определения, согласно которому суд отдельно может усматривать как общественно опасное деяние, так и преступление.

Анализируя содержание рассматриваемой фразы, необходимо более подробно остановиться на следующем: в п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ предусмотрена возможность применения принудительной меры медицинского характера к лицам, «совершившим деяния, предусмотренными статьями Особенной части настоящего Кодекса, в состоянии невменяемости». В данном случае речь не может идти о лицах, совершивших преступления, так как согласно статье 19 УК РФ состояние невменяемости не позволяет суду признать лицо виновным в совершении преступления – вменяемость является общим условием уголовной ответственности.

Законодатель использует в отношении невменяемых лиц формулировки «совершившие деяния, предусмотренные статьями Особенной части настоящего Кодекса» или «…деяние, запрещенное уголовным законом» (ст. 442 УПК РФ). Понятие «преступление» в ст. 442 УПК РФ упоминается только в отношении лиц, у которых психическое расстройство наступило после совершения преступления.

Нарушая данную логику понятие «общественно опасное деяние» употребляется в ч. 1 и ч. 2 ст. 21 УК РФ «Невменяемость»: «2. Лицу, совершившему предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера, предусмотренные настоящим Кодексом».

Коллизия в данном случае заключается в отсутствии в понятии «преступление» такого необходимого признака, как виновность. Общественная опасность может быть в деяниях, совершенных в состоянии крайней необходимости или обоснованного риска, что относится к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, и не является основанием для применения иных мер уголовно-правового характера.

Кроме того, возникает коллизия с ч. 2 ст. 2 УК РФ, где сказано, что Уголовный кодекс РФ устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Получается, что принудительные меры медицинского характера могут применяться к лицам, не совершившим преступления. Тем не менее, к невменяемым лицам, которые не могут быть признаны преступниками и не подлежат уголовной ответственности, принудительные меры медицинского характера применяются. Данная коллизия может быть устранена путем дополнения ч. 2 ст. 2 УК РФ после слов «…за совершение преступлений» словами «…и за совершение в состоянии невменяемости деяний, запрещенных уголовным законом».

На основании изложенного, чтобы не подчеркивать коллизию норм, фразу в анализируемом определении «…применяемые к лицам, совершившим общественно опасные деяния или преступления по усмотрению суда» целесообразно изложить «…применяемые к лицам за преступления или совершение в состоянии невменяемости деяний, запрещенных уголовным законом». Подобная оговорка по поводу состояния невменяемости необходима, так-как только данное основание согласно УК РФ позволяет применять принудительные меры медицинского

характера к лицам, де-юре не являющимися преступниками. Для полного устранения перечисленных коллизий было бы целесообразным рассматривать принудительные меры медицинского характера к невменяемым в рамках гражданского судопроизводства.

В действующем УК РФ также не содержится иных мер уголовно-правового характера, которые могли бы применяться к лицам до совершения преступлений. В настоящее время в российском уголовном законодательстве получила законодательное подкрепление позиция о недопустимости применения иных мер уголовно-правового характера к лицам, склонным к совершению преступлений, но не совершившим их. В некоторых странах в целях профилактики преступлений и обеспечения общественной безопасности применение подобных мер допускается (Италия, Испания, Куба и др.).

Представляется, что введение в уголовное законодательство таких иных мер уголовно-правового характера, как судебный запрет или судебное предписание, применяемых в зарубежных правовых системах, могло бы значительно оптимизировать предупреждение преступлений в России.

4. Фраза в дефиниции Ф.Б. Гребенкина «…и ограничивающие их права, интересы и свободы…» искажает ч. 1 ст. 43 УК РФ, в которой вполне определенно говорится о «…лишении или ограничении прав и свобод этого лица».

5. Фраза «…с целью предупреждения совершения ими новых деяний или преступлений», также искажает законодательно сформулированную цель наказания, которое «…применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Следует признать, что цели наказания не могут и не должны отличаться от целей иных мер уголовно-правового характера, за исключением принудительных мер медицинского характера, целью которых является излечение или улучшение психического состояния лиц, страдающих психическими заболеваниями, а также предупреждение совершения ими новых деяний (ст. 98 УК РФ). Поэтому в цели применения иных мер уголовно-правового характера кроме целей наказания необходимо включить и цели, предусмотренные ст. 98 УК РФ. При этом законодательно необходимо определиться и с заболеваниями, не связанными с психическими расстройствами, но влекущими применение принудительных мер медицинского характера.

Не совсем понятно о каком «предупреждении совершения новых деяний» пишет автор определения, и каким образом понятие «новые деяния» соотносится с понятием «преступление». Совершение новых деяний можно понимать в положительном контексте, и в их предупреждении нет никакой необходимости.

В подвергнутом критическому анализу понятия «иные меры уголовно-правового характера» единственно бесспорной мыслью является то, что иные меры уголовно-правового характера не входят в систему наказаний, но такой вывод непреложно вытекает из текста ч. 2 ст. 2 УК РФ.

В определении понятия «иные меры уголовно-правового характера» нецелесообразно перечислять объекты их применения, учитывая, что такое перечисление будет слишком обширным, потому что в нем должны быть указаны лица: признанные судом виновными; освобожденные от уголовной ответственности, не будучи признанные судом виновными; признанные судом виновными, но освобожденные от наказания; совершившие в состоянии невменяемости деяние, предусмотренное особенной частью УК РФ; совершившие преступление и страдающие психическими расстройствами, не исключающими вменяемости и другие категории.

Также нет смысла перечислять и все цели иных мер уголовно-правового характера,

например, конфискацию имущества, что охватывается целью восстановления социальной справедливости.

На основании вышеизложенного предлагается следующее определение исследуемого понятия, учитывая, что оно может быть дано только в самом общем виде: «Иные меры уголовно-правового характера – это не входящие в систему наказаний уголовно-правовые средства, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности, от уголовного наказания или изменение наказания за преступления или совершенные в состоянии невменяемости деяния, запрещенные уголовным законом, и применяемые в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, предупреждения совершения новых преступлений, а также излечения или улучшения психического состояния лиц, признанных невменяемыми или вменяемыми, но страдающими психическими и (или) иными заболеваниями».

Под институтом иных мер уголовно-правового характера следует понимать совокупность норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, определяющих их содержание, назначение и исполнение.

Заключение

Исследованные в статье проблемы института иных мер уголовно-правового характера, приводят к выводу о необходимости включения в раздел VI УК РФ статьи с юридическим определением понятия «иные меры уголовно-правового характера», а также – о необходимости включения перечня видов данных мер. Также следует законодательно устранить юридические коллизии, содержащиеся в данном институте.

Несомненно, что дальнейшее развитие института иных мер уголовно-правового характера может оптимизировать и гуманизировать уголовное законодательство и уголовное судопроизводство, так как доминирование наказаний в судебной практике превращает судебную систему в карательный орган, отодвигая цели профилактики преступлений на второй план.

Иные меры уголовно-правового характера, являясь альтернативой уголовным наказаниям, при их развитии в юридической науке и практике в перспективе могут позитивно изменить уголовно-правовую политику Российской Федерации, сделав ее более разумной, справедливой, гуманной и эффективной.

Библиография

1. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. М.: Юрлитинформ, 2009. 448 с.
2. Гребенкин Ф.Б. Понятие, признаки и виды иных мер уголовно-правового характера // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая-1 июня 2007 г. М.: Велби, Проспект, 2007. С. 127.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: около 57000 слов. М.: Русский язык, 1981. 816.с.
5. Сухареав А.Я. Большой юридический словарь. М.: ИНФРА-М, 2007. 858 с.
6. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в РФ» (с изм. от 29.07.2017 // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 декабря 2012 г. № 53 (часть I) ст. 7598.
7. Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изм. от 07.06.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 июня 1999 г. N 26 ст. 3177.

Institute of other measures of a criminally-legal nature: problems and prospects of development

Sergei A. Vetoshkin

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor of the Department for Humanitarian and socio-economic formation, Russian State Professional Pedagogical University Law Institute,
620012, 11, Mashinostroitelei str., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: ip-vetoshkin@rambler.ru

Abstract

The article analyzes the scientific and legal concepts, as well as the norms of criminal, criminal procedural and criminal enforcement legislation related to other criminal law measures, provides a legal description of various types of other criminal law measures contained in Russian legislation, identified peculiarities and problematic aspects of the application of these measures, their nature and legislative conflicts in this area are determined. Measures have been proposed to eliminate the identified conflicts in the criminal, criminal procedural and penal enforcement laws that regulate the application of other criminal law measures, suggest conceptual approaches to the legal nature of other criminal law measures, identify their essential features and, on this basis, definition of this concept and the concept of "the institution of other measures of a criminal-legal nature." The criteria for differentiation of other criminal law measures have been identified, and the prospects for their development in Russian legislation have been determined. The problems of the institute of other criminal law measures investigated in the article lead to the conclusion that it is necessary to include articles with the legal definition of "other measures of a criminal-legal nature" in Section VI of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the need to include a list of types of these measures. It is also necessary to legislatively remove the legal collisions contained in this institution.

For citation

Vetoshkin S.A. (2018) Institut inykh mer ugolovno-pravovogo kharaktera: problemy i perspektivy razvitiya [Institute of other measures of a criminally-legal nature: problems and prospects of development]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(12A), pp. 111-125.

Keywords

Other measures of a criminal-legal nature, measures of state coercion, criminal legal means, punishment, crime.

References

1. Dodonov V.N. (2009) *Sravnitel'noe ugolovnoe parvo* [Comparative criminal law]. Moscow: Yurlitinform Publ.
2. *Federal'nyi zakon ot 29.12.2012 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v RF» (s izm. ot 29.07.2017. Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 31 dekabrya 2012 g. № 53 (chast' I) st. 7598* [Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 "On Education in the Russian Federation" (as amended on July 29, 2017. Collected Legislation of the Russian Federation of December 31, 2012 No. 53 (Part I), Article 7598].
3. *Federal'nyi zakon ot 24.06.1999 g. № 120-FZ «Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenii*

nesovershennoletnikh» (s izm. ot 07.06.2017). Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 28 iyunya 1999 g. N 26 st. 3177 [Federal Law of June 24, 1999, No. 120-FZ "On the Basics of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency" (as amended on June 7, 2017) // Collection of Legislation of the Russian Federation of June 28, 1999, No. 26, Art. 3177].

4. Grebenkin F.B. (2007) Ponyatie, priznaki i vidy inykh mer ugolovno-pravovogo kharaktera [The concept, signs and types of other measures of a criminal-legal nature]. In: *Sistemnost' v ugolovnom prave. Materialy II Rossiiskogo Kongressa ugolovnogo prava, sostoyavshegosya 31 maya-1 iyunya 2007 g* [Systemic in criminal law. Materials of the II Russian Congress of Criminal Law, held May 31-June 1, 2007]. Moscow: Velbi, Prospekt Publ.
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (1999) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Dictionary of the Russian language: 80000 words and phraseological expressions]. Moscow: Azbukovnik Publ.
6. Ozhegov S.I. (1981) *Slovar' russkogo yazyka: okolo 57000 slov* [Dictionary of the Russian language: about 57000 words]. Moscow: Russkii yazyk Publ.
7. Sukhareav A.Ya. (2007) *Bol'shoi yuridicheskii slovar'* [A large legal dictionary]. Moscow: INFRA-M Publ.

УДК 343.352.4

Криминалистическая характеристика и особенности расследования взяточничества в таможенных органах

Клименко Наталья Дмитриевна

Студентка,
Владимирский государственный университет,
600000, Российская Федерация, Владимир, ул. Горького, 87;
e-mail: klimenkonatalyadm@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются проблемный вопрос взяточничества, как наиболее опасного проявления коррупции. Проанализированы криминалистические характеристики данного явления, признаки которого давно и повсеместно наблюдаются во всех органах власти, в том числе в таможенных органах. Подробно рассмотрены особенности расследования взяточничества, что играет очень важную роль, так как рост данного вида преступлений разрушает экономическую основу страны, разрушает ее авторитет на международной арене, порождает атмосферу беззакония и бесправия. Вопрос коррупции, а в данном случае, такого понятия как взяточничество, которые находятся в неразрывном единстве, имеет огромное значение для эффективного функционирования различных сфер деятельности общества, что предполагает изучение понятия данных терминов, а также их криминалистической характеристики. Наиболее эффективные методы по борьбе с тенденцией коррупции, а в нашем случае, со взяточничеством, это оптимизация существующих методик расследования, что должно благоприятно повлиять на раскрываемость преступлений, ужесточение законодательства и ответственности за совершение преступление данного вида. Благоприятное влияние, кроме того, может оказать принятие новых модернизированных законов по борьбе с данным явлением и установление более высоких социальных гарантий для служащих.

Для цитирования в научных исследованиях

Клименко Н.Д. Криминалистическая характеристика и особенности расследования взяточничества в таможенных органах // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 12А. С. 126-131.

Ключевые слова

Взяточничество, коррупция, таможенные органы, право, закон.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

Вопрос коррупции, а в данном случае, такого понятия как взяточничество, которые находятся в неразрывном единстве, имеет огромное значение для эффективного функционирования различных сфер деятельности общества, что предполагает изучение понятия данных терминов, а также их криминалистической характеристики.

Касательно такого понятия как «коррупция» множество ученых и исследователей изучали его в своих трудах.

Основная часть

Так, например, Н.П. Купрещенко констатирует, что в России нет четкого понимания коррупции, общественное мнение под этим термином понимает исключительно взяточничество. Коррупция, по его мнению, представляет собой совокупность из этических отклонений и непосредственно самих правонарушений, а также можно проявляться в незаконном использовании своего статуса служащими для получения каких-либо преимуществ [Купрещенко, 2008].

Таким образом, коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

Взяточничество, в свою очередь, является наиболее опасной формой коррупции, эти понятия взаимосвязаны и взаимообусловлены, а также представляют значительную угрозу обществу. Взяточничество является серьезным преступлением, которое нацелено прямо наперекор государственной и политической власти страны, что является значительным препятствием для прогрессивного развития страны в целом, количество уголовных дел по данной категории стремительно растет с каждым годом. Так, если в 2016 г. было зарегистрировано в РФ 6399 преступлений, то к 2017 г. наблюдается рост на 7,6%.

В условиях инфляции и дефицита изменилась и качественная характеристика взяточничества: выросли суммы, а также деньги порой заменяют какими-либо ценными предметами. Нередко встречаются такие случаи, когда на какие-либо должности оформляются взяткополучателей и его близкие при фактическом неисполнении им каких-либо обязанностей.

Криминалистическая характеристика взяточничества представляет собой концепцию данных, которые взаимосвязаны между собой и представляют систему фактических данных и основанных на них научных выводов и рекомендаций об особенностях субъектов взяточничества, их психической и физической деятельности (в том числе по подготовке, совершению и сокрытию преступления), направленной со стороны взяткодателя на получение желаемого блага, а со стороны взяткополучателя на незаконное обогащение – получение предмета взятки, и других элементов взяточничества как реального явления действительности в их единстве и взаимосвязи, знание которых позволяет следователю и государственному обвинителю организовать и осуществить всестороннее, полное, объективное и быстрое осуществление уголовного преследования.

В уголовном праве такие понятия как «дача взятки» и «получение взятки» выделены как

самостоятельные составы преступлений, так как они взаимосвязаны и образуют в совокупности единое общественно-опасное явление, данные правонарушения предусматривают ответственность в соответствии со ст.291 и ст.290 УК РФ.

Но что же заставляет людей давать и принимать вознаграждения какого-либо рода, которые могут выражаться в денежной форме, в форме различных материальных ценностей либо иных, с целью достижения выгодной договоренности либо прочей помощи?

В первую очередь, это значительно ускоряет принятие каких-либо решений, входящих, к примеру, в круг обязанностей по службе должностного лица. К примеру, человеку, строящему свой бизнес самостоятельно гораздо проще купить нужную ему лицензию либо заключение, чем проводить оформление документов и ждать решения своего вопроса, именно поэтому дача взятки значительно облегчает и ускоряет процесс.

Во-вторых, множество случаев, когда дачей взяток можно скрыть и избежать наказания за нарушения каких-либо требований, приостановить действия должностных лиц по исполнению им своих обязанностей.

Также коррупционное поведение можно объяснить непосредственным участием сотрудников каких-либо государственных органов в действиях, связанных с извлечением своей личной выгоды, использование своего служебного поведения. Непосредственно в таможенных органах встречаются такие случаи как злоупотребление сотрудниками своим служебным положением в процессах квотирования, лицензирования экономической деятельности, а также при других формах ведения рыночной экономики.

Внешне взятка напоминает договор дарения, хотя по существу не имеет с ним ничего общего, или незаконный договор подряда, где заказчиком нужной услуги выступает взяткодатель, а подрядчиком – взяткополучатель.

Взяточничество, как и любое иное преступление, в криминалистическом аспекте есть сложная реальная система, элементы которой находятся в определенной взаимосвязи и имеют закономерности своего развития.

В круг участников преступления можно включить взяткополучателя, взяткодателя, а также, в отдельных случаях, посредников (случаи посредничества).

Такого рода преступления совершаются в большинстве своем без посторонних глаз, то есть без свидетелей, это можно объяснить тем, что все участники преступления заинтересованы в проведении и завершения процесса преступления, а также они применяют все возможные меры по сокрытия следов данного правонарушения.

В таможенных органах, которые играют значительную роль в пополнении бюджета государства, а также обеспечивают безопасность на национальном уровне, контролирую перемещаемые товары и транспортные средства через границу, такое явление как взяточничество наносит серьезный урон стабильности и развитию экономики страны, а также ее безопасности в целом.

Также существует ряд других проблем, связанных с раскрытием данного рода деяния. Взяточничество предусматривает уголовную ответственность, но в большинстве случаев подозреваемые дают ложные показания, которые направлены в их пользу, что может создать своеобразную круговую поруку. В других случаях, должностные лица могут брать взятки за совершения вполне законных действий, что практически невозможно доказать следствию, так как отсутствуют следы преступления в частности в документах, обвинения в таких случаях строятся на практически косвенных доказательствах, оценка и анализ которых несет трудности для расследования дела. Немало случаев, связанных с расхищением государственного, муниципального и частного имущества или бюджета.

Таможенные законодательство имеет ряд недоработок, которые позволяют находить своего рода «лазейки» для совершения противоправных деяний и допускают нарушение таможенных технологий. Также отсутствие четкой регламентации действий таможенника и должного контроля за его работой также создают некие благоприятные условия для совершения преступления.

Актуальной проблемой современной жизни России является непосредственная борьба с данным противоправным явлением, то есть борьба с коррупцией. Одна из проблем российской действительности заключается еще и в том, что борьба с коррупцией возлагается в первую очередь на правоохранительные органы, которые сами подвержены коррупционным издержкам [Федосенко, 2007]. Взяточничество влияет на все сферы общественной жизни, оказывает серьезное воздействие на ограничение прав и свобод граждан, подрывает авторитет государственного аппарата, также данное социально опасное явление прочно пускает корни во многих структурах, в том числе и таможенной.

Расследование данного вида преступлений является сложным и трудоемким. При проведении расследования необходимо использовать различные области научного познания, так как необходимо собрать, учесть и перепроверить множество данных, систематизировать их в единую и логичную основу доказательств дела.

При расследовании данных противоправных деяний огромную роль играют личностные качества лиц, которые имеют отношения к совершению преступления, так как часто субъектами взяточничества являются люди, которые занимают выгодные и высокие должности, соответственно, они обладают сильными волевыми качествами, которые нередко могут дезориентировать следователя, расследующего уголовное дело.

Планирование расследования также играет огромную роль, так как очень важно учесть все взаимосвязанные элементы, сформулировать задачи и цели, а также четко определить оптимальные средства их решения.

Расследование взяточничества необходимо поручать наиболее квалифицированным и опытным специалистам, а наиболее сложные и актуальные дела передавать в производство следователей прокуратур субъектов федерации. Это имеет огромное значение, так как помогает обеспечить законность расследования и эффективность использования средств, источников и возможностей, предусмотренных законодательством, а также принимать своевременные меры к пресечению и предупреждение незаконного воздействия на следователей и лиц, входящих в группу по расследованию, с целью повлиять на ход расследования и принимаемые по делу решения.

Заключение

Таким образом, рост числа таких преступлений как взяточничество в нашей стране обуславливается бездействием и бессилием правоохранительных органов, сложностью расследования, слабой законодательной и нормативно-правовой базой.

Наиболее эффективными методами по борьбе с тенденцией коррупции, а в нашем случае с взяточничеством, были бы оптимизация существующих методик расследования, что должно благоприятно повлиять на раскрываемость преступлений, ужесточение законодательства и ответственности за совершение преступлений данного вида. Благоприятное влияние, кроме того, может оказать принятие новых модернизированных законов по борьбе с данным явлением и установление более высоких социальных гарантий для служащих.

Библиография

1. Букалерова Л.А., Гаврюшкин Ю.Б. Компаративный анализ уголовно-правового противодействия посредничеству во взяточничестве. М.: Юрлитинформ, 2014. 192 с.
2. Грачева Ю.В и др. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. М.: КОНТРАКТ, 2009. 296 с.
3. Купрещенко Н.П. Влияние коррупции на экономические отношения в Российской Федерации // Налоги. 2008. Спецвыпуск. URL: https://www.lawmix.ru/bux/54660
4. Магомедов А.А., Миньковский Г.М., Ревин В.П. Уголовное право России. Особенная часть. М.: Юстицинформ, 2009. 123 с.
5. Писарев Е. Судья получил срок за взятку // Российская газета. 2007. 25 окт.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017).
8. Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 03.04.2017 г.) «О противодействии коррупции».
9. Федосенко В. Следственная взятка // Российская газета. 2008. 23 дек.

Criminalistics characteristics and features of investigation of bribery in customs bodies

Nataliya D. Klimenko

Graduate Student,
Vladimir State University,
600000, 87, Gor'kogo str., Vladimir, Russian Federation;
e-mail: klimenkonatalyadm@mail.ru

Abstract

The article examines the problematic issue of bribery, as the most dangerous manifestation of corruption. The forensic characteristics of this phenomenon are analyzed, the signs of which have been observed for a long time and everywhere in all government bodies, including customs authorities. Details of the investigation of bribery are examined in detail, which plays a very important role, since the growth of this type of crime destroys the economic basis of the country, destroys its authority in the international arena, generates an atmosphere of lawlessness and lack of rights. The issue of corruption, and in this case, such a concept as bribery, which are inseparable unity, is of great importance for the effective functioning of various spheres of society, which involves studying the concept of these terms, as well as their criminalistics characteristics. The most effective methods to combat the tendency of corruption, and in our case, bribery, is to optimize the existing methods of investigation, which should favorably influence the detection of crimes, toughening of legislation and responsibility for committing a crime of this type. Favorable influence, in addition, may be the adoption of new modernized laws to combat this phenomenon and the establishment of higher social guarantees for employees.

For citation

Klimenko N.D. (2018) Kriminalisticheskaya kharakteristika i osobennosti rassledovaniya vzyatochnichestva v tamozhennykh organakh [Criminalistics characteristics and features of investigation of bribery in customs bodies]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(12A), pp. 126-131.

Keywords

Bribery, corruption, customs, law, jurisprudence.

References

1. Bukalerova L.A., Gavryushkin Yu.B. (2014) *Komparativnyi analiz ugolovno-pravovogo protivodeistviya posrednichestvu vo vzyatochnichestve* [A comparative analysis of the criminal legal counteraction to mediation in bribery]. Moscow: Yurlitinform Publ.
2. *Federal'nyi zakon ot 25.12.2008 g. № 273-FZ (red. ot 03.04.2017 g.) «O protivodeistvii korruptsii»* [Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008 (as amended on April 3, 2017) "On Counteracting Corruption"].
3. Fedosenko V. (2008) Sledstvennaya vzyatka [Investigative bribe]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 23 December.
4. Gracheva Yu.V et al. (2009) *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Osobennaya chast'* [Criminal law of the Russian Federation. The special part]. Moscow: KONTRAKT Publ.
5. Kupreshchenko N.P. (2008) Vliyanie korruptsii na ekonomicheskie otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii [Influence of corruption on economic relations in the Russian Federation]. *Nalogi* [Taxes], special issue. URL: https://www.lawmix.ru/bux/54660
6. Magomedov A.A., Min'kovskii G.M., Revin V.P. (2009) *Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast'* [Criminal law of the Russian Federation. The special part]. Moscow: Yustitsinform Publ.
7. Pisarev E. (2007) Sud'ya poluchil srok za vzyatku [The judge received a term for a bribe]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 25 October.
8. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 09.07.2013 N 24 (red. ot 03.12.2013) «O sudebnoi praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inykh korruptsionnykh prestupleniyakh»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.07.2013 No. 24 (as amended on 03.12.2013) "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes."].
9. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 29.07.2017) (s izm. i dop., vstup. v silu s 26.08.2017)* [The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on July 29, 2017) (as amended and supplemented, entered into force on August 26, 2017)].

УДК 343.97

Конфликт интересов как антикоррупционный институт в сфере образования

Павленко Оксана Вячеславовна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Институт государства и права,
Тюменский государственный университет,
625063, Российская Федерация, Тюмень, ул. Володарского, 6;
e-mail: oksi-pavlenko@yandex.ru

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Аннотация

Цель. В статье рассматриваются правовые и социальные вопросы, связанные с появлением института конфликта интересов в сфере образования. *Научная и практическая значимость.* Актуальность и значимость исследования конфликта интересов обусловлена тем, что меры, направленные на предотвращение конфликта интересов, в настоящее время носят неполный характер. Описываются некоторые проблемы законодательного регулирования конфликта интересов в педагогической деятельности, отмечается отсутствие на практике критериев оценки ситуаций конфликта интересов. Анализируются термины «конфликт интересов» и «личная заинтересованность» в образовательной сфере. Приводятся примеры типичных ситуаций, создающих условия для конфликта интересов. Также уделяется внимание проблемам урегулирования конфликта интересов педагогических работников. *Методология*: метод межотраслевых юридических исследований. *Выводы.* Законодательные формулировки о конфликте интересов педагогических работников не вполне учитывают причины и последствия конфликта интересов и не раскрывают все типичные ситуации конфликта интересов в образовательной сфере. Необходимость их модернизации позволит действенно использовать конфликт интересов как антикоррупционный институт в сфере образования.

Для цитирования в научных исследованиях

Павленко О.В. Конфликт интересов как антикоррупционный институт в сфере образования // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 12А. С. 132-139.

Ключевые слова

Коррупция, антикоррупционное законодательство, конфликт интересов, сфера образования, педагогические работники, противодействие коррупции.

Введение

Принятие антикоррупционного законодательства в России есть начало реформ, в основе которых лежат коренные структурные преобразования, подрывающие стимулы к коррупции в различных сферах жизнедеятельности общества и государства. Согласно пункту 2 ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – ФЗ о противодействии коррупции) под таким противодействием понимается деятельность, осуществляемая по трем направлениям: а) предупреждение коррупции (профилактика коррупции), нацеленное на выявление и последующее устранение причин коррупции; б) борьба с коррупцией, трактуемая как выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений; в) минимизация и/или ликвидация последствий коррупционных правонарушений. Термин «противодействие коррупции» определяет необходимость применения в борьбе с данным негативным явлением не только механизма реагирования на лиц, совершивших коррупционные правонарушения, но и ориентирует на создание механизма выявления и устранения причин и условий коррупционного поведения. В связи с этим, институт урегулирования и предотвращения конфликта интересов становится важнейшим профилактическим инструментом, направленным на выявление и устранение детерминантов, способствующих возникновению и развитию коррупционных рисков.

Содержательная интерпретация понятия «конфликт интересов педагогического работника»

В мировой практике институт конфликта интересов возник с целью оградить публичных служащих от участия в политике и бизнесе и рассматривается как один из элементов стратегии противодействия коррупции на государственной службе. «В большинстве развитых стран госслужащим запрещено участвовать в процессе принятия решений, затрагивающих их собственные экономические интересы» [Роуз-Аккерман, 2010, 100]. Российский законодатель обратился к ситуации конфликта интересов как к антикоррупционному институту в сфере публичного управления, основываясь, в первую очередь, на опыте зарубежных стран, что, к сожалению, не всегда позволяет избежать повторения «чужих ошибок».

Общее понятие «конфликта интересов» приводится в пункте 1 ст. 10 ФЗ о противодействии коррупции, из анализа которого, на наш взгляд, следует, что смысловое наполнение российских правовых норм изначально, как и за рубежом, было ориентировано только на лиц, исполняющих обязанности и осуществляющих полномочия в сфере публичного управления. Однако в последующем сама жизнь потребовала внесения в отечественное законодательство определенных коррективов – посредством распространения сферы «конфликта интересов» и в иные плоскости. И, в частности, при принятии Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 03.07.2016 г., с изм. от 19.12.2016 г.; далее – ФЗ об образовании) в его текст было включено определение «конфликт интересов педагогического работника» (п. 33 ст. 2), из которого можно вывести специфические черты, отличающие его от других профильных понятий «конфликта интересов»: субъектами конфликта могут быть только педагогический работник и обучающийся (при недостижении им несовершеннолетия – его законные представители); конфликт должен иметь место в образовательной сфере, т.е. при исполнении педагогическим работником своих профессиональных функций; педагогический работник при этом должен преследовать только

свои личные интересы, выражающиеся «в получении материальной выгоды или иного преимущества», которое влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им профессиональных обязанностей. Такая трактовка подтвердила ту концепцию, которой придерживается отечественный законодатель в вопросах конфликта интересов в целом: возникновение ситуации конфликта интересов связано с вытекающими из занимаемой должности юридическими возможностями совершения (несовершения) тех или иных деяний (так, применительно к сфере образования, педагогический работник, обладающий такими возможностями, может использовать свой статус вопреки интересам обучающегося).

Традиционно уже в первый день учебного года (1 сентября) преподавателям несут цветы и, нередко, подарки. Анализ действующих норм гражданского и уголовного права о вручении педагогическому работнику «обычного подарка» (ст. 575 ГК РФ) показал, что четкого разграничения между этим понятием и взяткой нет, хотя исследованию вопросов об их соотношении посвящено достаточно большое количество публикаций. Например, В.В. Сверчковым предлагается разграничивать их «по мотивации дарения»: подарок вручается «человеку, в том числе должностному лицу, за его морально-нравственные, профессионально-этические качества и не связан с выполнением или невыполнением им какого-либо действия по службе» [Сверчков, 2013, 103]. Думается, что все же следует опираться не на субъективное восприятие личности одаряемого, а на его функциональные полномочия. Бесспорно, что для каждого правоприменителя является авторитетным мнение Верховного Суда РФ, который в п. 7 своего Постановления от 09.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред. от 03.12.2013 г.) указал, что «не образует состав получения взятки принятие должностным лицом денег, услуг имущественного характера и т.п. за совершение действий (бездействие), хотя и связанных с исполнением его профессиональных обязанностей, но при этом *не относящихся к полномочиям представителя власти, организационно-распорядительным либо административно-хозяйственным функциям* [*от авт.: выделено мной*]». Считаем, что указанные функции не всегда присущи профессиональной деятельности педагогического работника. Но, тем не менее, педагогу следует воздерживаться от принятия даже «обычных подарков», тем более, что такое дарение всегда предшествует моменту предоставления им образовательных услуг.

Значение дефиниции «личная заинтересованность» при определении конфликта интересов педагогического работника

Отдельного рассмотрения требует вопрос о характере заинтересованности педагогического работника. В теории права заинтересованность традиционно подразделяется на два вида: корыстная и личная. Под первым видом подразумевается желание получить материальную выгоду, а под вторым заинтересованность в достижении цели личной выгоды нематериального характера (месть, карьеризм, семейственность, желание скрыть свою некомпетентность, стремление заручиться поддержкой при решении какого-либо вопроса и др.). Термин «личная заинтересованность», предложенный законодателем при определении ситуации конфликта интересов педагогического работника не охватывает возможные ситуации наступления негативных последствий нематериального характера и причинения вреда всему обществу и государству. В частности, такими ситуациями в системе образования становятся те, в которых профессиональное положение используется для лоббирования чьих-либо интересов, создания системы предпочтений для «нужных» людей и др. Зачастую, как отмечает Г.А. Трофимова, «учителя, зависимые от системы аттестации своей деятельности по внешне положительным

результатам, стараются корректировать показатели успеваемости учащихся проставлением удовлетворительных оценок. Так их неправомерные действия становятся средством продолжения трудового контракта» [Трофимова, 2014]. Представляется, что в такой ситуации, хотя и присутствуют признаки личной заинтересованности в получении материального (например, премии за хорошие показатели работы) или иного преимущества, конфликта интересов педагогического работника нет ввиду отсутствия второй стороны «противостояния» – обучающегося (его законных представителей); здесь, в зависимости от конкретных обстоятельств, речь идет уже о преступном или ином противоправном деянии педработника.

По нашему мнению, мотивационным, побуждающим фактором коррупционного поведения педагога (в широком смысле этого слова) может быть не только его интерес в получении выгоды для себя. Например, учитель ведет себя определенным негативным образом в отношении конкретного ученика с целью заставить его родителей, являющихся бизнесменами, внести «добровольные пожертвования» в виде дополнительного оборудования для нужд школы в целом; педагогический работник, заинтересованный в победе своих обучающихся, участвует в жюри конкурсных мероприятий и публично завышает результаты выступлений своих учеников, тем самым лишая заслуженной высокой оценки его конкретных конкурентов (при этом причиняя в том числе и моральный вред проигравшим ученикам), и т.п. Конечно же, материальной выгоды или преимущества для себя педагогический работник не получает, а действует лишь в интересах своего образовательного учреждения. Полагаем, что в зависимости от конкретных обстоятельств, часть таких деяний также может привести к конфликту интересов педагогического работника.

Интерес представляет и случаи аморального поведения педагогических работников, прямо или косвенно затрагивающие ситуации, связанные с обучающимися. Возникает вопрос: можно ли причислить их к конфликтам интересов? Трудовое законодательство аморальные действия работников относит к самостоятельному основанию привлечения к дисциплинарной ответственности и в перечень случаев конфликта интересов не включает. В соответствии с нормой п. 8 ст. 81 ТК РФ при несовместимости аморального проступка с продолжением работы, связанной с выполнением воспитательных функций, работник, как правило, подлежит увольнению по инициативе работодателя. Безусловно, ситуации неэтичного поведения педагогического работника влекут для него негативные правовые последствия, так как занесение в трудовую книжку официальных сведений о причине увольнения педагога лишает его перспективы дальнейшей преподавательской деятельности. По нашему мнению, однозначной объективной оценки ситуаций, связанных с совершением педагогом аморального проступка, быть не может и не должно, так как на их квалификацию в качестве конфликта интересов существенное влияние оказывают, прежде всего, субъективные факторы.

С моральным обликом педагога неразрывно связан еще один аспект – оказание им платных образовательных услуг в той организации, где он осуществляет образовательную деятельность. Оговорка о том, что предоставление таких услуг возможно при условии, что их оказание не «приводит к конфликту интересов педагогического работника» (п. 2 ст. 48 ТК РФ), представляется не совсем корректной, т.к. любое поведение преподавателя, фактически любыми путями понуждающего обучающегося (или его законных представителей) обратиться к нему с просьбой о репетиторстве, можно подвести под проявление так называемой «заботы» о качестве и уровне знаний обучающегося (либо завуалировать под такую «заботу»). И, конечно же, в таком виде норма п. 2 ст. 48 ТК РФ, мягко говоря, вызывает недоумение, а потому должна быть представлена в законодательстве иначе: в виде запрета на репетиторство педагога в своем

учебном заведении вне зависимости от конфликта интересов.

Как справедливо отмечает С. Чаннов, «ситуация конфликта интересов в педагогической деятельности является слабо формализованной, и на практике как у работников, так и у руководителей образовательных учреждений, и у контролирующих организаций будут неизбежно возникать вопросы: является ли та или иная конкретная ситуация ситуацией конфликта интересов или нет» [Чаннов, 2013, 2]. Действительно, законодатель не только связал конфликт интересов или возможность его возникновения преимущественно с материальной выгодой, но и сузил количество типичных ситуаций, способствующих возникновению конфликта интересов, сохранив условия, ставящие человека в ситуацию получения того или иного блага в зависимости от системы формальных показателей. В целях более оптимального разрешения возникающих конфликтов, считаем, что содержание термина «конфликт интересов педагогического работника» должно быть расширено. Кроме этого, по возможности, в его определении должны быть сформулированы четкие исчерпывающие критерии оценки ситуаций конфликта интересов с тем, чтобы правоприменительная практика стала более единообразной, что, в свою очередь, позволит хотя бы ненамного приблизиться к конечной цели – искоренению коррупции (во всяком случае – в образовательной среде).

Применительно к государственной службе, как указывает О.Н. Костюк, понятия «коррупция» и «конфликт интересов» объединены общим последствием, связанным с причинением вреда правам и законным интересам граждан, общества и государства, а эти два понятия с дефиницией «личная заинтересованность» - «общим методом достижения личной выгоды (доходов), связанным с незаконным использованием лицом своего должностного положения или негативным (аморальным) влиянием на надлежащее исполнение им должностных (служебных) обязанностей» [Костюк, 2017]. Думается, что сказанное вполне приемлемо и для «конфликта интересов педагогического работника», ведь в конечном итоге весь процесс обучения и/или воспитания нацелен на интересы общества и государства в целом. К тому же, деятельность педагогического работника также должна получать оценку не только с правовой, но и с моральной точки зрения, так как интеллектуальное и нравственное здоровье населения — это направление деятельности любого благополучного государства, если оно желает иметь успехи в разностороннем развитии страны. Даже в высшей школе, где воспитательный процесс в прямом его понимании уже не осуществляется, поведение преподавателя является этическим и профессиональным ориентиром, формирующим практику общественных отношений для будущего специалиста.

Заключение

Предотвращение ситуаций конфликтов интересов в сфере образования вызвано необходимостью выявления рисков для добропорядочности образовательных учреждений и их работников; запрещения неприемлемых форм поведения; обеспечения эффективных процедур для разрешения конфликтных ситуаций, а также распространения информации об эффективных методах управления конфликтами. Неразрешенный конфликт интересов способен приводить к различным злоупотреблениям профессиональным положением и безнравственным проявлениям. Но, к сожалению, ввиду того, что преподавательская и научная сферы деятельности развивались последние десятилетия в нашем государстве в тех же самых коррупционных условиях, что и сферы публичного управления, в СМИ все чаще стала появляться информация о фактах коррупционного поведения педагогических работников. Поэтому в настоящее время развитие процедур разрешения конфликтных ситуаций становится

необходимым инструментом противодействия коррупционным практикам.

Процедуры обнаружения и рассмотрения конфликтов интересов, механизма приема заявлений о конфликте интересов и мер по разрешению действительного или возможного конфликта интересов в системе образования, помимо ФЗ об образовании (ст. 45), регламентированы подзаконными правовыми актами. Образовательные учреждения должны локальным нормативным актом утвердить Положение о комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений, а также Положение о конфликте интересов педагогического работника.

Такие комиссии созданы уже практически во всех учебных заведениях, но в настоящее время их недостаточную действенность можно объяснить рядом причин. Первой среди них следует назвать функциональную ограниченность деятельности таких комиссий, не предусматривающую планомерной долговременной работы по систематическому контролю за соблюдением требований к этическому поведению педагога. Следующей причиной является эпизодический характер их работы, обусловленный тем, что единственным основанием для проведения заседаний является поступившая информация о ненадлежащем исполнении педагогическим работником профессиональных обязанностей вследствие противоречия между его личной заинтересованностью и интересами обучающегося (или его законных представителей) либо о наличии потенциальной угрозы возникновения такой ситуации. А самой непредсказуемой по своим последствиям причиной, пожалуй, можно считать рекомендательный характер принимаемых комиссией решений, который не позволяет им в полной мере проявить себя в качестве «работающего» инструмента противодействия конфликтам интересов и этико-профессионального развития кадрового состава педагогических работников. Конечно, как правильно считает И.В. Плюгина, «пороки локальных актов могут существенно снижать эффективность регулирующего воздействия, одновременно повышая коррупционные риски» [Плюгина, 2016, 123-133], но на сегодняшний день оба вышеназванных вида Положений все же базируются на федеральных актах, а это означает, что в первую очередь надо изменять нормативные источники РФ.

Таким образом, законодательные формулировки о конфликте интересов педагогических работников не вполне учитывают причины и последствия конфликта интересов (в их основе, в частности, может быть заложена неэффективная организация системы административно-управленческого аппарата), и не всегда связывают конфликт интересов с наступлением возможных негативных последствий для всего общества и государства. И отсюда – необходима их модернизация, которая позволит действенно использовать конфликт интересов как антикоррупционный институт в сфере образования. Тем более что и в текущем году продолжится реализация направлений, заложенных в Национальный план противодействия коррупции на 2016-2017 годы, предусматривающим совершенствование правовых основ и организационных механизмов предотвращения и выявления конфликта интересов.

Актуальными остаются и вопросы научной проработки типичных ситуаций конфликта интересов в образовательной сфере, прав и обязанностей участников образовательных отношений в связи с конфликтом интересов, процедуры урегулирования конфликта интересов. Пока же современные возможности двойного толкования ситуаций конфликта интересов могут привести к серьезным последствиям, связанным не с предотвращением конфликтов интересов, а с ущемлением прав и интересов любой из сторон конфликта – как обучающихся, так и педагогических работников.

Библиография

1. Костюк О.Н. О соотношении понятий «конфликт интересов» и «коррупция» на государственной службе Российской Федерации. URL: www.jurnal.org/articles /2012/uri12.html
2. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. 2013.
3. О Национальном плане противодействия коррупции на 2016-2017 годы: Указ Президента РФ от 01.04.2016 № 147 // Собрание законодательства РФ, 04.04.2016. № 14. ст. 1985.
4. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273 - ФЗ (с изм. от 28 ноября 2015 г. № 354-ФЗ) // Российская газета. 2008. 30 декабря.
5. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 03.07.2016 г., с изм. от 19.12.2016 г.) // Собрание законодательства РФ, 31.12.2012, № 53 (ч. 1), ст. 7598.
6. Плюгина И.В. Правовые механизмы предупреждения коррупции в сфере образования // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 123.
7. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. М.: Логос, 2010. 343 с.
8. Сверчков В. Актуальные вопросы квалификации коррупционного поведения (к обсуждению проекта Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве, коммерческом подкупе и иных коррупционных преступлениях») // Уголовное право. 2013. № 5. С. 102-104.
9. Трофимова Г.А. Коррупциогенный фактор в России // Российская юстиция. 2014. № 11. С. 62-65.
10. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Российская газета. 31.12.2001. № 256.
11. Чаннов С. Конфликт интересов педагога // ЭЖ-Юрист. 2013. № 25. С. 15.

Conflict of interest as an anticorruption institute in education

Oksana V. Pavlenko

PhD in Law,Associate Professor,
Associate Professor of the Criminal Law and Procedure Department,
Tyumen State University
625063, Volodarskogo str., 6, Tumen, Russian Federation;
e-mail: oksi-pavlenko@yandex.ru.

Abstract

Purpose. The article deals with the legal and social issues associated with the institute of conflict of interest in education. Discussion. The relevance and significance of the study on this topic due to the fact that the measures aimed at preventing conflicts of interest are incomplete at the moment. The author describes some of the problems of legal regulation of conflict of interest in the educational activities, signifies the fact that there are no practical criteria for assessing the situation, analyzes such terms as “conflict of interest” and “personal interest” in the field of education, and gives examples of typical situations that create the conditions for such type of conflicts. Special attention is paid to the problem of conflict of interest of teachers. Methods. The method of interbranch legal research. Results. The legislative language on the conflict of interest among pedagogical workers is incomplete: it doesn’t describe all of the reasons and typical cases in that field of study. The necessity of its continuous developing will allow us to use the conflict of interest as an anticorruption measure. The issues of scientific study of typical situations of conflict of

interests in the educational sphere, rights and duties of participants in educational relations in connection with the conflict of interests, procedures for the settlement of conflicts of interests are also topical.

For citation

Pavlenko O.V. (2017) Konflikt interesov kak antikorruptsionnyi institut v sfere obrazovaniya [Conflict of interest as an anticorruption institute in education]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(12A), pp. 132-139.

Keywords

Corruption, anti-corruption legislation, conflict of interests, education, teaching staff, anti-corruption.

References

1. Channov S. (2013) Konflikt interesov pedagoga [Conflict of interests of the teacher]. *EZh-Yurist* [EJ-Lawyer]. 2013. № 25. S. 15.
2. Kostyuk O.N. *O sootnoshenii ponyatii «konflikt interesov» i «korruptsiya» na gosudarstvennoi sluzhbe Rossiiskoi Federatsii* [On the relationship between the concepts of "conflict of interest" and "corruption" in the public service of the Russian Federation]. Available at: www.jurnal.org/articles /2012/uri12.html [Accessed 07/07/2017]
3. *O sudebnoi praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inykh korruptsionnykh prestupleniyakh: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 09.07.2013 № 24 (red. ot 03.12.2013). Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. № 9. 2013* [On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 of July 9, 2013 (as amended on 03.12.2013). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. № 9. 2013].
4. *O Natsional'nom plane protivodeistviya korruptsii na 2016-2017 gody: Ukaz Prezidenta RF ot 01.04.2016 № 147. Sobranie zakonodatel'stva RF, 04.04.2016. № 14. st. 1985* [On the National Plan for Combating Corruption for 2016-2017: Decree of the President of the Russian Federation of 01.04.2016 No. 147. Collection of Legislation of the Russian Federation, 04/04/2016. № 14. Art. 1985].
5. *O protivodeistvii korruptsii: Federal'nyi zakon ot 25 dekabrya 2008 goda № 273 - FZ (s izm. ot 28 noyabrya 2015 g. № 354-FZ). Rossiiskaya gazeta. 2008. 30 dekabrya* [On Counteracting Corruption: Federal Law No. 273-FZ of 25 December 2008 (as amended on November 28, 2015, No. 354-FZ). Rossiyskaya Gazeta. 2008. 30 December].
6. *Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon ot 29.12.2012 g. № 273-FZ (v red. ot 03.07.2016 g., s izm. ot 19.12.2016 g.). Sobranie zakonodatel'stva RF, 31.12.2012, № 53 (ch. 1), st. 7598* [On education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 (as amended on July 3, 2016, as amended on December 19, 2016). Collection of Legislation of the Russian Federation, 31.12.2012 , No. 53 (Part 1), art. 7598].
7. Plyugina I.V. (2016) Pravovye mekhanizmy preduprezhdeniya korruptsii v sfere obrazovaniya [Legal Mechanisms for Preventing Corruption in Education]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 12, p. 123.
8. Rose-Ackermann S. (2010) *Korruptsiya i gosudarstvo. Prichiny, sledstviya, reformy* [Corruption and the State. Reasons, consequences, reforms]. Moscow: Logos Publ.
9. Sverchkov V. (2013) Aktual'nye voprosy kvalifikatsii korruptsionnogo povedeniya (k obsuzhdeniyu proekta Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda RF «O sudebnoi praktike po delam o vzyatochnichestve, kommercheskom podkupe i inykh korruptsionnykh prestupleniyakh») [Actual issues of the qualification of corruption behavior (to the discussion of the Draft Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On Judicial Practice in Bribery, Commercial Bribery and Other Corruption Crimes")]. *Ugolovnoe parvo* [Criminal Law], 5, pp. 102-104.
10. Trofimova G.A. (2014) Korruptsiogennyi faktor v Rossii [The Corruption Factor in Russia]. *Rossiiskaya yustitsiya* [The Russian Justice], 11, pp. 62-65.
11. *Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 30 dekabrya 2001 g. № 197-FZ. Rossiiskaya gazeta. 31.12.2001. № 256* [The Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ. Rossiyskaya Gazeta. 31.12.2001. № 256].

УДК 34

О криминогенности несовершеннолетних и междисциплинарных ее исследованиях

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна

Кандидат юридических наук, доцент, подполковник полиции,
доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права,
Казанский юридический институт МВД России,
420108, Российская Федерация, Казань, ул. Магистральная, 35;
e-mail: demidova.liza@gmail.com

Аннотация

В настоящей статье автор отмечает, что анализ и оценка рисков криминогенности различных сфер жизнедеятельности, а также и социально значимых условий места жительства несовершеннолетних, свидетельствует о разных детерминантах преступных проявлений, которым должны соответствовать дифференцированные меры их предупреждения. На сегодняшний день проявляется неразделимый с общими проблемами преступности несовершеннолетних процесс их вовлеченности в новые формы уголовно-наказуемых деяний, совокупность которых приобретает самостоятельный вид преступности, получившей название экстремистской. Выявление процессов детерминации преступности, несовершеннолетних на пути к экстремизму сложны, так как образующие его механизмы становления также латентны, конспиративны и организованны, как и его проявления. В этой связи изучение молодежного экстремизма требует комплексного внимания разных специалистов, не только представляющих науки криминального цикла. Примечательно происходящее восполнение пробелов в современной науке, где в отраслях, не связанных с установлением закономерностей преступности, исследуются проблемы профилактики экстремизма, наркотизма как формы девиации в молодежной среде, через призму сложных для иного профессионального взгляда социальных процессов, происходящих в общественно значимых сферах политики, экономики, духовной жизни.

Для цитирования в научных исследованиях

Демидова-Петрова Е.В. О криминогенности несовершеннолетних и междисциплинарных ее исследованиях // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 12А. С. 140-149.

Ключевые слова

Криминогенность, детерминация, несовершеннолетний, виктимность, неформальные объединения экстремистского характера, молодежный экстремизм, наркотизм, девиация.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

Серьезный фактор отвлечения от актуальных задач предупреждения преступности несовершеннолетних во всех ее проявлениях, образовали новые смежные по субъектам криминогенного воздействия проблемы, связанные с виктимностью несовершеннолетних и вовлечением их в преступления. Эти, безусловно, острые проблемы активно проявились в 2000-е годы, требовали активного внимания ученых и практиков вплоть до середины 2010-х годов, и сохраняют свою злободневность в современный период времени.

Исследование криминогенности несовершеннолетних в Российской Федерации

Обстоятельства участия несовершеннолетних в криминальном рынке товаров и услуг, прежде всего связанном с незаконным оборотом наркотиков, не были продиктованы только лишь воздействием причинных факторов материального характера, обуславливающих такое участие. Доля подобных преступлений, совершенных несовершеннолетними, в исключительных проявлениях корыстной мотивации, была незначительна.

Типичная фабула событий, которые находят отражение в изученных автором материалах уголовных дел, позволяет отмечать, что участие подростков в наркопреступности часто находило объяснение в аддиктивных свойствах и характере их поведения, хорошо изученных коллегами – психологами и социологами [Лилюхин, 2016, 35]. Применительно к отмечаемым криминологически значимым процессам, значение аддиктивности несовершеннолетних проявлялось в навязчивой потребности в деятельности, связанной с распространением наркотиков, что продуцировало ощущение репутации, значимости в среде своего общения. При этом нельзя не отмечать неординарную схему управляемой и организованной преступной деятельности, в которой несовершеннолетние, участвующие на первых порах как наркодиллеры, в конечном счете, были расходной категорией в механизмах и рынке сбыта и потребления наркотиков. Организаторы преступной деятельности в арифметической прогрессии увеличивали эффект криминального рынка, используя не только и не столько материальную заинтересованность дилеров–подростков в получении доходов, сколько их психолого-возрастные особенности. Вовлечение несовершеннолетних в качестве наркодилеров в арифметической прогрессии увеличивало эффект и действенность криминального рынка за счет охвата социально-групповой среды распространения наркотиков.

Принимая во внимание эти криминологически значимые суждения, возникает твердая убежденность в том, что виктимологические проблемы несовершеннолетних в связи с вовлеченностью в преступную деятельность нельзя разъединять с задачами исследования и предупреждения преступности несовершеннолетних в целом. Даже при этимологическом соотношении значения слов «вовлеченность» и «вовлечение», проявляются свидетельства одного процесса криминализации несовершеннолетних, который, в конечном счете, определяет их статус преступников по субъектному признаку, вне зависимости от того, оказались ли они вовлечены в преступность инициативно – самостоятельно, или в результате стороннего активного влияния.

Комплексная позиция крайне целесообразна, учитывая особенности процессов криминализации несовершеннолетних, при которой их вовлечение в преступления, нередко

предваряется их виктимностью, – ранее приобретенным статусом потерпевшего от сторонних криминальных посягательств, который не всегда находит или имеет процессуальное свидетельство или подтверждение. Между тем, результаты конкретно-социологического исследования, проведенного ранее [Демидова-Петрова, 2017, 7 – 17; Демидова-Петрова, 2017, 36 – 46], подтверждаются достаточно частыми признаниями респондентов двух важных обстоятельств:

1) до совершения преступления они были потерпевшими;

2) имели доход за выполнение латентных поручений старших товарищей.

Не забывая про операционально определенную догму о присущих преступности несовершеннолетних традиционных чертах, нельзя обойти вниманием, едва видимую произошедшую дифференциацию криминальных проявлениях. Ее установление становится возможным благодаря не столько анализу статистических данных, сколько изучению материалов уголовных дел о деяниях, совершенных несовершеннолетними в условиях города и села. Предваряя раскрытие анонсируемых данных, следует сразу оговориться, что такая дифференциация проявлений ранее не была свойственна для времен криминологически благополучного состояния преступности несовершеннолетних и реагирования на ее проявления.

Итак, суть современных особенностей состоит в том, что в городских условиях отмечается больший удельный вес насильственных преступлений подростков, нежели на селе, где приоритет криминогенности проявляют корыстные уголовно-наказуемые деяния, совершаемые их сверстниками.

Таким образом, анализ и оценка рисков криминогенности не только различных сфер жизнедеятельности, но и социально значимых условий места жительства несовершеннолетних, свидетельствует о разных детерминантах преступных проявлений, которым должны соответствовать дифференцированные меры их предупреждения. Эта ситуация, как представляется очевидным, значительно отличается от той, которую достаточно успешно объясняла советская криминология (о содержании одинаковых детерминант преступности несовершеннолетних, о типологическом свойстве причинных факторов, однородных свойствах личности преступника-подростка). Принимая во внимание те громадные и существенные отличия, которые фиксируются официальной статистикой показателей преступности несовершеннолетних, отсутствие исследовательских фактов установления таких различий до сих пор, представляется парадоксальным. То же самое касается и дифференциации уровня преступности несовершеннолетних, которые различаются на порядок в территориальном разрезе страны (см. рис.1-6).

Рисунок 1 – Коэффициент преступности несовершеннолетних в региональных различиях РФ в 2011 году

Рисунок 2 – Коэффициент преступности несовершеннолетних в региональных различиях РФ в 2012 году

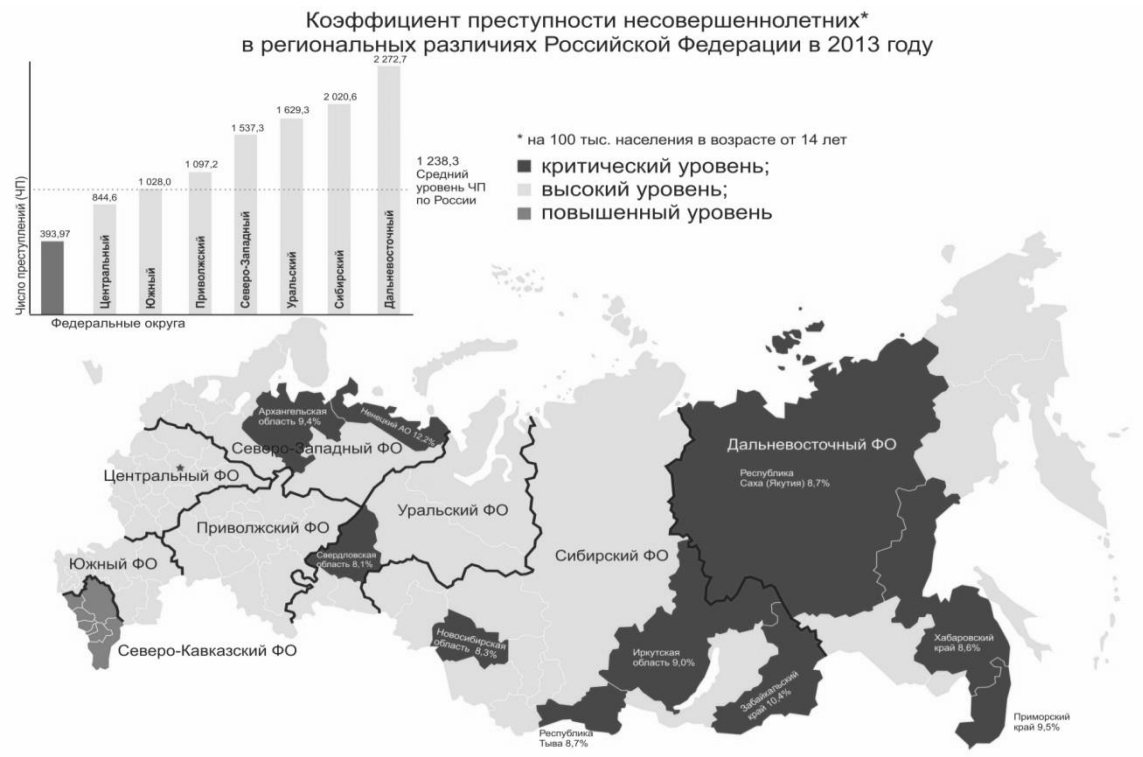

Рисунок 3 – Коэффициент преступности несовершеннолетних в региональных различиях РФ в 2013 году

Рисунок 4 – Коэффициент преступности несовершеннолетних в региональных различиях РФ в 2014 году

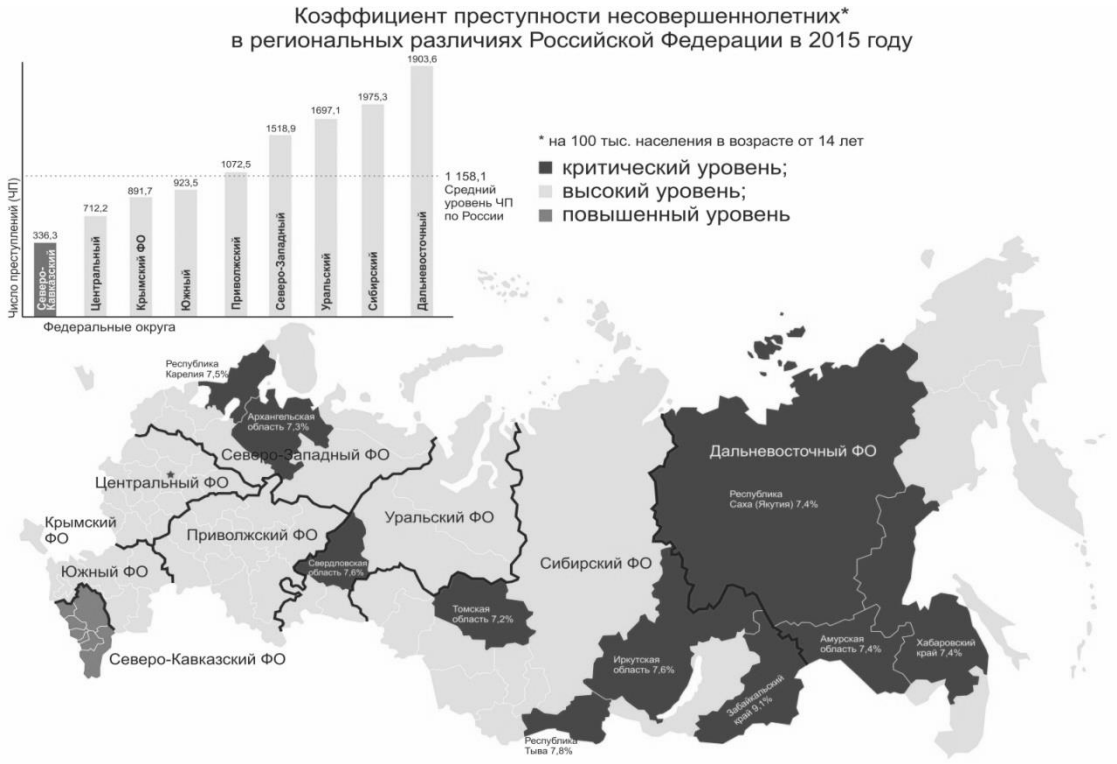

Рисунок 5 – Коэффициент преступности несовершеннолетних в региональных различиях РФ в 2015 году

Рисунок 6 – Коэффициент преступности несовершеннолетних в региональных различиях РФ в 2016 году

Нельзя не высказать гипотезу о состоянии переключенного внимания криминологов на другие кажущиеся более важными аспектами рассматриваемого вида преступности. В частности, такое переключение могло быть вызвано эффектом неожиданности появления новых криминальных угроз с участием несовершеннолетних, находящих проявление в неформальных объединениях, в том числе экстремистского характера.

Вероятно, внимание к этой теме и проблеме было вызвано и продиктовано особой степенью рисков развития новых криминальных вызовов и угроз, которые таили в себе процессы детерминации преступности несовершеннолетних, нашедшие выход в линиях экстремизма. Как показало время, эти опасения не были беспочвенны. Снова проявился неразделимый с общими проблемами преступности несовершеннолетних процесс их вовлеченности в новые формы уголовно-наказуемых деяний, совокупность которых приобрела самостоятельный вид преступности, получившей название экстремистской. Криминологически значимыми стали реалии участия неформальных, а потому уже уязвимых от криминогенного воздействия, объединений несовершеннолетних в качестве адептов деятельности, связанной с беспорядками радикальной политической направленности.

К сожалению, научно-криминологическое обеспечение борьбы в этой сфере оставляло желать лучшего. Снова проявился фактор рассредоточенности, возымел силу подход видения проблемы в частностях, в отдельных ведомственных элементах предупреждения [Васильев, Анисимов, 2013, 36-39], в том числе, нередко выходящего за границы предмета криминологии [Кузьмин, 2011, 38-44], либо в изучении его полиотраслевого содержания [Бурковская, 2006] безотносительно к задачам предупреждения в отношении несовершеннолетних.

На этом фоне, упущенные возможности предотвращения заряда детерминации преступности несовершеннолетних, фактически дали зеленый свет новым свойствам криминальных реалий, которые проявились в активном вовлечении представителей молодого поколения (по существу, «вчерашних» несовершеннолетних) в особо опасные формы экстремизма – в военизированные формирования радикального толка.

Авторский опыт свидетельствует, что исследование молодежного экстремизма не просто [Демидова-Петрова, 2015]. Выявление процессов детерминации преступности, несовершеннолетних на пути к экстремизму сложны потому, что образующие его механизмы становления также латентны, конспиративны и организованны, как и его проявления. В этой связи изучение молодежного экстремизма требует комплексного внимания разных специалистов, не только представляющих науки криминального цикла. В противном случае непредвзятое осмысление эмпирического материала может быть затруднено. Более того, если это делать через призму классической для юристов методологии, возникают риски сомнений относительно универсальности используемых средств познания сложных социальных процессов, которые коррелируют с причинными факторами молодежного экстремизма.

Заключение

Примечательно происходящее восполнение пробелов в современной науке, где в отраслях, не связанных с установлением закономерностей преступности, исследуются проблемы профилактики экстремизма, наркотизма как формы девиации в молодежной среде, через призму сложных для иного профессионального взгляда социальных процессов, происходящих в общественно значимых сферах политики, экономики, духовной жизни [Лазарев, 2017; Царахова, 2017].

Стараниями социологов устанавливаются значимые для возможного превентивного криминологического анализа угрозы. Они выражены в факторах, провоцирующих ослабление социализирующих механизмов, связанных с влиянием виртуальности на сознание несовершеннолетних. Платформой действия таких факторов является Интернет. Слабо контролируемое, одновременно анонимное и широко коммуникативное его пространство благоприятствует распространению множества криминологически значимых проявлений, тесно переплетенных между собой, мотивирующих уголовно-наказуемые деяния. В частности, речь идет о формировании асоциального компонента общения, сознания и мировоззрения; создании образа привлекательности экстремизма; культивировании криминальных стереотипов, субкультуры, установления досуговых отношений и взаимодействий девиантогенного потенциала (например, связанных с употреблением и распространением «легких» наркотиков, устраиванием перфомансов, вызывающих общественное порицание, участием в несанкционированных мероприятиях политической направленности). Нужно сказать, что для многих несовершеннолетних, погружение в криминогенную реальность Интернета, происходит неосознанно, при том, что такое погружение моделируется и управляется извне. При этом искусно используется фактор ложной подачи информации, убеждения в отсутствии социальных и профессиональных лифтов для подрастающего поколения. В таких условиях, создается благодатная почва для идентификации несовершеннолетних себя со средой бесперспективности, развивается стремление к немедленным выгодам. Этот заряд криминогенного влияния Интернета находит свой выход в особо опасных формах общественно опасных действий, запрещенных УК РФ: начиная от призывов к свержению конституционного строя (получающих выражение в участии в так называемых, «цветных революциях»), до активной вербовки сторонников радикальных экстремистских формирований, также запрещенных законом.

Библиография

1. Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 20 с.
2. Васильев Ф.П., Анисимов Р.Ю. Роль подразделений полиции по делам несовершеннолетних в пресечении экстремизма // Административное право и процесс. 2013. № 3. С. 36-39.
3. Демидова-Петрова Е.В. Криминологическая характеристика молодежных неформальных объединений экстремистской направленности. Казань, 2015. 228 с.
4. Демидова-Петрова Е.В. Современная картина свойств личности несовершеннолетнего осужденного в криминологических оценках (часть первая) // Мониторинг правоприменения. 2017. № 1. С. 7-17.
5. Демидова-Петрова Е.В. Современная картина свойств личности несовершеннолетнего осужденного в криминологических оценках (часть вторая) // Мониторинг правоприменения. 2017. № 2 (23). С. 36-46.
6. Кузьмин А.В. Административно-правовое противодействие экстремизму в молодежной среде // Административное право и процесс. 2011. № 6. С. 38-44.
7. Лазарев Д.А. Молодежный экстремизм в условиях трансформирующегося российского общества: проблемы профилактики и противодействия: автореф. дис. … канд. соц. наук. Краснодар, 2017. 30 с.
8. Лилюхин А.М. Аддиктивное поведение российской молодежи: условия формирования, особенности стратегии и практик: автореф. дис. … канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2016. С. 35.
9. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002, № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) // Российская газета от 30.07.2002, № 138-139 (3006-3007).
10. Царахова Н.В. Наркотизм как форма девиации в молодежной субкультуре: социологический анализ: автореф. дис. … канд. соц. наук. Майкоп, 2017. 27 с.

About the criminality of juveniles and its interdisciplinary research

Elizaveta V. Demidova-Petrova

PhD in Law, Associate Professor, Police Colonel
Associate Professor at the Department of criminology and Penitentiary Law,
Kazan Law Institute of the MIA of Russia,
420108, 35, Magistralnaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: demidova.liza@gmail.com

Abstract

In this scientific research the author points out that the analysis and assessment of the risks of criminality in various spheres of life, as well as socially important conditions for the residence of minors, attests to the different determinants of criminal manifestations, to which differentiated measures of their prevention must correspond. To date, the process of their involvement in new forms of criminally punishable acts, the totality of which acquires an independent kind of criminality, called extremism, is inseparable from the general problems of juvenile delinquency. The identification of the processes of determination of criminality of minors on the way to extremism is complex, since the forming mechanisms of its formation are also latent, conspiratorial and organized, as well as its manifestations. In this regard, in the author's opinion, the study of youth extremism requires the comprehensive attention of various specialists, not only representing the science of the criminal cycle. It is noteworthy that the filling of gaps in modern science is noteworthy, where problems of preventing extremism and narcotics usage as a form of deviation in the youth environment, through the prism of social processes that are complex for another professional view, occurring in socially significant spheres of politics and economy, and spiritual life.

For citation

Demidova-Petrova E.V. (2018) O kriminogennosti nesovershennoletnikh i mezhdistsiplinarnykh ee issledovaniyakh [About the criminality of juveniles and its interdisciplinary research]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(12A), pp. 140-149.

Keywords

Criminality, determination, juvenile, victimization, informal groups of an extremist nature, youth extremism, drug addiction, deviation.

References

1. Burkovskaya V.A. (2006) *Kriminalnii religioznii ekstremizm: ygolovno-pravovie I kriminologicheskie osnovi protivodeistviy. Doct. Dis.* [Religious extremism criminal: criminal-legal and criminological basis of opposition. Doct. Dis.]. Moscow.
2. Demidova-Petrova E.V. (2015) *Kriminologicheskay harakteristika molodegnih ob'edinenii ekstremistskoi napravlennosti* [Criminological characteristics of informal youth associations with extremist tendencies]. Kazan.
3. Demidova-Petrova E.V. (2017) Sovremennay kartina svoistv lichnosti nesovershennoletnego osygdennogo v kriminologicheskih otsenkah (chast' pervay) [The modern view of the properties of the individual juvenile offender in criminological assessments (part one)]. *Monitoring pravoprimeneniya* [Monitoring of law enforcement], 1, pp. 7-17.

4. Demidova-Petrova E.V. (2017) Sovremennay kartina svoistv lichnosti nesovershennoletnego osygdennogo v kriminologicheskih otsenkah (chast' vtoray) [The modern view of the properties of the individual juvenile offender in criminological assessments (part two)]. *Monitoring pravoprimeneniya* [Monitoring of law enforcement], 2 (23), pp. 36-46.
5. Kuzmin A.V. (2011) Administrativno-pravovoe protivodeystvie ekstremizmy v molodegnoi srede [Administrative and legal counteraction to extremism in the youth environment]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative law and process], 6, pp. 38-44.
6. Lazarev D.A. (2017) *Molodegnii ekstremizm v ysloviyeh transformiryushegosia rossiyskogo obshestva: problem profilaktiki i protivodeistvia. Doct. Dis.* [Youth extremism in transforming Russian society. Doct. Dis.]. Krasnodar.
7. Lelukhin A.M. (2016) *Addiktivnoe povedenie rossiiskoy molodegi: yslovia formirovania, osobennosti strategii i praktik. Doct. Dis.* [Addictive behavior of Russian youth: conditions of formation, the strategy and practices. Doct. Dis.]. Rostov-on-Don.
8. (2002) O protivodeistvii ekstremistskoi deyatelnosti: Federalniy zakon ot 25.07.2002, № 114-ФЗ (red. ot 23.11.2015) [On counteracting extremist activity: Federal law of 25.07.2002, № 114-FZ (as amended on 23.11.2015)]. *Russian newspaper*, 138-139 (3006-3007).
9. Tsarakhova N.V. (2017) *Narkotizm kak forma deviasii v molodegnii sybkyl'tyre: soziologicheskii analiz. Doct. Dis.* [Drug addiction as a form of deviancy in the youth subculture: a sociological analysis. Doct. Dis.]. Maykop.
10. Vasilyev F.P., Anisimov R.J. (2013) *Rol podrazdelenii polizii po delam nesovershennoletnih v presechenii ekstremizma* [The role of police units for juveniles at the suppression of extremism]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative law and process], 3, pp. 36-39.

УДК 364.272 (575.2) (04)

История и современное состояние наркоситуации в Кыргызстане

Тугельбаева Бермета Галиевна

Доктор юридических наук, доцент,
Кыргызско-российский славянский университет,
720000, Кыргызская Республика, Бишкек, ул. Киевская, 44;
e-mail: tbermeta@yandex.ru

Хамзаева Джамиля Даулетбековна

Кандидат юридических наук, доцент,
Кыргызско-российский славянский университет,
720000, Кыргызская Республика, Бишкек, ул. Киевская, 44;
e-mail: khamzaeva.ad@yandex.ru

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Аннотация

В статье показаны исторические предпосылки распространения наркотиков в Кыргызстане, изменения в наркоситуации, произошедшие в советский период и на современном этапе развития страны. Рассмотрены меры противодействия незаконному обороту наркотиков, а также состояние профилактики и лечения наркозависимости, проанализирована их эффективность. В результате исследования автор приходит к выводу, что в Кыргызстане к настоящему времени в соответствии с принятыми международными обязательствами сформирована необходимая законодательная база, разработана государственная политика в сфере контроля наркотиков, создан институциональный механизм осуществления контроля за оборотом наркотиков. Однако, несмотря на положительные сдвиги в пресечении незаконного оборота наркотиков, обусловленные усилением криминологической профилактики наркопреступности, что выразилось в некотором снижении ее уровня в структуре общей преступности, Кыргызстан продолжает оставаться одним из активных каналов международного наркотрафика, о чем свидетельствует наличие существенных объемов, изымаемых из незаконного оборота наркотиков.

Для цитирования в научных исследованиях

Тугельбаева Б.Г., Хамзаева Д.Д. История и современное состояние наркоситуации в Кыргызстане // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 12А. С. 150-158.

Ключевые слова

Наркотические вещества, наркоситуация, противодействие незаконному обороту наркотиков, профилактика и лечение наркозависимости.

Введение

Исторически началом массового распространения наркотиков считаются так называемые «опиумные» войны, имевшие место на территории Китая в период 1840-1860 годов. Не удовлетворяясь доходами от контрабанды опиума, европейские страны, в частности Англия и Франция, военным путем добились права поставлять опиум на рынок Китая через ряд навязанных стране кабальных договоров [Ногойбаев, 2010, 45-47]. В результате этого в конце XIX века каждый четвертый-пятый китаец стал эпизодическим курильщиком опиума. Более того, «опиумные» войны имели отрицательные последствия и для населения приграничных с Китаем территорий царской России, в числе которых оказался Туркестанский край (современная территория Центральной Азии). Вследствие переселения из Китая в конце XIX века в Туркестан некоторых некитайских народов, проповедовавших ислам, – уйгуров, казахов и дунган, в страну были завезены наркотики. Положение усугубил тот факт, что среди китайских мигрантов были не только лица, их употреблявшие, но и те, кто овладел методами производства наркотиков и ведения на этой основе торговли. В основном это были этнические дунгане, которые переправляли контрабандой в Китай опиум, полученный из выращенного в Туркестане опийного мака. Постепенно этот наркотик начал распространяться и в Российской империи.

Исторические аспекты проблемы наркотизма в Кыргызстане

Что касается кыргызов и казахов, то вследствие кочевого образа жизни они почти до конца XIX века не занимались земледелием. Поэтому данные народы не выращивали опийный мак, хотя на территории, например, Кыргызстана существовали земли, где посевы данной культуры давали высокие урожаи (Иссык-Кульская область) и на которых впоследствии, уже при советской власти, начали выращивать мак для нужд медицины. Но зато в Туркестане среди кочевого и оседлого населения в этот период времени был широко распространен другой наркотик естественного происхождения [Ногойбаев, 2014, 42] – продукт дикорастущей конопли, получивший название гашиш и содержащий наркотические вещества каннабиноиды

В советский период в Кыргызстане была объявлена государственная монополия на производство опия, началось активное возделывание опийного мака в медицинских целях. Это сопровождалось усилением контроля государства за его посевом и переработкой, которые были сосредоточены в определенных хозяйствах, позже объединенных в колхозы и совхозы. Имеются сведения, что до 1974 года производилась промышленная переработка легально выращенного опийного мака с целью получения опиума-сырца, что составляло около 80% всего производимого опиума в СССР и 16% мирового легального производства данного наркотика. При этом десятая часть произведенного опия уходила в незаконный оборот, вызывая наркотизацию населения [Антинаркотическая программа Правительства Кыргызской Республики, www]. Из дикорастущей конопли (каннабиса) изготавливались гашиш и марихуана в объемах, достаточных для внутреннего потребления и вывоза в другие регионы СССР.

В 1960 в СССР был введен запрет на возделывание конопли, а в 1974 году Президиумом Верховного Совета СССР по рекомендации Организации Объединенных Наций (ООН) было принято решение о прекращении легальной культивации опийного мака в Киргизской ССР [Ногойбаев, 2014, 205]. Но, несмотря на все запреты, эти растения нелегально выращиваются и в настоящее время. К конопле добавилась еще хвощевая дикорастущая эфедра, из которой получают наркотическое средство эфедрон [Там же, 101, 105], и вместе их заросли на

территории Республики по примерным подсчетам составляют более 10 тыс. га конопли и 55 тыс. га хвощевой эфедры.

В советское время силами правоохранительных органов был поставлен достаточно сильный заслон на пути утечки опиума. С 1963 года в органах милиции борьбу с незаконным оборотом наркотиков осуществляли специальные подразделения, затем в 1989 году в системе Министерства внутренних дел СССР было создано Управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, которое в 1990 году преобразовано в Управление по борьбе с распространением наркомании Главного управления уголовного розыска МВД СССР. К указанному органу были подключены и другие правоохранительные структуры в лице таможенной службы, прокуратуры, комитета государственной безопасности [Нагобаев, 2010, 50-51]. Но распространение наркотиков не снизилось, наоборот, его масштабы увеличивались, а география расширялась. Такое наследство от Советского Союза получила Кыргызская Республика, ставшая суверенным государством в 1991 году.

Современное состояние наркоситуации в Кыргызстане

С 1993 года криминологическая ситуация еще более ухудшилась вследствие появления на рынке центральноазиатских государств опиоидов афганского происхождения. Объемы его незаконного оборота были весьма значительны и постоянно увеличивались вплоть до 1997 года, когда в результате расширяющейся наркоэкспансии из Афганистана начал завозиться еще один сильный полусинтетический наркотик – героин, объемы которого на наркорынке за короткое время выросли в 10 раз [Ногойбаев, 2014, 103-104]. Как показывает практика [Ногойбаев, 2010, 55-63], до настоящего времени среди населения Республики героин занимает по потреблению лидирующие позиции.

В целом, распространение указанных наркотических веществ способствовало не только увеличению числа наркозависимых лиц, но и активизации незаконного оборота наркотиков, их сбыта и транзита. Так, по экспертным данным 2013 года, оценочное количество потребителей только инъекционных наркотиков в Республике составило 25 тыс. человек, что почти в 3,5 раза больше, чем по данным национальной статистики, а смертность от потребления наркотиков приближается к 2% от общего числа лиц, состоящих на учете в наркологических учреждениях [Антинаркотическая программа Правительства Кыргызской Республики, www]. Таким образом, если в СССР на 1000 человек приходился 1 наркоман [Зазулин, 2015, 65], то в Кыргызстане только инъекционных наркоманов 5 на 1000 человек, не считая тех, кто употребляет другие наркотики. Это говорит о том, что уровень употребления наркотиков в Республике вырос с 1991 года не менее чем в пять раз[1].

При этом объем ежегодных изъятий наркотиков в 2010-2014 годах имел тенденцию к росту и колебался в пределах 18-23 тонн, достигая в отдельные годы 45 тонн (2011 год), а удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, составил в структуре преступности в среднем 6,5% – 7,2% [Преступность и правопорядок в Кыргызской Республике, 2015, 40-45]. Кроме того, можно констатировать, что Кыргызстан превратился в страну постоянного транзита наркотиков, через территорию которой проходят несколько наркомаршрутов из Афганистана, где производится свыше 90% всех незаконных опиоидов. Наркотики, по информации МВД Республики [Обобщенный отчет о выполнении Плана

[1] При расчете в составе населения Республики не учитывались дети в возрасте до 14 лет.

мероприятий по реализации…, 2017], доставляются в южные регионы Кыргызстана (Ошская и Баткенская области) и далее переправляются в Казахстан и Россию.

Следует отметить, что в Кыргызстане получили также широкое распространение курительные смеси, насвай и некоторые ингалянты, отнесенные к «одурманивающим» веществам. В настоящее время в Республике появились новые психоактивные вещества (ПАВ), являющиеся синтетическими аналогами в основном каннабиноидов, поскольку имеют сходную с ними химическую структуру и при злоупотреблении вызывают опасные для человека состояния. Согласно некоторым данным, действие новых синтетических ПАВ в 5-10 раз сильнее натуральной марихуаны, а скорость привыкания и интенсивность ломки превосходят показатели героина [Ботузова, 2014, 37-45]. В Кыргызстан они поступают из Китая в виде курительных смесей, так называемых «спайсов». Их особенностью является высокая рентабельность, связанная с небольшими издержками при производстве, поскольку синтезировать эти ПАВ могут даже небольшие химические лаборатории [Ногойбаев, 2010, 46-50]. В перспективе Кыргызстан может стать не только их потребителем, но и государством транзита этих химических наркотиков в Россию и Европу. Поставить заслон перемещению данных ПАВ в настоящее время достаточно сложно в связи с тем, что в Республике только с 2016 года начата работа по включению их в списки психотропных веществ № 1, подлежащих специальным мерам контроля. Но опыт России показывает, что даже внесение новых модификаций синтетических наркотиков в соответствующие списки – весьма малоэффективный путь [Милюков, 2015, 37]. Объясняется это тем, что на идентификацию одного химического наркотика уходит не менее года, а за это время синтезируются десятки других, имеющих близкую химическую формулу.

Если проанализировать в целом сложившуюся в настоящее время наркоситуацию в Кыргызстане, то ее основными особенностями являются следующие:

– наличие на территории страны собственного сырья (опиума, каннабиса и эфедры) для незаконного производства наркотиков;

– нестабильное состояние экономики и производных от этого социальных процессов (безработица, бедность, миграция населения), формирующих постоянный спрос на наркотики;

– появление новых весьма опасных психоактивных веществ в виде «спайсов», не внесенных в какие-либо списки, и активно продвигаемых на наркорынки;

– прохождение через территорию страны наркомаршрутов, чему способствуют такие условия, как прозрачность границ между государствами СНГ, активная деятельность международной мафии, выбравшей разоренный Афганистан для производства опиодов.

Осознавая последствия нарастающей наркоэкспансии, Кыргызстан в 90-е годы начал активно развивать международные системы координации. Присоединившись в 1994 году к основным Конвенциям ООН (Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года, Конвенции о психотропных веществах 1971 года, Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года), Республика вошла в единую мировую антинаркотическую систему.

Этому способствовало и вступление Кыргызстана в ряд международных организаций. Среди них Международная организация уголовной полиции (Интерпол), а также Организация по противодействию незаконному обороту наркотиков (Айдек), объединяющая свыше 90 стран, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Являясь полноправным членом ООН, Кыргызстан в своей антинаркотической деятельности руководствуется принципами Международного комитета по контролю над наркотиками ООН (МККН ООН), Управления

ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), Программы ООН по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС) и ВОЗ.

На законодательном уровне были приняты законы Кыргызской Республики «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» (1998 год.), «Об органе Кыргызской Республики по контролю наркотиков» (2013 год); ряд постановлений Правительства Кыргызской Республики: «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах, подлежащих контролю в Кыргызской Республике» (2007 год), «О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров» (2011 год).

Положения международных документов ООН нашли отражение в иных нормативных правовых актах, принятых в период 1995 – 2015 годов, в частности в законах Кыргызской Республики «Об общественном здравоохранении», «Об организациях здравоохранения в Кыргызской Республике», Уголовном, Уголовно-процессуальном, Уголовно-исполнительном кодексах Кыргызской Республики, Кодексе Кыргызской Республики об административной ответственности. Вопросы наркобезопасности были также включены в Стратегию устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годов, Концепцию национальной безопасности Кыргызской Республики, Национальную стратегию развития уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы Кыргызской Республики на 2012-2016 годы, Государственную программу по стабилизации ВИЧ-инфекции в Кыргызской Республике на 2012-2016 годы.

Особо следует отметить, что Правительством Кыргызской Республики разрабатывались и были приняты специализированные документы:

– Государственная программа Кыргызской Республики по усилению борьбы с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков на 1998-2000 годы (1997 год);

– Концепция противодействия распространению наркомании и незаконному обороту наркотиков в Кыргызской Республике (2004 год);

– Национальная программа Кыргызской Республики по противодействию наркомании и незаконному обороту наркотиков на период до 2010 года (2004 год);

– Антинаркотическая программа Правительства Кыргызской Республики (2014 год).

На политическом уровне сформирована государственная политика Кыргызской Республики в сфере контроля наркотиков [Антинаркотическая программа Правительства Кыргызской Республики, www], которая осуществляется в рамках следующих стратегических направлений по сокращению (снижению) предложения незаконных наркотиков, спроса на незаконные наркотики, а также вреда от потребления наркотиков.

На институциональном уровне все эти годы функционировал уполномоченный государственный орган по контролю наркотиков, который в разные годы имел различные названия: Государственная комиссия при Правительстве Кыргызской Республики по контролю наркотиков, Агентство Кыргызской Республики по контролю наркотиков, а с 2010 года – Государственная служба по контролю наркотиков при Правительстве Кыргызской Республики (ГСКН). В ноябре 2016 года в рамках реформы правоохранительных органов ГСКН был упразднен, а его функции переданы соответствующему управлению МВД Кыргызской Республики. Для усиления контроля в сфере оборота наркотиков в 2011 году был также создан Государственный координационный комитет по контролю наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров с представительствами в областях для координации

деятельности территориальных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления.

В целях сокращения спроса на наркотики в Республике организована первичная, вторичная и третичная профилактики наркозависимости [Там же], с упором на осуществление первичной наркопрофилактики. По сведениям МВД [Обобщенный отчет о выполнении Плана мероприятий…, 2017], вопросы первичной наркопрофилактики включены в различные программы и проекты, в частности «Здоровое поколение», «Маршрут безопасности», в рамках которых разработаны и реализуются школьные программы по здоровому образу жизни и безопасному поведению. Отражены они также в программах повышения квалификации для учителей средних школ, преподавателей вузов, специалистов социальных министерств и администраций всех уровней. Проводятся круглые столы и тренинги для организаций гражданского общества по профилактике наркомании, табакокурения, алкоголизма. Осуществляются рейдовые мероприятия по выявлению потенциальных наркопотребителей среди несовершеннолетних детей для постановки их на учет и дальнейшей работы с ними, организуются медиакомпании на областном и республиканском уровнях. Вторичная профилактика или лечение наркозависимых лиц производятся медицинскими учреждениями как методами детоксификации (лечение с использованием медицинских препаратов), так и опиоидной заместительной терапией (ОЗТ). В настоящее время ОЗТ осуществляется только в 20 пунктах на базе государственных наркологических организаций и кабинетов, которыми охвачена треть состоящих на официальном учете лиц с опиоидной зависимостью, а в пенитенциарной системе ОЗТ на основе метадона работает в 9 из 17 учреждений, также действуют 8 реабилитационных центров по программе «Атлантис». Третичная профилактика фактически представляет собой программы медико-психологической реабилитации и осуществляется преимущественно в амбулаторных условиях небольших областных центров методами немедикаментозной терапии зависимости (НТЗ), хотя требует наличия в Республике значительного числа реабилитационных центров и подготовленных специалистов.

Действуют в стране и программы для снижения вреда от употребления наркотиков, которые ориентированы в основном на потребителей инъекционных наркотиков и их семьи. Общеизвестно, что инъекционное потребление наркотиков является фактором, усугубляющим распространение ВИЧ, туберкулеза, гепатитов и других видов опасных инфекций. В 2013 году в стране функционировало 48 пунктов обмена шприцев (ПОШ), в том числе 7 – в пенитенциарной системе. Проводится работа и по сокращению смертности от потребления наркотиков, процент которой остается пока на том же уровне (2%).

Развивается и укрепляется международное сотрудничество в сфере контроля над наркотиками и противодействия незаконному их обороту. В этом плане Правительством Кыргызской Республики заключено более 10 двусторонних и многосторонних международных соглашений, в число которых входят соглашения с Республикой Казахстан, Исламской Республикой Пакистан, Российской Федерацией, Чешской Республикой, Республикой Таджикистан, Китайской Народной Республикой, Республикой Узбекистан, Соединёнными Штатами Америки и др.

Кыргызстан вместе с Азербайджаном, Казахстаном, Россией, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном, подписавшими Меморандум о взаимопонимании по региональному сотрудничеству в области контроля наркотиков, принял участие в создании Центральноазиатского регионального информационного координационного центра (ЦАРИКЦ). В задачи ЦАРИКЦ входят содействие в организации, проведении и координации согласованных совместных международных операций по борьбе с незаконным оборотом наркотиков;

обеспечение сбора, хранения, защиты, анализа и обмена информацией по трансграничной преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков. В рамках еще одной межгосударственной организации – Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) Республикой также осуществляется ряд мероприятий в сфере наркопрофилактики и обмена информацией.

Из отчетов уже бывшего ГСКН и МВД Республики за 2011-2017 годы следует, что ежегодно Кыргызстан активно участвует в различных международных операциях, проводимых под эгидой ООН – «Тарсет», ОДКБ – «Канал», ШОС – «Мышеловка», Европейского союза – «CADAP». Например, участие в 2012 году в международной операции «Канал» позволило пресечь 27 каналов контрабанды наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в том числе из Латинской Америки, Афганистана, Эстонии. При поддержке международных организаций в 2016-2017 годах усилены меры криминологической профилактики, в частности, проводятся специализированные тренинги по методам противодействия незаконному обороту наркотиков для всех следственных и оперативных подразделений правоохранительных органов, практикуется обучение сотрудников экспертных служб за рубежом. Также большое внимание уделяется оснащению пунктов пропуска на границах еспублики современными техническими средствами таможенного контроля, что способствует сокращению их проницаемости. В целом, предпринятые усилия, по информации МВД Республики [Обобщенный отчет о выполнении Плана мероприятий…, 2017], способствовали стабилизации к 2016 – 2017 годам объемов, изымаемых из незаконного оборота наркотиков, до уровня примерно в 17 тонн. При этом удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, уменьшился в структуре общей преступности в 1,2 раза.

Заключение

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1) В Кыргызстане к настоящему времени в соответствии с принятыми международными обязательствами сформирована необходимая законодательная база, разработана государственная политика в сфере контроля наркотиков, создан институциональный механизм осуществления контроля за оборотом наркотиков.
2) Активизирована первичная наркопрофилактика, которую осуществляют органы здравоохранения, образования, местного самоуправления, правоохранительные органы, организации гражданского общества, средства массовой информации при координации уполномоченного государственного органа по контролю наркотиков.
3) Вторичная и третичная наркопрофилактики, проводимые в учреждениях здравоохранения, из-за финансовых трудностей характеризуются недостаточной материально-технической и кадровой оснащенностью наркоучреждений, отсутствием полноценных реабилитационных центров, что не позволяет в достаточной мере охватить нуждающийся в лечении и реабилитации контингент наркозависимых лиц.
4) Наметились положительные сдвиги в пресечении незаконного оборота наркотиков, обусловленные усилением криминологической профилактики наркопреступности, что выразилось в некотором снижении ее уровня в структуре общей преступности. Вместе с тем Кыргызстан продолжает оставаться одним из активных каналов международного наркотрафика, о чем свидетельствует наличие существенных объемов, изымаемых из незаконного оборота наркотиков.

Библиография

1. Антинаркотическая программа Правительства Кыргызской Республики: утв. Постановлением Правительства Кыргызской Республики от 27 января 2014 года № 54. URL: http://www.toktom.kg
2. Ботузова И. Спайс на крови. Ядовитым зельем отравилось более 700 человек // Санкт-Петербургские ведомости. 2014. 10 октября.
3. Зазулин Г.В. Противодействие наркобизнесу: экономическая криминология или криминологическая теория антинаркотиченской деятельности // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2015. № 3(38). С. 64-69.
4. Милюков С.Ф. Наркоагрессия против России: поиск асимметричных ответов // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2015. № 1(36). С. 36-41.
5. Ногойбаев Б.Б. Наркоситуация: анализ, диагноз, прогноз. Бишкек, 2010. 332 с.
6. Ногойбаев Б.Б. Основы наркобезопасности. Бишкек: Алтын Принт, 2014. 304 с.
7. Обобщенный отчет о выполнении Плана мероприятий по реализации Антинаркотической программы Правительства Кыргызской Республики за 2016 год и первый квартал 2017 года. Бишкек: МВД Кыргызской Республики, 2017. 132 с.
8. Преступность и правопорядок в Кыргызской Республике: статистический сборник. Бишкек, 2015. 93 с.

History and current state of the drug situation in Kyrgyzstan

Bermeta G. Tugel'baeva

Doctor of Law, Associate Professor,
Kyrgyz-Russian Slavic University,
720000, 44 Kievskaya st., Bishkek, Kyrgyz Republic;
e-mail: tbermeta@yandex.ru

Dzhamilya D. Khamzaeva

PhD in Law, Associate Professor,
Kyrgyz-Russian Slavic University,
720000, 44 Kievskaya st., Bishkek, Kyrgyz Republic;
e-mail: khamzaeva.ad@yandex.ru

Abstract

The article describes the historical background of drug trafficking in Kyrgyzstan, the changes in the drug situation that occurred during the Soviet period and at the present stage of development of the country. The authors of this article consider the measures against drug trafficking, as well as the state of drug prevention and treatment, and analyze their effectiveness. The authors come to the conclusion that at present the necessary legislative base is formed in Kyrgyzstan in accordance with the international obligations, the state policy in the sphere of drug control is developed, an institutional mechanism for the implementation of control over drug trafficking is created. Besides this, primary drug prevention carried out by the health authorities, education authorities, local authorities, law enforcement agencies, civil society organizations, and media in coordination of the state authorized body on control of drugs is activated. However, despite positive developments in the suppression of illicit drug trafficking, due to increased crime prevention of drug crime, which resulted in a decrease in its level in the structure of general crime, Kyrgyzstan continues to be one

of the most active channel of international drug trafficking, as evidenced by the presence of significant amount of illicit drugs.

For citation

Tugel'baeva B.G., Khamzaeva D.D. (2017) Istoriya i sovremennoe sostoyanie narkosituatsii v Kyrgyzstane [History and current state of the drug situation in Kyrgyzstan]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(12A), pp. 150-158.

Keywords

Narcotic substances, drug situation, counteraction to drug trafficking, prevention and treatment of drug dependence.

References

1. Antinarkoticheskaya programma Pravitel'stva Kyrgyzskoi Respubli-ki: utv. Postanovleniem Pravitel'stva Kyrgyzskoi Respubliki ot 27 yanvarya 2014 goda № 54 [Anti-drug program of the Government of the Kyrgyz Republic: approved by the Resolution of the Government of the Kyrgyz Republic No. 54 of January 27, 2014]. Available at: http://www.toktom.kg [Accessed 17/12/17].
2. Botuzova I. (2014) Spais na krovi. Yadovitym zel'em otravilos' bolee 700 chelovek [Spice in the blood. More than 700 people are suffering from spice poisoning]. Sankt-Peterburgskie vedomosti [Saint Petersburg News], 10th October.
3. Milyukov S.F. (2015) Narkoagressiya protiv Rossii: poisk asimmetrichnykh otvetov [Drug-related aggression against Russia: search for asymmetric answers]. Kriminologiya vchera, segodnya, zavtra [Criminology: yesterday, today and tomorrow], 1(36), pp. 36-41.
4. Nogoibaev B.B. (2010) Narkosituatsiya: analiz, diagnoz, prognoz [Drug situation: analysis, diagnosis, forecast]. Bishkek.
5. Nogoibaev B.B. (2014) Osnovy narkobezopasnosti [Principles of drug trafficking]. Bishkek: Altyn Print Publ.
6. Obobshchennyi otchet o vypolnenii Plana meropriyatii po realizatsii Antinarkoticheskoi programmy Pravitel'stva Kyrgyzskoi Respubli-ki za 2016 god i pervyi kvartal 2017 goda [Overview report on the execution of the Plan for the implementation of anti-drug program of the Government of the Kyrgyz Republic for 2016 and the first quarter of 2017] (2017). Bishkek: Ministry of Internal Affairs of Kyrgyz Republic.
7. Prestupnost' i pravoporyadok v Kyrgyzskoi Respublike: statisticheskii sbornik [Crime and the rule of law in the Kyrgyz Republic: statistical bulletin] (2015). Bishkek.
8. Zazulin G.V. (2015) Protivodeistvie narkobiznesu: ekonomicheskaya krimino-logiya ili kriminologicheskaya teoriya antinarkotichenskoi deyatel'nosti [Combating drug trafficking: economic criminology or criminological theory of anti-drug activities]. Kriminologiya vchera, segodnya, zavtra [Criminology: yesterday, today and tomorrow], 3(38), pp. 64-69.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.140.01

Проблемы гармонизации законодательства по борьбе с организованными преступными формированиями в России и странах романо-германской и англосаксонской системы права

Шевцова Лидия Валентиновна

Юрист юридической компании «Патронъ»
125252, Российская Федерация, Москва, Ходынский бульвар, 11;
e-mail: shevtsova-2010@mail.ru

Аннотация

Организованная преступность в современных условиях является глобальной человеческой проблемой, которая активно изучается во всем мире. Особую опасность на международной арене представляет деятельность транснациональных преступных организаций. Одним из способов противодействия организованным преступным формированиям является сотрудничество государств в лице компетентных органов и организаций в правовой сфере, реализуемое посредством гармонизации и сближения национальных законодательств. В статье рассматривается попытка гармонизации законодательства по борьбе с организованными преступными формированиями России и стран романо-германской и англосаксонской системы права. Рассмотрены основные проблемы гармонизация законодательства по борьбе с организованной преступностью США на примере «концепции сговора», содержащейся в Законе RICO, в отношении таких стран как Великобритания, Франция, Италия и Россия. Проанализированы достоинства и недостатки законодательства рассматриваемых правовых систем по противодействию организованным преступным формированиям. По мнению автора, российскому законодателю следует прибегнуть к использованию опыта Франции, Великобритании, США, где нет четкой привязки к конкретным видам преступных сообществ, но, тем не менее, подробно изложены признаки преступных сообществ, сфера их преступной деятельности и обязательная уголовная ответственность всех участников, организаторов за создание и осуществление организованной преступной деятельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Шевцова Л.В. Проблемы гармонизации законодательства по борьбе с организованными преступными формированиями в России и странах романо-германской и англосаксонской системы права // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 12А. С. 159-165.

Ключевые слова

Организованная преступность, преступное сообщество, преступная организация, преступный сговор, международное сотрудничество, гармонизация, Закон RICO, «концепция сговора».

Введение

В современную эпоху развития глобализационных процессов, влияющих на все сферы жизни общества и государства, особое значение приобретает обеспечение национальной безопасности от посягательств участников транснациональных преступных организаций. Как представляется, одним из способов противодействия организованным преступным формированиям является сотрудничество государств в лице компетентных органов и организаций в правовой сфере, реализуемое посредством гармонизации и сближения национальных законодательств России и стран романо-германской и англосаксонской систем права в рамках международного сотрудничества по борьбе с преступностью. С точки зрения сравнительного правоведения, процесс гармонизации нормативно-правовой базы может иметь место как внутри одной правовой семьи, так и между правовыми системами, принадлежащими разным правовым семьям [Бехруз, 2008]. Рассмотрим основные проблемы гармонизации законодательства по борьбе сорганизованной преступностью между Россией и странами романо-германской и англосаксонской системами права.

Основная часть

Уголовно-правое законодательство некоторых государств романо-германской системы права (Бельгия, Германия) содержит термин «преступная организация», в Италии, Франции уголовной ответственности подлежит участие в деятельности преступных сообществ. В англосаксонской системе права, в частности, Великобритании отсутствуют определения как преступного сообщества, так и преступной организации. Несмотря на различие в криминализации сложных форм соучастия, существует общее для всех вышеуказанных стран понятие «сговора» в деятельности организованных преступных формирований.

Так, в соответствии с Законом RICO (США) успешно применяется «концепция сговора», суть которой заключается в том, что ответственность за преступления организации (предприятия)[1] должны нести все ее члены, что позволяет рассматривать преступную организацию как единое целое, а не как сумму отдельных ее участников. Следовательно, преступлением признается факт участия в преступной организации, предполагающей осознание лицом своего членства в группе и готовность участия в преступной деятельности. По мнению некоторых ученых, подобная трактовка норм вышеуказанного Закона открыла возможность привлечения к уголовной ответственности организаторов преступных объединений, как правило, не принимающих участия в конкретных преступлениях [Чечетин, Буряков, 1998]. В российском же уголовном законодательстве подобная формулировка расценивается, как противоречащая принципу субъективного вменения, а, по мнению некоторых исследователей данной проблемы [Клейменов, 2002], рассматриваемый Закон был бы признан как явное возвращение к тоталитаризму и произволу карательных органов.

Содержание уголовно-правового, уголовно-процессуального законодательства Италии позволяет говорить о некотором сходстве законодательных и правоприменительных подходов

[1] Под предприятием понимается «любое индивидуальное, партнерское, корпоративное, ассоциативное или иное легальное объединение, любой союз или группа лиц, связанных фактически, хотя и без юридических на то оснований». Предприятие может быть и предусмотренным в законе объединением, таким как корпорация, и нелегальным союзом или фактическая ассоциация людей, объединившихся исключительно ради преступных целей. См: Cormaney M. RICO in Russia: effective control of organized crime or another empty promise? URL: http://www.crime.vl.ru/index.php?p=952&more=1&c=1&tb=1&pb=1#more952 (дата обращения 21.11.2017).

с американским Законом RICO. В частности, диспозиция ст. 416[1] УК Италии имеет общие черты с термином «предприятие». Более того, ряд законодательных актов[2] предусматривает расследование финансового положения не только в отношении членов, причастных к организациям мафиозного типа, но и их семей и всех тех, в последние 15 лет проживал вместе с ними.

По мнению французских правоприменителей, понятие «сговор» не имеет ничего общего с англосаксонской правовой моделью. В соответствии со ст. 450[1] УК Франции преступный сговор в отличие от ранее рассмотренного законодательства США, Италии охватывает не любую деятельность участников организованных преступных формирований, а только ту, которая направлена на совершение преступлений средней тяжести и тяжких преступлений.

Анализ содержания положений Serious Crime Act 2015[3] Великобритании позволяют нам говорить об их имплементации из Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, принятой резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15.11.2000[4] (далее – Конвенция) на основании которой терминологически в общем виде английская организованная преступность рассматривается через призму «организованных преступных групп», «структурно оформленных групп», совершающих «серьезные преступления». Более того, рецепция отдельных положений уголовно-правового и уголовно-процессуального законодательства в английскую уголовно-правовую систему не ограничивается только Конвенцией. По мнению британского Правительства, изложенному в Serious and Organised Crime Strategy 2013, необходимо использовать опыт и законодательство иных государств по борьбе с организованной преступностью[5], в частности, Закона RICO в США, законодательства Италии, Германии.

Так, в разделе 1 Criminal law act 1977[6] содержится «классическое» определение преступного сговора, которое основано на соглашении совершить одно или несколько противоправных деяний и фактически нацелена на исполнителей преступлений или правонарушений и тех, кто непосредственно связан с указанным соглашением. В данном случае с учетом принципа индивидуализации ответственности и назначения наказания необходимо доказывать непосредственное участие в совершении преступлений или правонарушений в каждом конкретном случае в рамках преступного сговора.

Идеи о коллективной ответственности за совершение различных преступлений в рамках одного соглашения заговорщиками не чужды английскому прецедентному праву. Например, в 1985 году Лорд Бридж указывал, что «во время высокоорганизованной преступности наиболее серьезные сговоры будут часто включать тщательно продуманный и сложный согласованный курс поведения, в котором многие согласятся исполнять необходимые, но подчиненные функции, не принимая непосредственного участия в совершении преступления или правонарушения, находящихся в центре самого сговора» [Sergi, 2014]. В данном случае

[2] Закон № 55 «Новые предписания по предупреждению преступности мафиозного типа и других тягчайших форм, угрожающих общественной безопасности», закон № 164 «Срочные меры по роспуску коммунальных и провинциальных советов и других местных органов в случае связи с организованной преступностью мафиозного типа»: см. Аслаханов А. О российской мафии без сенсаций. СПб. С. 383.

[3] См.: Serious Organised Crime and Police Act 2005. URL: http://www.legislation.gov.uk (дата обращения: 10.04.2017).

[4] Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года) (с изм. от 15.11.2000) // Собрание законодательства РФ, 04.10.2004, № 40, ст. 3882.

[5] См.: Serious and Organised Crime Strategy 2013. P. 37. URL: https://www.gov.uk (дата обращения 21.11.2017).

[6] Criminal law act 1977. URL: http://www.legislation.gov.uk (дата обращения: 22.11.2017).

интересна позиция английских судов. В 2012 году была осуждена банда из Кардафи, отвечающая за транспортировку и распространение кокаина и героина по всему Южному Уэльсу. Лицо, считавшееся организатором заговора, приговорено к 12 годам лишения свободы. Апелляционный суд подтвердил, что Л. – профессионал, занимающийся поставками опасных наркотических средств. Он был организатором преступного сговора. Итоговое решение суда должно отражать оба обстоятельства: выявленное преступление, за которое осужден Л. и совокупность преступлений в период действия сговора, в которых участвовал осужденный [Raymond et al., 2011]. Таким образом, отчетливо прослеживаются признаки «предприятия», характерные для уголовно-процессуального законодательства США. Но между тем, по мнению суда, участие остальных членов банды выходит за рамки целей и компетенции суда. Подобные решения считаются устоявшимися в судебной практике Англии, что подтверждается более ранними судебными актами [Siracusa et al., 1990].

Сказанное позволяет сделать вывод, что в английском уголовно-правовом, уголовно-процессуальном законодательстве нет необходимости перехода к иной правовой модели преступного сговора. Но, по мнению некоторых исследователей, отсутствие в законодательстве понятия преступного сообщества, преступной организации не влияет на назначение наказания и судебное разбирательство в целом. Например, суровостью наказаний отличаются преступления, связанные с наркотиками, отмыванием денежных средств и другими серьезными (характерными для организованной преступности) противоправными деяниями [Sergi, 2014]. Иными словами, ключевую роль играет именно сама преступная деятельность, а не вид организованного преступного формирования. В отличие же от английского законодательства по борьбе с организованной преступностью нормы Закона RICO направлены на предотвращение деятельности всего преступного синдиката путем установления на стадии предварительного расследования обстоятельств, свидетельствующих о наличии преступного плана, а не простого соглашения.

Рассматриваемый законодательный подход разумной рецепции считаем вполне обоснованным и в большей степени эффективным для раскрытия и расследования преступлений, совершаемыми организованными преступными формированиями, но вместе с тем, по замечанию английских исследователей, существуют как положительные, так и отрицательные стороны следования зарубежному законодательству, в частности, Закону RICO. Например, ряд ученых критически относится к использованию положений, содержащихся в Законе RICO [Levi, Smith, 2002], в связи с тем, что, во-первых, сговор предполагает соглашение об участии в деятельности, согласованной с одним или несколькими тесно связанными преступлениями и не охватывает многогранную преступную деятельность организованного преступного формирования (предприятия) в целом. Во-вторых, доказательства, подтверждающие участие конкретного лица в сговоре, как правило, относятся к косвенным, что порой трудно отличить указанное соглашение, к примеру, от сговоров, характерных для общеуголовной групповой преступности. В-третьих, определенные трудности вызывает выявление обстоятельств, позволяющих оценивать, как в действительности связаны участники сговора с преступной деятельностью. В-четвертых, жесткие правила доказывания не позволяют представить в суде полную и ясную картину преступления.

По мнению других исследователей, использование концепции Закона RICO в законодательство Великобритании[7] обусловлено тем, что, несмотря на достаточно свободную интерпретацию термина «предприятие» и «драконовские санкции» за совершение преступлений

[7] По состоянию на 22.11.2017 Великобритания официально находится в составе Европейского Союза.

в рассматриваемой сфере деятельности, большая часть успеха при расследовании организованной преступной деятельности заключаются именно в гибкости применения самого определения. Попытка введения уголовной ответственности законодателем на всей территории Европейского Союза за создание, участие в предприятии говорит о том, что данный Закон – это больше, чем просто ценный инструмент обеспечения исполнения законодательства. Это является важной и неизбежной частью современных усилий по борьбе с международной организованной преступностью [Cloud, 2000].

Заключение

Таким образом, гармонизация законодательства по борьбе с организованной преступностью США на примере «концепции сговора» в большинстве рассмотренных нами стран романо-германской и некоторыми государствами англосаксонской системы права неизбежно столкнется со множеством проблем как теоретического, так и практического характера. Как представляется, необходимо вносить изменения не только в уголовно-правовое, уголовно-процессуальное законодательство, а в уголовную политику конкретного государства.

По нашему мнению, для российского законодательства по борьбе с организованными преступными формированиями не менее полезен практический опыт использования уголовного законодательства США на примере Закона RICO, в части, касающийся необходимости разработки проекта закона по борьбе с организованной преступностью.

Еще одним аргументом в пользу возможного заимствования отдельных положений американского уголовно-правового законодательства по борьбе с организованной преступностью в российское законодательство являются особенности привлечения к уголовной ответственности членов организованных преступных формирований. Для привлечения к ответственности по Закону RICO основанием является поведение, а не разновидность преступной группировки или национальность ее участников. Такой способ позволил исключить этнические стереотипы, на практике связываемые с деятельностью организованной преступности. Например, УК Италии (ч. 8 ст. 416^{1}) предусматривает уголовную ответственность за организацию и осуществление преступной деятельности местными преступными сообществами (каморра, ндрагетта и др.).

По нашему мнению, российскому законодателю следует прибегнуть к использованию опыта Франции, Великобритании, США, где нет четкой привязки к конкретным видам преступных сообществ (мафии, каморре, якудзе, бариокудан, «ворам в законе» и др.), но, тем не менее, подробно изложены признаки преступных сообществ, сфера их преступной деятельности и обязательная уголовная ответственность всех участников, организаторов за создание и осуществление организованной преступной деятельности.

Библиография

1. Аслаханов А. О российской мафии без сенсаций. СПб., 2003. 406 с.
2. Бехруз Х. Сравнительное правоведение. М., 2008. 504 с.
3. Закон о контроле за организованной преступностью в США // Борьба с преступностью за рубежом: Информационный бюллетень ВИНИТИ. М., 1991. № 10.
4. Клейменов И.М. Борьба с преступностью в государствах различных правовых систем (сравнительное исследование): дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2002. 226 с.
5. Чечетин А.Е., Буряков Е.В. Опыт борьбы с организованной преступностью в США. Омск, 1998. 84 с.
6. Cormaney M. RICO in Russia: effective control of organized crime or another empty promise?
7. Cloud M. Organized crime, RICO, and the European Union. Syracuse J. Int'l L. & Com, 2000. Vol. 27.

8. Levi M., Smith A. A comparative analysis of organized crime conspiracy legislation and practice and their relevance to England and Wales. Home office, London, 2002.
9. Sergi A. Organized Crime in English Criminal Law: Lessons from the United States on Conspiracy and Criminal Enterprise // Journal of Money Laundering Control. 2015. Vol. 18. Issue 2. P.182-201.
10. Serious and Organized Crime Strategy, 2013.
11. Taskforce into organized crime legislation, 2015.

Problems of harmonization of legislation for combating organized criminal groups in Russia and the countries of Romano-Germanic and Anglo-Saxon legal systems

Lidiya V. Shevtsova

The lawyer of Patron law firm,
125252, 11, Khodynskii boulevard, Moscow, Russian Federation
e-mail: shevtsova-2010@mail.ru

Abstract

Organized crime in modern conditions is a global human problem that is actively studied all over the world. The activity of transnational criminal organizations represents a special danger in the international arena. One of the ways to counteract organized criminal groups is the cooperation of states represented by competent bodies and organizations in the legal sphere, implemented through the harmonization and approximation of national legislations. The article considers an attempt to harmonize legislation on combating organized criminal groups in Russia and the countries of the Romano-Germanic and Anglo-Saxon legal system. The main problems of the harmonization of the legislation on combating organized crime in the United States are considered on the example of the "collusion concept" contained in the RICO Law, in relation to countries such as Great Britain, France, Italy and Russia. The author analyzes the advantages and disadvantages of the legislation of the considered legal systems for countering organized criminal groups. In the opinion of the author, the Russian legislator should resort to the experience of France, the United Kingdom, and the United States, where there is no clear link to specific types of criminal communities, but nevertheless details of the criminal communities, the scope of their criminal activities and the mandatory criminal responsibility of all participants, organizers for the creation and implementation of organized criminal activity.

For citation

Shevtsova L.V. (2018) Problemy garmonizatsii zakonodatel'stva po bor'be s organizovannymi prestupnymi formirovaniyami v Rossii i stranakh romano-germanskoi i anglosaksonskoi sistemy prava [Problems of harmonization of legislation for combating organized criminal groups in Russia and the countries of Romano-Germanic and Anglo-Saxon legal systems]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(12A), pp. 159-165.

Keywords

Criminal conspiracy, organized crime, criminal association, criminal organization, international cooperation, harmonization, RICO Law, the concept of conspiracy.

References

1. Aslakhanov A. (2003) *O rossiiskoi mafii bez sensatsii* [On the Russian mafia without sensations]. St. Petersburg.
2. Bekhruz Kh. (208) *Sravnitel'noe pravovedenie* [Comparative jurisprudence]. Moscow.
3. Chechetin A.E., Buryakov E.V. (1998) *Opyt bor'by s organizovannoi prestupnost'yu v SShA* [Experience in combating organized crime in the United States]. Omsk.
4. Cloud M. (2000) *Organized crime, RICO, and the European Union.* Syracuse J. Int'l L. & Com. Vol. 27.
5. Cormaney M. *RICO in Russia: effective control of organized crime or another empty promise?*
6. Kleimenov I.M. (2002) *Bor'ba s prestupnost'yu v gosudarstvakh razlichnykh pravovykh sistem (sravnitel'noe issledovanie). Doct. Dis.* [Combating crime in states of different legal systems (comparative study)]. Omsk.
7. Levi M., Smith A. (2002) *A comparative analysis of organized crime conspiracy legislation and practice and their relevance to England and Wales.* Home office, London, 2002.
8. Sergi A. (2015) Organized Crime in English Criminal Law: Lessons from the United States on Conspiracy and Criminal Enterprise. *Journal of Money Laundering Control,* 18, 2, pp. 182-201.
9. (2013) *Serious and Organized Crime Strategy.*
10. (2015) *Taskforce into organized crime legislation.*
11. (1991) Zakon o kontrole za organizovannoi prestupnost'yu v SShA [The law on the control of organized crime in the United States]. In: *Bor'ba s prestupnost'yu za rubezhom: Informatsionnyi byulleten' VINITI* [Combating crime abroad: Newsletter of VINITI]. Moscow.

УДК 34

Правовой статус космонавтов и иных участников космических полетов

Киченина Виктория Сергеевна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Российская таможенная академия,
Санкт-Петербургский филиал,
192241, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Софийская, 52-А;
e-mail: ale-nika@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются проблемные вопросы международного законодательства, связанные с определением правового статуса космонавтов. Исследуется российское законодательство в данной сфере. Определяются ряд правовых особенностей, характерных для правового статуса космонавтов. Указывается на то, что в настоящее время правовой статус космических туристов нуждается в серьезной юридической проработке. Автором выявлена и обоснована необходимость унифицированной международной классификации участников космических полетов и на основе действующего международного законодательства сформулирована такая классификация. Также рассмотрена особая категория лиц – участники суборбитальных полетов и обозначены правовые проблемы, связанные с их правовым статусом, такие как отсутствие законодательно закрепленного понятия суборбитального полета и законодательно регламентированного правового статуса его участников, как пассажиров суборбитального аппарата, так и экипажа. Комплексное правовое осмысление правового статуса как участников космических, так и суборбитальных полетов с учетом развития технологий в данной области, поможет наиболее успешно защитить участников таких полетов, а также способствует развитию отрасли космического и суборбитального пилотирования в целом.

Для цитирования в научных исследованиях

Киченина В.С. Правовой статус космонавтов и иных участников космических полетов // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 12А. С. 166-171.

Ключевые слова

Космонавт, участник космического полета, космические туристы, участники суборбитальных полетов, правовой статус, космическое пространство.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

В связи с тем, что в настоящее время происходит расширение сферы космической деятельности, связанной с исследованием и изучением космического пространства, наибольшую актуальность приобретает проблема правового положения участников космических полетов.

Согласно международным соглашениям, таким как Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 года, Соглашению о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство 1968 года, Соглашению о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 года, Конвенции о международной ответственности за ущерб 1972 года, причиненный космическими объектами, к лицам, осуществляющим космический полет относятся:

1) Космонавты;
2) Экипаж космического корабля (член экипажа, персонал космических кораблей или искусственных космических объектов) Кодекс поведения экипажа Международной космической станции;
3) Научный и другой персонал;
4) Лица на борту космического корабля;

Но указывая данные понятия, к сожалению, содержание данных терминов не раскрывается [Любецкий, Сафронов, 2012, 340]. В ст. V Договора по космосу 1967 года говорится, что государства «рассматривают космонавтов как посланцев человечества в космос». Но они не обладают наднациональным статусом, являясь гражданами определенного государства, в регистр которого занесен объект, запущенный в космическое пространство [Валеев, Курдюков, 2010, 355].

Особенности правового статуса участников космического полета в международном и российском праве

В международном космическом праве в настоящее время не выработано единого понятия космонавт. В нашем законодательстве используется именно этот термин, хотя в зарубежном законодательстве используется термин астронавт [Песчанская, Степанова, 2012, 114]. Идентичность этих терминов является не полной. Статус космонавта предоставляется лицу, осуществляющему комический полет, статус астронавта предоставляется лицу, уже начавшему тренировку для осуществления такого полета.

Но в связи появлением такого явления как космические туристы, возникает необходимость в нормативном закреплении понятия космонавт и иных участников космических полетов, а также определении их правового статуса. Единственная попытка включения определенных регулирующих норм в национальное законодательство до настоящего времени была осуществлена лишь Соединенными Штатами Америки путем внесения в 2004 г. дополнений в Закон о коммерческих запусках, в соответствии с которым впервые были выделены космические полеты пассажиров, которые осуществляются на коммерческих началах. На сегодня международный режим космического туризма надлежащим образом не урегулирован [Железняк, 2010, 72]. Но Соглашение о спасении космонавтов a priori распространяется как на профессиональных космонавтов, так и на космонавтов-туристов [Треногина, 2016, 347].

Если говорить о такой категории как космонавты, то необходимо выделить ряд

особенностей, характерных для их правового статуса. Деятельность космонавтов это прежде всего профессиональная деятельность, и субъект, ее осуществляющий должен обладать соответствующей квалификацией и подготовкой [Кириллов, 2016, 597]. Данная особенность должна являться основополагающей при детерминации понятия космонавт и пассажир. Еще одна особенность, характерная для такой деятельности, это ее осуществление в космическом пространстве, на небесных телах, искусственных космических объектах [Наумочкин, Сафронов, 2015, 475]. Также еще одним критерием может служить правомерность осуществления такой деятельности, а, следовательно, возможность использовать весь комплекс прав и привилегий космонавтов, которые предусмотрены международным правом.

Если говорить об отечественном законодательстве, то стоит отметить Постановление Правительства РФ от 17 мая 2017 года «Об утверждении положения о космонавтах Российской Федерации» Постановление Правительства РФ № 551 (далее - Постановление). Согласно данному нормативно-правовому акту космонавт – это гражданин РФ, выразивший желание участвовать в космических полетах, соответствующий профессиональным и медицинским требованиям, установленным Государственной корпорацией по космической деятельности «Роскосмос», прошедший конкурсный отбор и подготовку к выполнению пилотируемых космических полетов в порядке, установленном уполномоченным органом, и по результатам квалификационной аттестации принятый в подведомственном уполномоченному органу учрежден на должность космонавта-испытателя для осуществления профессиональной деятельности (трудовой функции) в области испытаний и эксплуатации космической техники в условиях пилотируемого космического полета или космонавта-исследователя для осуществления профессиональной деятельности (трудовой функции) в области проведения научно-прикладных исследований и экспериментов в условиях пилотируемого космического полета.

Кроме того, в Постановлении оговаривается, что космонавты имеют право на получение медицинской помощи, специализированное жилье, предоставляемое на период профессиональной деятельности, и доступ к технической документации на пилотируемые космические объекты. Также космонавты, согласно документу, имеют право знать всю «достоверную информацию» о пилотируемом космическом полете, в котором принимают участие, а по результатам миссии представлять собственные идеи и замечания по ее улучшению.

Помимо этого, в Постановлении прописаны обязанности космонавтов. Среди них указывается на необходимость космонавтов информировать специалистов об ухудшении здоровья, а также важность участия космонавтов в «пропаганде достижений» России в пилотируемой космонавтике.

Не стоит также забывать и о том, что в настоящее время развивается такое направление как суборбитальные полеты. И статус субъектов, находящихся на борту также не определен. Они не являются космонавтами, поскольку аппарат осуществляет суборбитальный полет не является искусственным космическим объектом, и, следовательно, участники такого полета не подпадают ни под одно международное соглашение или национальный нормативный акт. Кроме лиц, находящихся на борту данных пилотируемых объектов в качестве пассажиров, также находятся лица, которые управляют данным объектом. Предлагается на международном уровне установить понятие суборбитальный полет, а также ввести определение пассажир суборбитального аппарата и экипаж суборбитального аппарата, с установлением требований к таким категориям лиц.

Заключение

Таким образом, необходимо на международно-правовом уровне упорядочить все категории субъектов, которые являются участниками космических полетов. Наиболее оптимально выглядит следующая классификация:

1) Космонавт. К данной категории необходимо отнести как гражданских, так и военных специалистов, осуществляющих пилотируемый полет в космическом пространстве и деятельность, осуществляемую в ходе полета, связанную с исследованием и изучением космического пространства и небесных тел на профессиональной основе. Соответственно на данную категорию возлагается весь объем прав и обязанностей, предусмотренных международным законодательством, а также им оказывается помощь в соответствии с Соглашением о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство.
2) Пассажиры космического корабля. К данной категории необходимо отнести тех лиц, которые осуществляют космический полет на коммерческой основе (космических туристов), а также лица, которые перемещаются на искусственных космических объектах в целях проведения исследовательских миссий, или иных научных, технических и иных задач на исследовательские базы, расположенные в космическом пространстве или на небесных телах.

Стоит отметить, что в настоящее время правовой статус космических туристов нуждается в серьезной юридической проработке. Не урегулированы правом вопросы, связанные с разделением ответственности между туристом и исполнителем соответствующей услуги, гарантированием безопасности космических туристов. Прежде всего, эти вопросы связаны с местом и ролью государства в обеспечении такой деятельности и контроле за ее осуществлением.

Представляется необходимым принять соответствующий нормативно- правовой акт международного характера, в котором было бы дано определение такой категории лиц, понятие правового статуса и признаки правового режима их деятельности, выделены права и обязанности, требования к таким лицам, основания ответственности, порядок подготовки, оказания помощи и страхование [Киченина, 2015, 187].

Если говорить о второй группе данной категории лиц, то в настоящий момент необходимость ее выделении носит формальный характер, но с учетом темпов технического прогресса в данной области, такая группа лиц обязательно появиться, а, следовательно, возникнет необходимость определения ее правового статуса.

Также необходимо на международном уровне закрепить понятие суборбитального полета и определить правовой статус его участников, как пассажиров суборбитального аппарата, так и экипажа.

Таким образом, комплексное правовое осмысление правового статуса как участников космических, так и суборбитальных полетов с учетом развития технологий в данной области, поможет наиболее успешно защитить участников таких полетов, а также способствует развитию отрасли космического и суборбитального пилотирования в целом.

Библиография

1. Валеев Р.М., Курдюков Г.И. Международное право. Особенная часть. М.: Статут. 2010. 624 с.
2. Железняк Г.В. Космический туризм – игра без правил // Космические путешествия: наука, образование, практика. Материалы научно-практической конференции. Киев, 2010. С. 72.
3. Кириллов П.В. Правовые проблемы полетов человека в космос // Актуальные проблемы авиации и

космонавтики. Т.2. № 12. 2016. С. 597- 598.
4. Киченина В.С. Правовое регулирование космического туризма // International scientific and practical congress of economists and lawyers. 2015. С. 181-187.
5. Кодекс поведения экипажа международной космической станции // Московский журнал международного права. № 2. 2002. С. 264-275.
6. Люблецкий А.В., Сафронов В.В. Правовой статус космонавтов // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. Т.2. № 8. 2012. С.340-341.
7. Наумочкин К.М., Сафронов В.В. Исследование правового статуса космонавтов и астронавтов // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. Т.2. № 11. 2015. С.474-476.
8. Об утверждении положения о космонавтах Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 17.05. 2017 № 551 // Собрание законодательства РФ. № 21.22.05.2017. Ст.3004.
9. Песчанская Н.А., Степанова Н.И. Проблемы международно-правового регулирования использования космического пространства // Актуальные вопросы юридических наук. Материалы Международной заочной научной конференции. 2012. С.113-115.
10. Треногина Е.Е. Проблемы международного регулирования профессиональной трудовой деятельности космонавтов // Actual Science. Т.2. № 12. 2016. С.347-348.

The legal status of cosmonauts and other participants in space flights

Viktoriya S. Kichenina

PhD in Law,
Associate Professor at the Department of Civil law and process,
Russian Customs Academy,
St. Petersburg Branch,
192241, 52-A, Sofiiskaya str., St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: ale-nika@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the problematic issues of international law related to the definition of the legal status of astronauts. The Russian legislation in this area is being investigated by the author of this scientific research. A number of legal features characteristic of the legal status of cosmonauts are determined. It is pointed out that at the present time the legal status of space tourists needs serious legal study. The author has identified and justified the need for a unified international classification of space flight participants and on the basis of current international legislation such a classification has been formulated. Also, a special category of persons participating in suborbital flights was considered and legal problems related to their legal status, such as the absence of a legally fixed concept of a suborbital flight and the legislatively regulated legal status of its participants, both passengers of the suborbital vehicle and the crew, were indicated. Comprehensive legal understanding of the legal status of participants in space and suborbital flights, taking into account the development of technologies in this area, will help most successfully protect the participants of such flights, and also contribute to the development of the space and suborbital pilotage in general.

For citation

Kichenina V.S. (2018) Pravovoi status kosmonavtov i inykh uchastnikov kosmicheskikh poletov [The legal status of cosmonauts and other participants in space flights]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(12A), pp. 166-171.

Keywords

Astronaut, participant in space flight, space tourists, participants in suborbital flights, legal status, outer space.

References

1. Kichenina V.S. (2015) Pravovoe regulirovanie kosmicheskogo turizma [Legal regulation of space tourism]. In: *International scientific and practical congress of economists and lawyers* [International scientific and practical congress of economists and lawyers].
2. Kirillov P.V. (2016) Pravovye problemy poletov cheloveka v kosmos [Legal problems of human flights to space]. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavtiki* [Actual problems of aviation and cosmonautics], 2, 12, pp. 597- 598.
3. (2002) Kodeks povedeniya ekipazha mezhdunarodnoi kosmicheskoi stantsii [Code of conduct of the crew of the international space station]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law], 2, pp. 264-275.
4. Lyubletskii A.V., Safronov V.V. (2012) Pravovoi status kosmonavtov [The legal status of cosmonauts]. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavtiki* [Actual problems of aviation and cosmonautics], 2, 8, pp. 340-341.
5. Naumochkin K.M., Safronov V.V. (2015) Issledovanie pravovogo statusa kosmonavtov i astronavtov [Investigation of the legal status of astronauts and astronauts]. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavtiki* [Actual problems of aviation and cosmonautics], 2, 11, pp. 474-476.
6. *Ob utverzhdenii polozheniya o kosmonavtakh Rossiiskoi Federatsii: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 17.05. 2017 № 551. Sobranie zakonodatel'stva RF. № 21.22.05.2017. St.3004* [On the approval of the provision on cosmonauts of the Russian Federation: Resolution of the Government of the Russian Federation of 17.05. 2017 № 551. Collected Legislation of the Russian Federation. № 21.22.05.2017. 3004].
7. Peschanskaya N.A., Stepanova N.I. (2012) Problemy mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya kosmicheskogo prostranstva [Problems of international legal regulation of the use of outer space]. In: *Aktual'nye voprosy yuridicheskikh nauk. Materialy Mezhdunarodnoi zaochnoi nauchnoi konferentsii* [Actual issues of legal sciences. Materials of the International Correspondence Scientific Conference].
8. Trenogina E.E. (2016) Problemy mezhdunarodnogo regulirovaniya professional'noi trudovoi deyatel'nosti kosmonavtov [Problems of international regulation of professional labor activity of cosmonauts]. *Actual Science*, 2, 12, pp. 347-348.
9. Valeev R.M., Kurdyukov G.I. (2010) *Mezhdunarodnoe pravo. Osobennaya chast'* [International law. The special part]. Moscow: Statut Publ.
10. Zheleznyak G.V. (2010) Kosmicheskii turizm – igra bez pravil [Space tourism - a game without rules]. In: *Kosmicheskie puteshestviya: nauka, obrazovanie, praktika. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Space travel: science, education, practice. Materials of the scientific-practical conference]. Kiev.

УДК 327

Проблемы регулирования государственных институтов на примере административной юстиции Испании

Шашкова Анна Владиславовна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного права,
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
адвокат, почетный консул Сент-Винсента и Гренадин,
119454, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, 76;
e-mail: a.shashkova@inno.mgimo.ru

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу механизма административной юстиции Испании. Автор рассматривает особую роль административных трибуналов, которые не подчиняются никаким органам в системе общих судов. В статье ставится проблема организации и деятельности судов административной юстиции Испании. Наиболее значимому анализу в настоящей статье подвергается вопрос обжалования решений административных трибуналов. Статья указывает на необходимость административной юстиции для эффективного решения вопросов контроля и надзора за органами управления Испании. Автор приходит к выводу о необходимости четкого урегулирования административной процедуры в испанском законодательстве. Автор заключает, что необходимо сделать вывод о важной роли административных трибуналов для укрепления законности государственного управления и доверия граждан. Из тех проблем, которые необходимо решить остается четкое урегулирование административной процедуры, для чего следует реформировать законодательство. В Испании имеются и иные органы контроля над законностью в государственном управлении. Среди этих органов прежде всего следует выделить хозяйственно-административные трибуналы, рассматривающие в основном финансовые споры. Трибунал рассматривает в первой инстанции финансовые споры на крупные суммы и жалобы на постановления Министерства Экономики и других центральных учреждений, а во второй инстанции жалобы на постановления нижестоящих судов, хозяйственно-административных трибуналов региональных автономных объединений и соответствующих трибуналов провинций.

Для цитирования в научных исследованиях

Шашкова А.В. Роль Проблемы регулирования государственных институтов на примере административной юстиции Испании // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 12А. С. 172-178.

Ключевые слова

Административная юстиция, административный трибунал, Испания, административный процесс, кассация.

Введение

С конца XIX века, с 1888 года в Испании начала развиваться административная ветвь правосудия. Основы были положены Базовым законом, который явился первой редакцией Гражданского кодекса Испании. В 1956 году принятием специализированного закона были определены стандарты регулирования административных споров. Конституция Испании 1978 года установила основы правосудия.

В Испании четко установлено, что, если вопрос каким-либо образом касается публичной администрации, необходимо прибегать к административным трибуналам. Административные трибуналы в Испании совершенно самостоятельны и не подчиняются никаким органам в системе общих судов.

Сама же система административной юстиции была заимствована из французского права, однако имеются и отличительные особенности. Одним из основных отличий является то, что институт административной юстиции не получил отражения в Конституции Испании.

Основная часть

В суды административной юстиции ежегодно поступают тысячи жалоб. Эти суды рассматривают как малозначительные, так и крупные дела. Они проверяют законность административных актов - от рядовых муниципальных до королевских декретов.

Организация и деятельность судов административной юстиции регулируются Законом от 27 декабря 1956 года «Об административной юстиции» (с последующими изменениями и дополнениями). Этот закон был разработан для того, чтобы избежать различных формалистических толкований, которые приводили к непринятию административных жалоб.

Административная юстиция не должна пониматься, будто бы она создана для установления прав и гарантий администрации. Наоборот, административная юстиция позволяет воплотить справедливость в более высокой форме, чем если бы данные вопросы относились к другим юрисдикциям.

Только с помощью справедливости и соблюдения норм и принципов права возможно организовать общество и воплотить в жизнь административный замысел современного государства. Исполнение и следование нормам, каким бы ни был субъективный критерий должностных лиц, является обязательным в качестве основы существования социального порядка и единства административной деятельности.

Однако принципы единства и правопорядка колеблются, когда право заменяется на произвол. И здесь нужна административная юстиция. Поэтому, когда административная юстиция аннулирует противоречащие закону акты администрации, она не ущемляет ее престиж, а наоборот, содействует развертыванию административных функций.

Административная юстиция имеет специальной целью рассмотрение претензий, вытекающих в связи с актами публичной администрации, являющейся субъектом административного права.

Процесс в административных трибуналах не является кассацией, а первой судебной инстанцией. Они не рассматривают вопросы, не входящие в их юрисдикцию, такие как:

– вопросы гражданского или уголовного характера, отнесенные к обычной юрисдикции, а также вопросы, связанные с актами администрации, законами отнесенные к другим юрисдикциям;

– вопросы, возникающие в связи с политическими актами Правительства, например, касающиеся защиты государственной территории, международных отношений, внутренней безопасности государства и военной организации;
– решение вопросов компетенции между административной и обычной или специальной юрисдикциями и споры о компетенции.

Административные трибуналы рассматривают вопросы:

– связанные с исполнением, пониманием и заключением договоров вне зависимости от их юридической природы, совершенные публичной администрацией, когда целью являются публичные работы или услуги любого рода;
– вытекающие из имущественной ответственности публичной администрации;
– специально отнесенные каким-либо законом к данной юрисдикции.

Органы административной юстиции создаются при судах:

– административные трибуналы при территориальных судах (Salas de lo Contencioso - administrativo de las Audiencias Territoriales);
– административные трибуналы при Верховном суде (Salas de lo Contencioso – administrativo del Tribunal Supremo);
– кассационный административный трибунал при Верховном суде (Sala de Revision de lo Contencioso - administrativo del Tribunal Supremo).

При каждом территориальном суде создается административный трибунал с той же компетенцией. В исключительных случаях Правительство может создавать другие административные трибуналы, юрисдикция которых может ограничиваться одной или несколькими провинциями.

Административные трибуналы при территориальных судах в первой и последней инстанции рассматривают иски, связанные с:

– актами, не подпадающими под простую административную жалобу, рассматриваемую органами публичной администрации, компетенция которых не распространяется на всю государственную территорию;
– актами и решениями, вынесенными органами публичной администрации, компетенция которых распространяется на всю территорию государства, но чей органический уровень ниже министра по вопросам персонала;
– явно выраженными или подразумеваемыми актами министров, должностных лиц (autoridades) и центральных органов нижней иерархии, решениями по административным жалобам, включая экономико-административные, и решениями, вынесенными во исполнение функции надзора за органами, компетенция которых не распространяется на всю территорию государства.

Также, административные трибуналы при территориальных судах рассматривают иски об имущественной ответственности публичной администрации, гражданских должностных лиц за акты и деяния, совершенные в исполнение своих должностных обязанностей, если в том или ином случае это не относится к компетенции Верховного суда.

Административные трибуналы при Верховном суде. Административные трибуналы при Верховном суде в первой и последней инстанции рассматривает следующие вопросы:

– жалобы в органы административной юстиции, прямо оспаривающие положения общего характера органов администрации государства, компетенция которых распространяется на всю государственную территорию;

– административные жалобы в отношении актов Совета министров, Делегатских комиссий и министров;
– акты и резолюции органов публичной администрации, компетенция которых распространяется на всю территорию государства и органический уровень которых ниже министра по вопросам, не касающемся персонала;
– вопросы имущественной ответственностьи публичной администрации (Совета министров, Делегатских комиссий Правительства и министров) и иски, возбуждаемые гражданскими губернаторами или должностными лицами, органический уровень которых равен или выше генерального директора, по которым они подлежат ответственности за деяния, совершенные в исполнение своих должностных обязанностей;
– акты, принятые Высшим советом военной юстиции (Cosejo Supremo de Justicia Militar) или по его предложению.

Во второй инстанции административные трибуналы при Верховном суде рассматривают апелляционные жалобы на решения, вынесенные административными трибуналами при территориальных судах.

Также административные трибуналы при Верховном суде рассматривают:
– кассационные жалобы против твердых решений (sentencias firmes) административных трибуналов при территориальных судах;
– жалобы по непринятию апелляции;
– вопросы компетенции, возникающие между двумя или более административными трибуналами при территориальных судах.

Распределение дел между административными трибуналами при Верховном суде осуществляется руководством Верховного суда.

Жалобы против твердых решений любого из административных трибуналов при Верховном суде рассматриваются кассационным административным трибуналом при Верховном суде.

Административные трибуналы при территориальных судах состоят из председателя и двух магистратов. В каждый административный трибунал при Верховном суде входит председатель и магистраты, количество которых устанавливается органическими решениями Верховного суда. Эти трибуналы разбиты на отделы, в которых председательствует председательствующий в трибунале или наиболее старший магистрат отдела. Для принятия обычного решения достаточно совпадения мнения председательствующего и двух магистратов.

Председатель и магистраты административных трибуналов при Верховном суде и при территориальных судах назначаются Правительством по предложению министра юстиции. В эти трибуналы также входят секретари, должностные лица и технические сотрудники.

Кассационный административный трибунал при Верховном суде состоит из председателя Верховного суда, председателей административных трибуналов при Верховном суде и магистратов с наибольшим стажем из каждого из административных трибуналов при Верховном суде.

В Испании имеются и иные органы контроля над законностью в государственном управлении. Среди этих органов прежде всего следует выделить хозяйственно-административные трибуналы, рассматривающие в основном финансовые споры. Система хозяйственно-административных трибуналов была образована в конце 1970-х - 1980-х годах. Ее возглавляет центральный хозяйственно-административный трибунал, состоящий из председателя, 11 членов и генерального секретаря. Трибунал рассматривает в первой инстанции

финансовые споры на крупные суммы и жалобы на постановления Министерства Экономики и других центральных учреждений, а во второй инстанции - жалобы на постановления нижестоящих судов - хозяйственно-административных трибуналов региональных автономных объединений и соответствующих трибуналов провинций.

Заключение

Таким образом, необходимо сделать вывод о важной роли административных трибуналов для укрепления законности государственного управления и доверия граждан. Из тех проблем, которые необходимо решить остается четкое урегулирование административной процедуры, для чего следует реформировать законодательство.

Библиография

1. Королев М.А. К вопросу о соотношении обычной и конвенционной норм относительно влияния изменившихся обстоятельств на силе международного договора // МЖМП. 1995. № 3. С. 17-45.
2. Павлова Л.В. Имплементация договорных обязательств Республики Беларусь в национальном законодательстве // МЖМП. 2006. № 1. С. 201–207.
3. Туманов В.А. Половченко К.А. Конституционные основы судебной власти. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 326.
4. Шашкова А.В. Конституционное правосудие в Испании на примере процедуры ампаро // Право и государство: теория и практика. 2017. № 5 (149). С. 49-54.
5. Шашкова А.В. Правительство Испании (организационно-правовые проблемы): дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. 162 с.
6. Шашкова А.В. Понятие механизма государственного управления. Высшие и центральные органы публичной администрации в Испании // Юрист. 1999. № 4. С. 6-12.
7. Шашкова А.В. Органы контроля за законностью в государственном управлении Испании // Президентский контроль. 1999. № 3. С. 33-39.
8. Constitucion Espanola, de 29 de diciembre de 1978.
9. Donini A., Forlivesi M., Rota A., Tullini P. Torwads collective protection for crowdworkers: Italy, Spain and France in the EU context // Transfer. 2017. №23 (2). P. 207-223.
10. Hernandez R.M. Breach by the constitutional court of the fair administration of justice within the admission process of the recurso de amparo. The european court of human rights case arribas anton vs. Spain [Incumplimiento de la buena administracion de justicia del tribunal constitucional en la admision del recurso de amparo. El caso arribas anton vs. Espana del tedth] // Revista Espanola de Derecho Constitucional. 2016. P. 369-414.
11. Korolev M.A. (1995) K voprosu o sootnoshenii obychnoi i konventsionnoi norm otnositel'no vliyaniya izmenivshikhsya obstoyatel'stv na sile mezhdunarodnogo dogovora [On the question of the correlation between conventional and conventional norms regarding the influence of changed circumstances on the strength of an international treaty]. *MZhMP* [MJIL], 3, pp. 17-45.
12. Ley Orgánica 2/1979, de 3 de octubre, del Tribunal Constitucional.
13. Ley 38/1988, de 28 de diciembre, de Demarcación y de Planta Judicial / BOE núm. 313, de 30 de diciembre de 1988, páginas 36580 a 36635.
14. Martinez M.A.A. El Recurso previo de in constitucionalidad segun la ley organica 12/2015: Un regreso esperado, una reforma insuficiente // Revista de Derecho Politico. 2015. № (97). P. 89-140.
15. Organizacion de Juzgados y Tribunales.
16. Pavlova L.V. (2006) Implementatsiya dogovornykh obyazatel'stv Respubliki Belarus' v natsional'nom zakonodatel'stve [Implementation of contractual obligations of the Republic of Belarus in the national legislation]. *MZhMP* [MJIL], 1, pp. 201–207.
17. Regionini G. Governmentalities without political capacity // Policy Sciences. 2017. № 50 (2). P. 163-178.
18. Shashkova A.V., Rakittskaya I.A., Pavlov E.Ya. Emergence and Activity of Legal Entities in Russia in the Pre-Revolutionary Period (comparative analysis) // Bylye Gody. 2017. Vol. 46. Is. 4. P. 1333-1344.
19. Shashkova A.V. Study Manual on Bases of Russian Law // Cambridge Scholars Publishing. 2015. P. 374.

Problems of regulation of public institutions by the example of administrative justice in Spain

Anna V. Shashkova

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Constitutional Law,
Moscow State Institute of International Relations (University),
Moscow Region Bar Lawyer,
Honorary Consul for St. Vincent and the Grenadines,
119454, 76, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: a.shashkova@inno.mgimo.ru

Abstract

This article is devoted to the analysis of the mechanism of administrative justice in Spain. The author considers the special role of administrative tribunals, which are not subordinate to any bodies in the system of common courts. The article poses the problem of the organization and operation of the courts of administrative justice of Spain. The article points to the need for administrative justice to effectively address the issues of control and supervision over the Spanish governing bodies. The author comes to the conclusion that there is a need for a clear settlement of the administrative procedure in the Spanish legislation. The author concludes that it is necessary to draw a conclusion about the important role of administrative tribunals for strengthening the legitimacy of public administration and the confidence of citizens. Of the problems that need to be resolved is a clear settlement of the administrative procedure, for which it is necessary to reform the legislation. In Spain, there are other bodies of control over the rule of law in public administration. Among these bodies, first of all, economic and administrative tribunals, which mainly deal with financial disputes, should be singled out. The Tribunal examines in the first instance financial disputes on large sums and complaints against decisions of the Ministry of Economy and other central institutions, and in the second instance complaints about decisions of lower courts, economic and administrative tribunals of regional autonomous associations and the relevant provincial tribunals.

For citation

Shashkova A.V. (2017) Problemy regulirovaniya gosudarstvennykh institutov na primere administrativnoi yustitsii Ispanii [Problems of regulation of public institutions by the example of administrative justice in Spain]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(12A), pp. 172-178.

Keywords

Administrative justice, administrative tribunal, Spain, administrative process, cassation.

References

1. Donini A., Forlivesi M., Rota A., Tullini P. (2017) Torwads collective protection for crowdworkers: Italy, Spain and France in the EU context. *Transfer*, 23 (2), pp. 207-223.
2. Hernandez R.M. (2016) Breach by the constitutional court of the fair administration of justice within the admission process of the recurso de amparo. The european court of human rights case arribas anton vs. Spain [Incumplimiento de

la buena administracion de justicia del tribunal constitucional en la admision del recurso de amparo. El caso arribas anton vs. Espana del tedth]. *Revista Espanola de Derecho Constitucional*, pp. 369-414.
3. Ley Orgánica 2/1979, de 3 de octubre, del Tribunal Constitucional.
4. Ley 38/1988, de 28 de diciembre, de Demarcación y de Planta.
5. Martinez M.A.A. (2015) El Recurso previo de in constitucionalidad segun la ley organica 12/2015: Un regreso esperado, una reforma insuficiente. *Revista de Derecho Politico*, 97, pp. 89-140.
6. Organizacion de Juzgados y Tribunales.
7. Regionini G. (2017) Governmentalities without political capacity. *Policy Sciences*, 50 (2), pp. 163-178.
8. Shashkova A.V., Rakittskaya I.A., Pavlov E.Ya. (2017) Emergence and Activity of Legal Entities in Russia in the Pre-Revolutionary Period (comparative analysis). *Bylye Gody*, 46, 4, pp. 1333-1344.
9. Shashkova A.V. (2017) Konstitutsionnoe pravosudie v Ispanii na primere protsedury amparo [Constitutional justice in Spain on the example of amparo procedure]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and the state: theory and practice], 5 (149), pp. 49-54.
10. Shashkova A.V. (1999) Organy kontrolya za zakonnost'yu v gosudarstvennom upravlenii Ispanii [Bodies of control over the legality in the public administration of Spain]. *Prezidentskii kontrol'* [Presidential contro], 3, pp. 33-39.
11. Shashkova A.V. (2001) *Pravitel'stvo Ispanii (organizatsionno-pravovye problemy). Doct. Dis.* [Government of Spain (organizational and legal problems). Doct. Dis.]. Moscow.
12. Shashkova A.V. (1999) Ponyatie mekhanizma gosudarstvennogo upravleniya. Vysshie i tsentral'nye organy publichnoi administratsii v Ispanii [Concept of the mechanism of public administration. Higher and central public administration in Spain]. *Yurist* [Lawyer], 4, pp. 6-12.
13. Shashkova A.V. (2015) *Study Manual on Bases of Russian Law*. Cambridge Scholars Publishing.
14. Tumanov V.A. Polovchenko K.A. (2016) *Konstitutsionnye osnovy sudebnoi vlasti. Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional basis of the judiciary. Constitutional law of foreign countries]. Moscow: Norma: INFRA-M Publ.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

1) заголовок (название) статьи;

2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);

3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;

4) аннотация (авторское резюме);

5) ключевые слова;

6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;

7) список использованной литературы в алфавитном порядке;

8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

– информативной (не содержать общих слов);

– оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);

– содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);

– структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);

– «англоязычной» (написанной качественным английским языком);

– **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (**www.translit.ru**, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

– книги;

– статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;

– диссертации и авторефераты;

– нормативные акты;

– электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

– архивы;

– неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 или http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои корректировки, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 an 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

– informative (be free of common words);

– original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);

– substantive (to reflect the main content of an article and research results);

– structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);

– "English-speaking" (written in high-grade English);

– **volume from 150 to 250 words**.

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauch-nyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 or http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Cultorology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.